

Федеральное агентство по образованию
САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ

На правах рукописи

БАЛАШОВА МАРИЯ СЕРГЕЕВНА
РЕЛИГИОЗНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ТВОРЧЕСТВА ИВЛИНА ВО

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Специальность 10.01.03 – литература народов стран зарубежья
(европейская и американская литература)

Научный руководитель:
доктор филологических наук
доцент Кабанова И.В.

Саратов 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Католицизм в раннем творчестве Во: «Эдмунд Кэмптон»	
Путь Во к католицизму	21
Во в католической полемике 1930-х гг.....	35
Апологет католичества: биография «Эдмунд Кэмптон».....	49
Концепция английской истории в «Эдмунде Кэмптоне».....	52
Образ Кэмптона: изображение религиозного опыта.....	58
Панорама эпохи в «Кэмптоне» и сатирическое мастерство Во.....	67
Глава 2. Влияние Второй мировой войны на католические взгляды Во. Роман «Елена»	
Католик на войне. «Возвращение в Брайдсхед», «Незабвенная»...	75
Идея божественного предназначения и роман «Елена».....	88
Творческая история и рецепция романа.....	89
Предназначение и святость в образе Елены. Лжерелигии и христианство в романе.....	97
Власть с точки зрения христианской морали.....	110
Католичество и литературное творчество.....	119
Глава 3. Разрыв с «современным веком». Биография «Рональд Нокс»	
Во в 1950-66 гг. Католицизм в поздних романах.....	127
«Жизнь Рональда Нокса»: двойной портрет героя и автора на фоне эпохи.....	141
Путь англиканина к католицизму.....	144
Рональд Нокс в католической церкви.....	155
Рональд Нокс – переводчик Библии.....	167
Заключение.....	174
Библиография.....	183

Введение

Ивлин Во (Evelyn Waugh, 1903–1966) считается классиком английской литературы XX в. в силу высочайшего и на редкость ровного уровня письма, солидной критической репутации¹. В отличие от многих других «классиков XX в.», его читают не «по программе», а для удовольствия; его романы постоянно переиздаются, он переведен на все основные языки мира², и – знак востребованности в современной культуре – основные его романы уже неоднократно экранизированы³. В рецензиях на произведения современных авторов устойчивое выражение «в манере Во» у критиков означает «смешно, гротесково, убийственно по смыслу, безупречно по форме». Мы задаемся

¹ См. библиографические указатели, перечисляющие десятки монографий и диссертаций, тысячи статей: Evelyn Waugh: a checklist of primary and secondary material / Ed. by R.M. Davies, P.A. Doyle. – N.Y.: Whiston, 1972; Ивлин Во. Библиографический указатель. / Сост. Е.Ю. Гениева. – М.: Книга, 1981. (серия «Писатели зарубежных стран»); Evelyn Waugh: A Supplementary Checklist of Criticism // Evelyn Waugh Newsletter and Studies. – Sep. 2007. – Vol. 38, Issue 2; Spring 2009. – Vol. 40, Issue 1. [Электронный ресурс] <http://leicester.contentdm.oclc.org/cdm/search/collection/p16445coll11/order/date/ad/desc> (дата обращения: 02.10.2014).

² Например, история русских переводов Во началась в 1937 г. с перевода М. Уманской рассказа «Человек, который любил Диккенса». Следующий перевод появился тридцать с лишним лет спустя – «Незабвенная» в переводе Б. Носика, 1969; для первого сборника Во в издательстве «Молодая гвардия» 1971 г. Л. Беспалова перевела «Пригоршню праха», а В. Смирнов – роман «Не жалейте флагов». Долгое время стандартным оставался у нас том в серии «Мастера зарубежной прозы» (1 изд. – «Прогресс», 1974), включивший в себя «Мерзкую плоть», «Возвращение в Брайдсхед» и подборку рассказов. В пятитомное собрание сочинений 1995 г. (сост. О. Сосин) вошли уже все романы Во, за исключением «Елены», переведенной А. Иорданским в 2003 г. С тех пор «русский Во» пополнился переводами его автобиографии («A Little Learning» В.Г. Минушин перевел как «Насмешник»), частично – путевой прозы, и последним на сегодняшний день является перевод А. Ливергантом фрагментов из дневников писателя 1911–1965 гг. («Чувствую себя глубоко подавленным и несчастным». – М.: Текст, 2013.).

³ Некоторые экранизации: «The Loved One» (реж. Тони Рачардсон, 1965), «Sword of Honour» (реж. 1967), «Decline and Fall... of a Bird Watcher» (реж. Джон Криш, 1968), «Scoop» (реж. Гэвин Миллар, 1987), «Brideshead Revisited» (телесериал Би-би-си, реж. Чарльз Старридж, 1981), «A Handful of Dust» (реж. Чарльз Старридж, 1988), «Sword of Honour» (реж. Билл Андерсон, 2001), «Bright Young Things» (реж. Стивен Фрай, 2004), «Brideshead Revisited» (реж. Джулиан Джаррольд, 2008).

вопросом: что лежит в основе этой долговечности и широкой популярности творчества Во; что, помимо литературного таланта, позволило ему предложить такие ответы на запросы времени, которые сохраняют свою актуальность и художественную свежесть по сей день? Вероятно, ответ следует искать не только на уровне писательского мастерства Во, но и в особенностях его мировоззрения. Во принадлежал к поколению молодых романистов 1930-х годов, которое полагало, что присутствует при крушении буржуазно-либерального гуманизма, но отказался делать традиционный среди его сверстников выбор между модными идеологиями коммунизма и фашизма и выбрал самую «немодную» мировоззренческую систему – Римскую католическую церковь. Как и почему это произошло, описывают многочисленные английские и американские биографы Во; о последствиях принятия католичества для его художественного творчества спорят историки литературы. Однако недаром среди монографий о Во преобладает тип исследования, в котором главы биографического характера чередуются с главами, исследующими тексты определенного периода⁴; критики ощущают, что его творчество, базирующееся на религиозной основе, которая в обществе XX в. подверглась сильнейшей эрозии, получает должное раскрытие только с учетом обстоятельств биографического характера. В нашей работе воссоздается биография Во прежде всего как католика, обрисовывается сквозная католическая линия его творчества, что создает фон для анализа трех важнейших открыто католических произведений писателя, о которых в отечественной критике сказано пока очень мало («Эдмунд Кэмптон», 1935; «Елена», 1950; «Жизнь Рональда Нокса», 1959); мы заполняем эту лакуну.

В наши дни, когда церковь и христианская вера переживают тяжелые времена и их положение и статус становятся темой для дебатов как на Западе, так и в нашей стране, такая постановка вопроса обеспечивает **актуальность** предпринимаемого нами исследования. **Научная новизна** обеспечивается

⁴ Начало такому типу исследований положил Мартин Стэннارد в 1986 г.; та же структура характерна для большинства наиболее глубоких книг о Во, вплоть до работы Энн Пастернак Слейтер (Pasternak Slater Ann. Evelyn Waugh. – Northcote House Publishers, 2014).

обращением не только к вопросам художественного мастерства Во, о чем у нас достаточно написано, но и к вопросам мировоззрения, которые отечественные исследователи обычно только обозначают, не вдаваясь в них подробно.

Объект исследования – отражение в художественной прозе Во индивидуальных особенностей его католицизма.

Предмет исследования – своеобразные религиозные убеждения Во, который был далек от «нормального», среднестатистического католика, и их отражение в его литературном творчестве. Мы исследуем индивидуальный творческий метод Во: философско-эстетическую основу творчества писателя в контексте эпохи, место и функционирование в ней христианского элемента, определяющего в его мировоззрении, на биографическом и творческом уровне.

Материал исследования отбирался исходя из степени наличия в нем католической проблематики и степени его изученности. Поэтому хорошо исследованные с точки зрения католической проблематики романы Во («Возвращение в Брайдсхед», «Незабвенная», «Испытание Гилберта Пинфолда») даются обзорно, для создания целостной картины эволюции творчества Во, а в фокус исследования поставлены произведения, либо не переведенные на русский язык (биографии «Эдмунд Кэмптон» – «Edmund Campion» и «Рональд Нокс» – «Ronald Knox»), либо переведенные поздно (роман «Елена» – «Helena») и не нашедшие пока адекватного комментария в отечественной англистике.

Теоретической основой работы стал синтез биографического метода с методом культурно-исторического анализа. Историю католицизма в Англии, где после Реформации он стал религией меньшинства⁵, а также сведения по

⁵ По оценкам историков, в елизаветинской Англии католики составляли 2% населения. Согласно переписи 2012 г. – 7% населения против 5% по переписи 1910 г. Рост зафиксирован исключительно за счет эмиграции из Польши и Литвы; число неверующих англичан, «людей без религии» в Соединенном Королевстве сегодня – 32,9 %. См.:

http://en.wikipedia.org/wiki/Religion_in_the_United_Kingdom ;

<http://www.secularism.org.uk/news/2013/05/statistics-show-massive-loss-of-interest-in-catholicism-in-england-and-wales>

Высоким уровнем аналитики отличается сайт Общества латинской мессы Англии и Уэльса, The Latin Mass Society of England and Wales, чья статистика отражает глубокий современный

католической доктрине мы почерпнули из работ аббата Гаскета, преподобного Р. Нокса, епископа Мэтью, историков П. Джонсона, М. Хейман, Р. Гриффитса, Дж. Хитчкока, Б.Л.Шелли⁶ и др. История католического романа в Англии представляет собой активно развивающуюся отрасль литературоведения, которая сочетает методы культурно-исторического и историко-литературного анализа и позволяет нам четче определить своеобразие творчества Во (Т. Вудмен, Й. Кер, Р.Гриффитс, М.Кроу⁷ и др.).

Методология базируется на традиционной совокупности методов академического анализа литературного произведения и историко-функциональном рассмотрении произведений в контексте творчества писателя. Для нас особенно важна проблема авторской позиции, которая разнообразно представлена в трудах М.М. Бахтина⁸, В.В. Виноградова⁹, Л.С. Выготского¹⁰, Д.С. Лихачева¹¹, Ю.М. Лотмана¹², В.Е. Хализева¹³. Способами проявления авторской позиции в нарративе занимались Ж. Женетт, В. Шмид, Б.А.

кризис римско-католической веры в Британии, см.: <http://www.lms.org.uk/resources/statistics-from-the-catholic-directory>

⁶ Gasket Abbot. *A Short History of the Catholic Church in England*. – L.: Catholic Truth Society, 1903; Knox Ronald. *The Belief of Catholics*. – Colorado Springs: Image Books, 1958; Mathew David. *Catholicism in England: the portrait of a minority: its culture and tradition*. – L.: Longman, 1955; Johnson Paul. *A History of Christianity*. – N.Y.: Simon and Schuster, 1976; Shelley Bruce L. *Church History in Plain Language*. – Thomas Nelson Inc., 2013; Heimann Mary. *Catholic Devotion in Victorian England*. – Oxford: Clarendon Press, 1995; Hitchcock James. *History of the Catholic Church. From Apostolic Age to Millennium*. –San Francisco: Ignatius Press, 2012.

⁷ Woodman Th. *The Faithful Fictions: the Catholic Novel in British Literature*. Milton Keynes, England: – Open UP, 1991; Ker, Ian. *The Catholic Revival in English Literature, 1845-1961: Newman, Hopkins, Belloc, Chesterton, Greene, Waugh*. – Chippenham - Indiana: Notre Dame UP, 2003; Crow Mariam E. *Aiming at Heaven, Getting the Earth: the English Catholic Novel Today*. – Plymouth: Lexington Books, 2007; Griffiths Richard. *The Pen and the Cross: Catholicism and English Literature 1850 – 2000*. N.Y.: Continuum Publishers, 2010.

⁸Бахтин М.М. *Проблемы поэтики Достоевского*. 3-е изд. М.: Худож. лит., 1972; Бахтин М.М. *Вопросы литературы и эстетики*. – М.: Худож. лит., 1975.

⁹Виноградов В.В. *О языке художественной прозы. Избранные труды*. – М.: Наука, 1980.

¹⁰Выготский М.С. *Психология искусства*. – М.: Лабиринт, 1997.

¹¹Лихачев Д.С. *Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы*. – 1968. – № 8.

¹²Лотман Ю.М. *Внутри мыслящих миров. Человек. Текст – Семиосфера – История*. – М.: Языки русской культуры, 1996; Лотман Ю.М. *Об искусстве*. – СПб.: Искусство, 1998.

¹³Хализев В.Е. *Теория литературы*. – М.: Высшая школа, 2002.

Успенский, на материале современного английского романа – С.Н. Филюшкина¹⁴.

Степень изученности вопроса. В отечественном литературоведении мировоззренческие основы творчества Во чаще рассматривались с общественно-политической точки зрения.

Наши исследователи вслед за впервые упомянувшей Во А.А. Елистратовой¹⁵ традиционно делают акцент на сатирическую составляющую произведений Во. Большое внимание исследованию творчества Ивлина Во уделяли В.В. Ивашева¹⁶ и Г.А. Анджапаридзе¹⁷. Для автора первой отечественной диссертации о творчестве Во Г.А. Анджапаридзе важно было доказать, что писатель не был простым развлекателем публики, а серьезным сатириком: «Упадок и разрушение» буржуазной Англии XX века станет

¹⁴ Женнет Ж. Фигуры. В 2 т. – М.: Изд.-во им. Сабашниковых, 1998; Шмид В. Нарратология. – М.: Языки славянской культуры, 2003; Успенский Б.А. Поэтика композиции // Семиотика искусства. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 9-218; Филюшкина С.Н. Современный английский роман (Формы раскрытия авторского сознания и проблемы повествовательной техники). – Воронеж: изд-во Воронежск. ун-та, 1988.

¹⁵ Елистратова А.А. Свобода циничного зубоскальства // Иностран. лит. – 1958, №5. – С. 258-260; Елистратова А.А. Современная английская литература // История английской литературы. Т. 3. М., 1958. – С. 687-723; Елистратова А.А. Неприятная правда об одной «приятной прогулке» // Иностран. лит. – 1961, №4. – С. 194-197; Елистратова А.А. «Англо-американская трагедия» Эвелина Во // Иностран. лит. – 1969, №2. – С. 191-194.

¹⁶ Ивашева В.В. Английская литература. XX век. – М.: Просвещение, 1967. С. 271-279; Ивашева В.В. Новые тенденции в английской прозе 60-х годов // Вопросы лит. – 1967, №3. – С. 177-194; Ивашева В.В. Ивлин Во и его сатирическая традиция в наши дни // Ивашева В.В. Что сохраняет время? Литература Великобритании 1945-1977. – М.: Советский писатель, 1979. – С. 89-105; Ивашева В.В. Литература Великобритании XX в. – М.: Высшая школа 1984; Ивашева В.В. Новые черты реализма на Западе. – М.: Советский писатель, 1986.

¹⁷ Анджапаридзе Г.А. К вопросу о традиции английского просветительского романа в современном английском романе: на примере творчества Эв. Во // Тезисы докладов конф. по проблемам литературы Просвещения. – М.: МГУ, 1971. С.97-100; Анджапаридзе Г.А. Ранние романы Эвелина Во // Филол. науки. Науч. докл. высш. шк.– 1971, №1. – С. 14-25; Анджапаридзе Г.А. Эвелин Во: сатирик или развлекатель? / Г.А.Анджапаридзе // Вопросы лит. – 1971, №10. – С.213-218; Анджапаридзе Г.А. Сатирические романы Эвелина Во: автореф. канд. дисс.. М.: МГУ, 1973; Анджапаридзе Г.А. Предисловие // Во И. Избранное. – М.: Прогресс, 1974. – С. 5-18; Анджапаридзе Г.А. Трилогия Э. Во «Почетный меч» // Проблемы английской литературы XIX и XX вв. – М., 1974. – С. 138-177; Анджапаридзе Г.А. Ивлин Во сатирик и лирик // Waugh Evelyn. Prose. Memoirs. Essays. – М.: Прогресс, 1980. – С.5-29; Анджапаридзе Г.А. Ивлин Во // Английская литература: 1945-1980. – М.: Наука, 1987. – С. 78-91; Анджапаридзе Г.А. Почему сегодня стоит прочесть Ивлина Во. Рец. на: Во И. Собрание сочинений. В 5 т. М., 1996. // Книжное обозрение. –1996, 14 мая. – С.6.

сквозной темой всего творчества Во, который до конца дней оставался язвительным сатириком, бичующим пороки своих современников»¹⁸.

В постсоветское время появлялись небольшие работы об «Эдмунде Кэмпione» и «Елене»¹⁹, считанные диссертации лингвистического²⁰ и литературоведческого характера. Т.П. Сазонова усматривает в парадоксе ключ к поэтике раннего Во²¹; И.В. Бердникова предлагает качественный обзор отечественной критики по творчеству Во от А.А. Елистратовой до А.М. Зверева и, отталкиваясь от доминирующего представления о «реалисте-сатирике», усматривает основу творчества Во 1930-х гг. в синтезе идей А. Бергсона, О. Шпенглера и Дж. Фрейзера, анализируя зооморфный код ранних романов как специфическое воплощение этого синтеза²². Л.Р. Татарникова рассмотрела «Возвращение в Брайдсхед» с точки зрения христианских мотивов верности, милосердия, потерянного рая и пришла к выводу, в сущности совпадающему с взглядами Г.А.Анджапаридзе: «пытаясь найти в религии оплот среди хаоса современной действительности, он отчетливо видел обреченность своего идеала, как и обреченность основного носителя этого идеала – класса

¹⁸ Анджапаридзе Г.А. Предисловие // Во И. Мерзкая плоть: Возвращение в Брайдсхед: Романы; Незабвенная: Повесть; Рассказы. Сост. и авт. предисл. Г. Анджапаридзе. – М., 1982. – С. 6.

¹⁹ Кабанова И.В. «Эдмунд Кэмпione» Ивлины Во // Филология. – Саратов, 1996. – С. 94-97; Кабанова И.В. Женский идеал Ивлины Во в романе «Елена» // О женщине, женщинах и прочем. Сборник, посв. юбилею проф. Е.Н.Строгановой. – Тверь: изд-во ТГУ. 2007. – С.124-134; Kabanova I. Sovereign power in Evelyn Waugh's *Edmund Campione* and *Helena* // "A Handful of Mischief": New Essays on Evelyn Waugh. Ed. Donat Gallagher, Ann Pasternak Slater, and John Howard Wilson. – Madison-Teaneck: Fairleigh Dickinson University Press, 2011. P. 87-96.

²⁰ Воскресенская Е.Г. Интертекстуальные включения в произведениях И.Во : автореф. канд. дисс.: 10.02.04. – Барнаул. гос. пед. ун-т, 2004; Мантыева Б. А. Отрицание в понятийной и языковой картине мира в личностном и художественном дискурсе : (на материале произведений Б. Рассела "Почему я не христианин", "Почему я рационалист", "Я атеист или агностик?", В. Вулф "Миссис Дэллоуэй", И. Во "Возвращение в Брайдсхед") : автореф. канд. дисс. 10.02.04. – М.: Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 2006.

²¹ Сазонова Т.П. Парадокс в творчестве Ивлины Во: романы 20-30-х годов : автореф. канд. дисс. – М.: Моск. гос. пед. ун-т, 1997.

²² Бердникова И.В. Идеино-философская основа и культурно-художественные контексты ранних романов Ивлины Во : автореф. канд. дисс.: – Омск: Омский государственный педагогический университет, 2006.

земельной аристократии»²³. Поскольку «Брайдсхед» является наиболее изученным в отечественной критике произведением Во, закономерно, что с него начался в России анализ религиозной составляющей его творчества.

Мы же хотим обратить внимание именно на процесс взаимодействия личности автора, его вероисповедания, с художественным миром его произведений, проследить в них преломление религиозных взглядов писателя.

Определение «писатель-католик» превратилось в ярлык, якобы снимающий все дальнейшие вопросы по творчеству Во. Мы полагаем, что каждый верующий писатель, тем более масштаба Во, обладает индивидуальным восприятием веры, Бога и богословия. Обращаясь к творчеству писателей-католиков в Англии в XX в., следует говорить о католицизме Г.К. Честертон, Х. Беллока, Грэма Грина, Дж.Р.Р. Толкиена и т.д. как об индивидуальных мировоззрениях, несколько отличных друг от друга – и от стандартного понимания католической доктрины. Поэтому мы считаем важным выявить именно тот особый католицизм, свойственный Ивлину Во как человеку и писателю, те аспекты его личной индивидуальной веры, которые определили направление его творчества и те ключевые понятия, на которых в определенной степени основана проблематика его произведений.

Вместе с тем стоит отметить, что творчество Во практически полностью лишено привкуса пропаганды, который часто присутствует у писателей с четко выраженной идеологией, будь то религиозной или политической. Его христианство органично вплетено в художественный мир его произведений, так что в его случае анализ творчества и биографии взаимодополняют друг друга, являются единым целым. Мы работаем с гранью, на которой художественный мир произведения обнаруживает реального биографического автора, поэтому в работе уделяется много внимания дневникам, письмам, биографическим свидетельствам.

²³ Татарникова Л.Р. Ценностно-смысловая трансформация христианских мотивов в произведениях Ивлино Во, Джона Фаулза и Курта Воннегута : дисс. канд. филол. наук. – Чита, 2006. С. 159.

Труды, в которых затрагивается интересующая нас проблематика, можно разделить на три группы.

Во-первых, это работы по истории католического романа в английской литературе. В эссе «Во чреве кита» (1940) Джордж Оруэлл, отмечая тягу ряда английских писателей 1930-х гг. к католицизму, замечает: «Искусство романа – это, по сути дела, протестантское искусство, оно продукт вольного ума, независимой личности»²⁴. Историки английского романа подчеркивают взаимосвязь между его возникновением в английской литературе XVIII в. и плодами эмансипации личности в английском протестантизме XVII в.²⁵. Эмпиризм классического английского романа противостоит католической вере в трансцендентное, чудесное, во всеблагое Бога, поэтому термин «католический роман», особенно применительно к английской литературе, сам по себе выглядит дискуссионным. Однако существуют истории «католического романа», определена специфика его тематики и проблематики.

Зарождение «католического романа» в английской литературе связывается с «оксфордским движением», или с «католическим возрождением» (Catholic Revival) 1830-40х гг., движением внутри англиканской церкви за сближение с римско-католической церковью, в результате которого из официального англиканства выделилось англокатоличество, или «высокая церковь» (Anglo-Catholicism, High Church)²⁶. Со временем обратившийся в римский католицизм глава «католического возрождения» кардинал Джон Г.

²⁴ Оруэлл Джордж. Во чреве кита // Оруэлл Джордж. Скотный двор. 1984. Памяти Каталонии. Эссе. – М.: НФ «Пушкинская библиотека», изд-во АСТ, 2003. С. 494.

²⁵ Так, Йэн Уотт приписывает возникновение реалистического романа изменениям в читательской аудитории, экономическому индивидуализму и «распространению протестантизма, особенно его пуританской и кальвинистской форм». Watt Ian. The Rise of the Novel: Studies in Defoe, Richardson and Fielding. – Berkeley: University of California Press, 1957. – P. 60.

²⁶ В XIX в. англокатолики назывались также «ритуалистами», потому что вернулись к отдельным внешним сторонам католической литургии (облачение священников и хора, зажженные свечи во время богослужения, мессы за упокой души умерших), но Римская католическая церковь продолжала считать их еретиками в силу особенностей возведения в сан в англиканской церкви (католическая «живая традиция» апостольской преемственности была прервана в англиканстве еще при Джоне Кранмере, архиепископе Кентерберийском при Генрихе VIII), а также в силу принципиальной разницы в понимании таинств, особенно доктрин пресуществления и евхаристического жертвоприношения.

Ньюмен (1801 – 1890) – автор романов «Утрата и приобретение: история обращенного» («Loss and Gain: the Story of a Convert», 1848), «Каллиста» («Callista», 1855) – считается создателем «католического романа» в Англии. Большинство исследователей признают невысокую эстетическую ценность английского католического романа вплоть до 1920-х гг. и его расцвет в середине XX в.²⁷

Совокупность монографий и статей по проблематике английского «католического романа» позволяет заключить, что этот термин обозначает: 1) произведение, написанное писателем римско-католического вероисповедания (различаются произведения писателей, родившихся в католических семьях, так называемых «cradle Catholics», и произведения писателей, принявших католичество взрослыми, обращенных католиков); 2) произведение, не обязательно изображающее жизнь верующего католика или затрагивающее церковную проблематику, но обязательно базирующееся на католической истории, культуре, системе ценностей, то есть на живой католической традиции; 3) система художественных средств «католического романа» должна служить задаче воплощения «католических чувств», то есть отношения к миру как к живому, материализованному присутствию Бога²⁸. Католическому писателю, полагают эти исследователи, благодаря его вере открывается такая картина жизни, к которой у некаатолика нет доступа; особая настроенность католического мировосприятия на вечную драму греха и спасения, на проявления благого божественного в повседневном якобы неизбежно

²⁷ Так, о. Кер начинает свое исследование с сомнений кардинала Ньюмена в возможности католического романа в Англии, а заканчивает мнением, что на сегодняшний день место Дж.М. Хопкинса и Х. Беллока в каноне католической литературы бесспорно, «репутация Грина была раздута в силу тематики его романов, и со временем его окончательно затмит Во, чьи несовременные взгляды и нарочитая эксцентричность скрывали его величие романиста». Ker, Ian. *The Catholic Revival in English Literature*. P. 205.

²⁸ См. определения в трудах: Kellogg Jean. *The Vital Tradition, the Catholic novel in a period of convergence*. – Chicago: Loyola University Press, 1970. – P. 1; Sonnenfeld Albert. *Crossroads: Essays on Catholic Novelists*. – University of Michigan: French Literature Publications, Summa. 1982. – P. vii; Woodman Th. *The Faithful Fictions: the Catholic Novel in British Literature*. – Milton Keynes: Open University Press, 1991. – P. xi; Crow Mariam E. *Aiming at Heaven, Getting the Earth: the English Catholic Novel Today*. – Plymouth: Lexington Books, 2007. – P. 23-24.

отражается в произведениях писателей-католиков так, что делает их истинный смысл непонятным для некатоликов.

Таковы, согласно излагаемой точке зрения, свойства «католического романа» в любой национальной литературе: французской (Гюисманс, Ф. Мориак, Ж. Бернанос), американской (Ф. О'Коннор), немецкой (Г.Бёлль). Специфика же английского «католического романа» усматривается, во-первых, в высокой роли в нем обращенных авторов²⁹, а также в особом повороте католической проблематики. Английские католики с XVI в. составляют в обществе незначительное меньшинство и привыкли защищать свою веру не только от гонений со стороны официальной англиканской церкви, но и со стороны пуритан, баптизма, евангелизма и т.д. Поэтому в своих произведениях они сосредотачиваются на тех вопросах веры и литургии, по которым проходит зачастую тонкая разница католичества с деноминациями протестантизма, пусть даже внешне имеющими большое сходство с католичеством, на вопросах таинств и значения мессы, руководства священника, авторитета церкви. Иными словами, английский католический роман демонстрирует то же, что в основной национальной традиции, недоверие к мистицизму, ту же инстинктивную опору на анализ социальных структур.

Авторы монографий о «католическом романе» восстанавливают объем явления³⁰, выстраивают ряд популярных католических романистов начала XX в.: миссис Уилфрид Уорд, Роберт Хью Бенсон, Фредерик Рольф (барон Корво), Морис Бэринг. Творчество Комптона Макензи, Во, Грэма Грина, Дж.Р. Толкиена и М. Спарк знаменует «золотой век» католического романа. Как пишет П. Оллит, все эти новообращенные авторы отказались от дидактизма

²⁹ Согласно Патрику Оллиту, «новообращенные никогда не составляли более 2-3% от общего числа католиков, однако их число среди католических писателей, лекторов, редакторов и профессоров было непропорционально высоко. Именно их идеи определяли повестку дня для прочих интеллектуалов-католиков, работавших внутри католической традиции; к их трудам обращались некатолики, когда хотели понять «католическую точку зрения» по какому-то вопросу». Allitt Patrick. *Catholic Converts: British and American Intellectuals Turn to Rome*. – Ithaca: Cornell University Press, 2000. – P. 15.

³⁰ Томас Вудмен в монографии 1991 г. пишет: «Недавняя и далеко неполная библиография насчитывает около 1700 католических романов». Цит. по: Crow Mariam E. *Op. cit.* P. 31.

католического романа предшествующего этапа, начали изображать «персонажей-католиков, в моральном плане ничуть не превосходящих протестантов или атеистов, людей, чья жизнь в середине XX в. складывается ничуть не более, а часто менее удачно, чем у агностиков; этим католикам никого не удастся обратить в свою веру. То есть это противоположность прежнему католическому роману, в котором обращение рассматривалось как разрешение проблемы земного страдания. Эти авторы изображают католицизм как тяжкий груз, а не как отдохновение для исстрадавшейся души. Они избегают счастливого финала, достигаемого с помощью спиритуалистического *deus ex machina*, и в этом, наряду с их техническим мастерством, заключается привлекательность их произведений и для скептиков, и для сомневающихся верующих»³¹.

С другой стороны, расцвет католического романа в середине XX в. связывается с эпохой так называемого «триумфализма» католической церкви, когда на протяжении 1940-50-х гг. росло ее влияние в мире, а в Англии был стабилен поток новообращенных. Попытка закрепить это новое влияние и одновременно модернизировать церковь была предпринята на II Ватиканском соборе 1962-65 гг., последствия которого сегодня рассматриваются скорее негативно³². Кризис католичества после II Ватиканского собора нашел отражение в творчестве таких современных авторов, как Дэвид Лодж, Берил Бейнбридж, Пирс Пол Рид, Элис Томас Эллис.

Исследователи английского католического романа снабжают нас необходимой историко-литературной перспективой, но обращение к Во у них носит преимущественно оценочный, а не аналитический характер. «Возвращение в Брайдсхед» обязательно рассматривается как центральный

³¹ Allit P. Op. cit. P. 278-279.

³² Дж. Хичкок полагает, что многоаспектные реформы, касающиеся политики католической церкви, ее доктрины и ритуала ввергли католиков в растерянность: «единственное, в чем можно было быть уверенным, так это в том, что происходят стремительные перемены», скорее подорвавшие доверие к учению церкви. (Hitchcock J. History of the Catholic Church. P. 493).

католический роман писателя, и затрагиваются такие характерно католические темы, как изображение священнослужителей в романах Во.

Вторая группа литературно-критических работ, на которую мы опираемся, состоит из монографических исследований творчества Во-писателя.

Ранние монографии о Во зачастую вообще отрицали последовательную нравственную составляющую в его творчестве, а тем более присутствие в нем метафизического плана³³. Заслуга выявления сквозной моральной проблематики романов Во принадлежит Стивену Дж. Гринблатту³⁴ и Уильяму Дж. Куку³⁵. Современный подход к творчеству Во, рассматривающий его литературную технику во взаимосвязи со всем его мировоззренческим комплексом, отражение антиномий его личности в литературном творчестве, начинается с трудов Джеймса Ф. Каренса³⁶ и Джеффри Хита³⁷, развит в работах Р.М. Дэвиса³⁸. Нас интересуют прежде всего подходы к религиозной составляющей творчества Во.

Среди первых исследователей творчества Во стоит отметить католика Фредерика Стоппа, который уже в 1958 г. пишет книгу «Ивлин Во: портрет художника»³⁹ при содействии самого Ивлиина Во. Для нашей работы в книге Стоппа актуальным является раздел из главы «Путем веры», посвященный роману «Елена», но в большей части этой главы идет речь о романе «Возвращение в Брайдсхед». Он же взят в качестве образца католического романа Во в книге А.А. Де Витиса «Римские каникулы: католические романы

³³ O'Donnell Donat. *Maria Cross: Imaginative Patterns in a Group of Modern Catholic Writers*. – L.: Chatto and Windus, 1953; O'Faolain Sean. *The Vanishing Hero: Studies in the Novelists of the Twenties*. – L.: Eyre and Spottiswoode, 1956; Stopp F.J. *Evelyn Waugh: Portrait of an Artist*. – L.: Chapman and Hall, 1958; Bradbury Malcolm. *Evelyn Waugh*. – L.: Oliver and Boyd, 1964; Lodge David. *Evelyn Waugh*. – N.Y.: Columbia UP, 1971.

³⁴ Greenblatt Stephen J. *Three Modern Satirists: Waugh, Orwell and Huxley*. – New Haven: Yale UP, 1965.

³⁵ Cook W.J. *Masks, Modes, and Morals: The Art of Evelyn Waugh*. – Madison, NJ: Fairleigh Dickinson UP, 1971.

³⁶ Carens J.F. *The Satiric Art of Evelyn Waugh*. – University of Washington Press, 1966.

³⁷ Heath Jeffrey M. *The Picturesque Prison: Evelyn Waugh and His Writing*. – McGill-Queen's UP, 1982.

³⁸ Davis R. M. *Evelyn Waugh and the forms of his time*. Catholic University of America Press, 1989; Davis R. M. *Brideshead Revisited: the Past Redeemed*. – Twayne Publishers, 1990.

³⁹ Stopp Frederick John. *Evelyn Waugh: Portrait of an Artist*. – L.: Chapman and Hall, 1958.

Ивлина Во»⁴⁰. Очевидно, что ни тот, ни другой исследователи не обращались к анализу биографии Рональда Нокса, которая была написана лишь в 1959 г., т.е. после выхода их книг.

Джеффри Хит рассматривает творчество Во как попытку уклониться от его истинного призвания моралиста, христианского писателя, и то, как это призвание проявлялось тем не менее в католической теологии его произведений – ее исследователь находит неизменной основой всех романов писателя, начиная с «Упадка и разрушения». Эволюция творчества Во у Хита определяется постепенным признанием автором природы своего таланта; поворотной вехой на этом пути становится «Возвращение в Брайдсхед». Хит посвящает две главы теме призвания (ключевой теме позднего творчества Во) и религии в жизни Во. Движущей антиномией творчества Во Хит считает «существовавший в его душе глубокий зазор между земным и трансцендентным, который делал его несчастным и одновременно был источником энергии для его искусства, для его необычной противоречивой сложности»⁴¹. В содержательной книге К.У. Лейна⁴² католическим романам посвящена отдельная глава; «Возвращение в Брайдсхед» как католический роман интересно рассматривается в ряде важных монографий⁴³. В этих работах 1990-х гг. ни «Елена», ни биографии не получают внимания, сопоставимого с «каноническими» романами Во.

Со временем подходы к религиозной проблематике у Во становятся все более разнообразными. В сборниках материалов конференций Общества Ивлина Во значимость подобных статей неуклонно растет. В сборнике «Во без

⁴⁰ DeVitis A.A. *Roman Holiday: The Catholic Novels of Evelyn Waugh*. – AMS Press, 1971.

⁴¹ Heath Jeffrey M. – *Op.cit.* P. 5.

⁴² Lane Calvin Warren. *Evelyn Waugh*. – Woodbridge: Twayne Publishers, 1981.

⁴³ Wirth A. *The loss of traditional values and continuance of faith in Evelyn Waugh's novels: A Handful of Dust, Brideshead Revisited, and Sword of Honour*. – Frankfurt/M., Bern, New York, Paris: 1990; Myers, William. *Evelyn Waugh and the Problem of Evil*. – L.: Faber @ Faber, 1991; Beaty, Frederick L. *The Ironic World of Evelyn Waugh: A Study of Eight Novels*. – Northern Illinois UP, 1992.

конца: новые направления в исследованиях Ивлины Во» (2005)⁴⁴ три статьи касаются вопросов веры в творчестве Во: две посвящены анализу романа «Елена» и одна рассматривает Ивлину Во как биографа. В сборнике «Пригоршня напастей: новые эссе об Ивiline Во» (2011)⁴⁵ продолжается тенденция смещения внимания от романов к прочим жанрам в творчестве Во, подтверждающим решающую роль католической теологии для понимания его творчества.

Наибольшую ценность для нашего исследования имеет третья группа критических работ, представленная едва ли не преобладающим в критике о Во типом исследования. Это те работы, в которых литературоведческий анализ произведений Ивлины Во базируется на биографических материалах; главы биографического характера чередуются с анализом текстов писателя. Для нас главным биографическим источником были дневники и переписка писателя⁴⁶, в меньшей степени – собрание его эссе, статей и рецензий, вышедшее под редакцией Д. Галлахера⁴⁷. Прижизненная рецепция творчества Во представлена в книге «Ивлин Во: критическое наследие»⁴⁸, но эти общие для всех исследователей первоисточники стали базой для весьма различных между собой интерпретаций. Поскольку мы ориентируемся именно на такую модель исследования, рассмотрим подробнее основные труды подобного типа.

Первая биография была написана при поддержке семьи Кристофером Сайксом менее чем через 10 лет после смерти писателя, в 1975 г.⁴⁹ К. Сайкс (1907-1986), литератор-католик, служивший на Би-би-си, в течение тридцати лет был другом И. Во. Он создает далеко не однозначный образ писателя,

⁴⁴ *Waugh without End: New Trends in Evelyn Waugh Studies* / Ed. by Carlos Villar Flor, Robert Murray Davis. – Bern: Peter Lang AG, 2005.

⁴⁵ «*A Handful of Mischief*»: *New Essays on Evelyn Waugh* / Ed. by Donat Gallaher, Ann Pasternak Slater and John Howard Wilson. – Madison, NJ: Fairleigh Dickinson UP, 2011.

⁴⁶ *The Diaries of Evelyn Waugh of Evelyn Waugh* / Ed. by Michael Davy. – L.: Phoenix, 2009; *The Letters of Evelyn Waugh* / Ed. by Mark Amory. – L.: Phoenix, 2009; *The Letters of Nancy Mitford and Evelyn Waugh* / Ed. by Charlotte Mosley. – Houghton Mifflin, 1997.

⁴⁷ *The Essays, Articles and Reviews of Evelyn Waugh* / Ed. by Donat Gallagher. – L.: Methuen, 1983.

⁴⁸ *Evelyn Waugh: The Critical Heritage* / Ed. by Martin Stannard. – Routledge, 1984.

⁴⁹ Sykes Christopher. *Evelyn Waugh: A Biography*. – L.: Collins, 1975.

уделяет большое внимание общественным связям Во; книга Сайкса полезна для нашей работы в первую очередь описанием отношений Во с религиозными деятелями, друзьями-католиками и особенно с Рональдом Ноксом, которого Сайкс знал лично; автор говорит о восприятии творчества Во читателями-современниками, его друзьями, церковью, периодическими изданиями и критиками.

В 1986 г. выходит первый том двухтомной биографии Ивлины Во Мартина Стэннарда; второй том опубликован в 1992 г.⁵⁰. В отличие от К. Сайкса, профессор Стэннард предлагает намного более подробный критический анализ творчества Во и вместе с тем уделяет много внимания характеру Во. Стэннард приводит многочисленные цитаты из писем и дневников Во, которые изображают его как человека, явно не соответствующего тому религиозному учению, которое он исповедовал и активно проповедовал другим: «Я вижу в Во человека блестящего, но неловкого, изолированного, невротичного, у которого было много близких друзей, но мало любимых, скрывающего страх за бравадой неустранимости, подверженного циклической маниакальной депрессии, не «одержимого», как считал Беллок, но бездомного, отчужденного»⁵¹. В предложенном Стэннардом портрете Во были усмотрены элементы недоброжелательства, что девальвировало его фундаментальный труд в профессиональных кругах. Тем не менее критический взгляд Мартина Стэннарда как на личность, так и на творчество Ивлины Во полезен для нашей работы. Стэннард уделяет соответствующее внимание всем трем произведениям, исследование которых будет в центре нашей работы, а также отношениям Во с деятелями католической церкви и католической газетой «Тэблет».

В 1994 г. выходит биография Во пера Селины Хастингс⁵², писательницы, журналистки, биографа подруги Во и его многолетней корреспондентки,

⁵⁰ Stannard Martin. The Early Years, 1903-1939. – N.Y.-L.: W.W. Norton, 1987; Stannard, Martin. Evelyn Waugh: The Later Years, 1939-1966. – N.Y.-L.: W.W.Norton, 1994.

⁵¹ Ibid. P. xviii.

⁵² Hastings Selina. Evelyn Waugh. – L.: Vintage, 2002.

писательницы Нэнси Митфорд. Хастингс в основном сосредоточивается на человеческих контактах Во, окружавших его скандалах и конфликтах, в меньшей степени на его творчестве. Она мало что добавляет к двум предыдущим биографам в понимании траектории жизни Во, зато это самая насыщенная деталями, живыми воспоминаниями биография.

Очень важна для нашего исследования работа профессора Дугласа Пейти, вышедшая в 1998 г.⁵³. В ней впервые свою долю внимания получает каждое произведение Во, а не только его знаменитые романы. Пейти проводит параллели между произведениями Во и событиями его жизни, дает широкий историко-культурный контекст. При анализе каждого произведения Во Пейти обращает внимание на католические мотивы и особенный, свойственный Во взгляд на веру и отношения с Богом, что может легко ускользнуть от читателя, воспринимающего Во главным образом как писателя-сатирика.

В 1996-2001 гг. вышла двухтомная биография Во, написанная американским профессором, нынешним редактором электронного журнала Общества Ивлина Во, «Evelyn Waugh Newsletter and Studies», Джоном Х. Уилсоном⁵⁴. По сравнению с Пейти, Уилсон подробнее пишет о личной жизни Во и мало – о католической церкви и ее роли в жизни писателя, но вскрывает биографические истоки появления тех или иных мотивов в его прозе.

Хотелось бы особо отметить работу, вышедшую в 2013 г. – книгу профессора Майкла Бреннана⁵⁵. Это подробное исследование основных тем, необходимых для целостного понимания творчества Во: его воззрения на общество, католицизм, роль семьи. В исследовании активно использованы переписка, дневники, рукописи писателя. Бреннан демонстрирует постоянное

⁵³ Patey Douglas Lane. *The Life of Evelyn Waugh: A Critical Biography*. – Oxford-Malden, Mass: Blackwell, 2001.

⁵⁴ Wilson John H. *Evelyn Waugh: A Literary Biography, 1903-1924*. – Madison, NJ: Fairleigh Dickinson UP, 1996; *Evelyn Waugh: A Literary Biography, 1924-1966*. – Madison, NJ: Fairleigh Dickinson UP, 2001.

⁵⁵ Brennan Michael G. *Evelyn Waugh: Fictions, Faith and Family*. – L.-New Delhi- N.Y.- Sydney: Bloomsbury, 2013.

влияние католической веры на творчество Во, что напрямую связано с темой нашей работы.

В соответствии с отмеченными современными тенденциями в изучении творчества Во, мы рассматриваем в одном ряду произведения разной жанровой природы, биографии и роман.

Цель исследования – выявить и описать христианскую составляющую мировоззрения Во и раскрыть ее значение для понимания художественного мира писателя.

Для реализации этой цели потребуется решение следующих **задач**:

1. Систематизировать биографические сведения о Во с тем, чтобы воспроизвести его путь к вере, его индивидуальное понимание католицизма;
2. Выявить те концепции и понятия католицизма, которые стали опорой для трактовки Во истории и современности, места человека в мире, для понимания им своей миссии литератора;
3. Выявить влияние этих концепций на эстетику Во на примере произведений, создававшихся с откровенно католическими целями.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Принятие католичества Во, воспитанного в лоне англиканской церкви, было его индивидуальным способом противостоять мизантропическим тенденциям в собственной натуре и одновременно его ответом на конфликт варварства и цивилизации, в свете которого сатирик видел «современный век»;
2. По темпераменту человек крайностей, Во воспринял католичество как абсолютную истину чисто рациональной природы, и подчинился ей в соответствии с самыми строгими требованиями церкви. Те усилия, с которыми ему давалось выполнение обязательных католических практик, он приветствовал как форму самодисциплины;
3. Среди английских римских католиков Во был маргиналом. Он неизменно представлял крайне правую, ультраконсервативную позицию по всем вопросам доктрины и ритуала, в зрелые годы активно и публично

полемизировал по возникавшим на католической повестке дня вопросам, а к концу жизни ограничил свою активность прозелитизмом среди знакомых;

4. В христианской доктрине важнейшими для Во стали понятия откровения, предназначения, служения, личной ответственности человека перед Богом, угодности Богу высокопрофессионального ремесла. Они так или иначе свойственны всем его произведениям, созданным после перехода в католичество, в них писатель черпал понимание своего места в культуре и литературе;

5. Эти концепции определяют выбор сюжетов и героев рассматриваемых прокатолических произведений (святой, мученика, видного деятеля католической церкви). Их истории раскрывают всегда непростой, окольный путь к обретению веры, или, что для Во одно и то же – к обретению истины о мире и о себе, дают примеры подлинного героизма при реализации своего предназначения;

6. «Кэмптон», «Елена» и «Рональд Нокс» при всей своей христианской тенденциозности являются высокими образцами мастерства Во-художника; без их учета невозможно целостное представление о его творчестве.

Структура диссертации. Работа состоит из Введения и трех глав, каждая из которых рассматривает по хронологии их появления в свет три прокатолических произведения Во: биографию «Эдмунд Кэмптон», роман «Елена» и биографию «Рональд Нокс». Каждая глава открывается параграфами о мировоззрении Во соответствующего периода, о католической проблематике в произведениях периода, затем дается подробный анализ избранных произведений с преимущественным вниманием к воплощению в них отдельных, наиболее важных для автора, понятий католической теологии. Заключение подводит итоги исследования; библиография к работе насчитывает 286 названий.

Глава 1. Католицизм в раннем творчестве Во: «Эдмунд Кэмптон»

Путь Во к католицизму

Хотя прапрадед и прадед Во по отцовской линии были соответственно кальвинистским и англиканским священниками, к моменту его появления на свет в 1903 г. его семья была нисколько не религиозней, чем большинство англичан среднего класса. Во воспитывался в духе официальной англиканской церкви. Вспоминая о детстве в автобиографии «Недоучка»⁵⁶ («A Little Learning», 1964), Во пишет о своей няне, богобоязненной Люси, которая прочитывала всю Библию за полгода, а закончив, начинала сначала. Обожавшие племянника тетки, незамужние сестры его отца, преподавали в воскресной школе и неизменно брали его с собой в церковь, когда он жил у них в Сомерсете на каникулах⁵⁷. На отдыхе с матерью посещение церквей было, в сущности, частью осмотра достопримечательностей, но мальчик, заинтересованный церковной архитектурой, обнаруживает повышенное благочестие: «Вечером мы пошли в церковь. Нам попалась ужасно низкопробная. Я был единственным, кто перекрестился и поклонился перед алтарем»⁵⁸.

В начальной школе, как свидетельствует автобиография, он был воцерковленным мальчиком; любил ходить на службы, намеренно утрируя сакральный смысл происходящего и вставая на колени там, где остальные мальчики стояли. Дата конфирмации в ближайшей к дому хэмпстедской церкви Св. Иуды в 1916 г. еще несколько лет отмечается в дневниках как важная годовщина, но о сути события дневник молчит. Единственное, что можно отметить необычного в детском отношении Во к религии, так это его

⁵⁶ Заглавие в переводе В. Г. Минушина в издании: Во И. Насмешник. – М.: Вагриус. 2005. Заглавие – аллюзия на классическое одноименное стихотворение А. Поупа, первая строка которого стала поговоркой: «A little learning is a dangerous thing».

⁵⁷ Waugh, Evelyn. A Little Learning. – Penguin Books, 2010. Pp. 29-30, 48-50.

⁵⁸ “In the evening we went to church. We struck a horrible low one. I was the only person who crossed myself and bowed to the alter”. The Diaries of Evelyn Waugh of Evelyn Waugh. P. 8.

восприимчивость к красоте церковного обряда, свидетельство эстетического склада восприятия. Двенадцатилетний Ивлин соорудил в своей комнате импровизированный алтарь, примерял на себя роль священника и предвкушал обещанный тетками алтарный занавес. Отец, Артур Во, воспользовался подмеченной им склонностью младшего сына к обрядовой стороне религии, когда решался вопрос о школе для Во.

Столь желанный Артуру Во Шерборн, его старая школа, в которую давно был записан Ивлин, закрыла свои двери перед младшим братом скандально известного Алека Во⁵⁹. Ничего не знавший о причинах отказа Шерборна Ивлин вдруг очутился в Лансинге, частной школе, готовившей воспитанников к служению в церкви. Не только директор, но и многие учителя имели англиканский сан; школьный день начинался и заканчивался мессой в часовне, много времени отводилось на изучение богословия (Divinity). Вначале всячески подчеркивавший свою религиозность, через два года Во ее потерял. В 18 лет, заканчивая обучение в Лансинге, Во записывает в дневнике: «За последние несколько недель я перестал быть христианином (какая сенсация!). Я осознал, что по крайней мере в течение последних двух семестров я был атеистом во всем, кроме смелости самому себе в этом признаться»⁶⁰.

Полный отход от прежних религиозных взглядов, незрелых, но достаточно ярко выраженных, был связан с целым рядом причин. С одной стороны, юноша в этот момент осознает себя бунтарем, «большевиком» («Bolshie»), ниспровергателем ценностей старшего поколения, ценностей официальной Англии. Из дневника, однако, следует, что его бунтарство, высмеивание учителей, демонстрация презрения к дисциплине были столько же

⁵⁹ Алек был исключен из школы за гомосексуализм, о чем не знал никто, кроме отца; в 1917 г. он опубликовал свой первый роман «Тень юности» («The Loom of Youth»), где гомосексуализм был показан как часть школьной жизни; имя Алека было вычеркнуто из списка учеников Шерборна, а Артур Во в знак солидарности с любимым сыном сам попросил убрать свое имя из списка (Stannard M. Evelyn Waugh. The Early Years. P. 44-46; 52). Биографы подчеркивают близость отца к старшему сыну и недостаток внимания к младшему.

⁶⁰ “In the last few weeks I have ceased to be a Christian (sensation off!) I have realized that for the last two terms at least I have been an atheist in all except the courage to admit it to myself”. The Diaries of Evelyn Waugh. P. 133.

экзистенциальной потребностью, сколько способом завоевать авторитет среди однокашников; как только начальство предложило ему пост капитана школы, то есть главы школьного самоуправления, он не колебался. Забытое слово «Бог» возникает в дневнике в разговоре с директором, где «непримиримый» юноша капитулирует перед начальством за обещание высшего поста в школьной иерархии: «Я в ответ понес что-то про христианскую традицию (the God tradition), про пропасть войны, про наше поколение. Он проявил разумность. Я заявил, что готов и уже делаю первые шаги к сдержанной жизни и сделаю все, чтобы поддерживать правила школы...»⁶¹. Он добивается власти, связанных с ней привилегий уже в 18-19 лет, и то, что он узнал о себе в процессе осуществления этой власти в последний год в Лансинге, ему не понравилось. Ему не понравилось, как власть исказила его отношения с друзьями, как необходимость «сохранять лицо» заставляла его идти против совести и собственной природы, – он утратил остатки гармонии с самим собой и миром.

С другой стороны, в Лансинге отдельные соученики делились с ним своими атеистическими взглядами; Во столкнулся с отрицающими христианство философскими трудами, с нежеланием руководства серьезно подходить к вопросам веры. Намного позднее, вспоминая свои школьные годы, Во удивлялся тому, как мало внимания уделялось апологетике в месте, внешне настолько пропитанном религией, как Лансинг. Он с грустью замечает, что атеистами или агностиками были очень многие его одноклассники: «Я думаю, что по крайней мере половина шестого класса в то время были убежденными агностиками или атеистами. И никогда не предлагали нам никакого противоядия. Не помню, чтобы хоть раз меня побуждали к прочтению книги по христианской философии»⁶².

Во вспоминает, как после утраты веры он подошел к школьному священнику, и сказал, что теперь вряд ли может быть ризничим в часовне.

⁶¹ Ibid. P.128.

⁶² Waugh Evelyn. A Little Learning. P. 143.

Однако священник, в этот момент кутивший со своим знакомым, успокоил его и убедил в том, что атеист вполне может нести служение в церкви⁶³. Вот исток многих ситуаций в произведениях самого Во, обличающих лицемерную веру пасторов и «неполноценность» англиканской церкви. Ранний опыт, связанный с англиканской церковью, навсегда оставил в сознании писателя ощущение ее неискренности и лицемерия. Много позже, когда Во решил вернуться к христианской вере, ни доли сомнения не возникло у него при выборе между господствующей и маргинальной конфессией.

В конце 1921 г. Ивлин Во по результатам вступительных экзаменов выиграл стипендию по современной истории Хартфорд-колледжа. С 1922 г. начинается его студенческая жизнь в Оксфорде, дневник которой он уничтожил⁶⁴. В первые два семестра в университете Во принимал активное участие в студенческой жизни, выступал в различных обществах, усердно готовился к экзаменам. Однако во время второго года обучения возникла непримиримая вражда между Во и его научным руководителем, преподобным Кратвеллом⁶⁵, который стал прототипом для множества отрицательных персонажей в его произведениях⁶⁶. Эта обоюдная иррациональная неприязнь, новые знакомства в среде студентов-аристократов, приобщение к их бурному образу жизни с частыми попойками и дебошами привели к потере интереса к учебе. Ивлин Во с грехом пополам получил диплом третьей степени, но время,

⁶³ Ibid. P. 144.

⁶⁴ Оксфордские годы Во описаны им в автобиографии: Waugh, Evelyn. *A Little Learning*. Pp. 163-208.; отдельные эпизоды воссозданы в: Sykes, Christopher. *Evelyn Waugh: A Biography*. Pp. 36-53; Patey, Douglas Lane. *The Life of Evelyn Waugh: A Critical Biography*. Pp. 9-16; Stannard, Martin. *The Early Years, 1903-1939*. Pp. 67-96; Hastings, Selina. *Evelyn Waugh*. Vintage, 2002. Pp. 81-112.

⁶⁵ Англиканский священник Ч.Р.М.Ф. Кратвелл (1887–1941) – специалист по военной истории Западной Европы, декан Хартфорда, тьютор Во, пытавшийся дисциплинировать его как студента-стипендиата, обратить к учебе. После отставки в 1939 г. закончил жизнь в доме для умалишенных.

⁶⁶ Сумасшедший взломщик Тоби Кратвелл в романе «Упадок и крах», сатирический выведенный член парламента Кратвелл в «Мерзкой плоти», хиропрактик Кратвелл в «Пригоршне праха», торговец генерал Кратвелл в «Сенсации»; рассказ «Короткий отпуск мистера Лавдея» был первоначально опубликован под заглавием «Короткий отпуск мистера Кратвелла» (1935). Во перестал давать имя своего наставника своим безумным персонажам только после рассказа «Дом англичанина» (1939), то есть прекратил свою кампанию, когда Кратвелл по-настоящему сошел с ума.

проведенное в Оксфорде, и приобретенные знакомства – одни повлияли на развитие его эстетического чувства, другие стали началом длительных и серьезных отношений – во многом определили сознание Во как писателя и нашли воплощение во множестве сюжетных линий и в персонажах его произведений. И по прошествии многих лет художественный мир Во часто питался воспоминаниями и переживаниями его оксфордской жизни.

В религиозном плане Оксфорд оказался весьма неоднородным местом, где Во окружали такие противоположности, как бравирующий атеизмом Брайан Ховард, интеллектуал и эстет, во многом задавший направление эстетическим вкусам Во и послуживший прототипом Энтони Бланша в романе «Возвращение в Брайдсхед», и, с другой стороны, – глубоко верующий Дуглас Вудраф, ставший впоследствии главным редактором одного из основных католических периодических изданий «Тэблет» («The Tablet»). Еще одним знакомым католиком студенческих лет был Фрэнсис Уркхарт, декан Бэллиол-колледжа и первый католический преподаватель Оксфорда со времен Реформации. Именно Уркхарт настоял на закрытии любимого студенческого сообщества Во, «Клуба Лицемеров» (Hypocrites Club). Уркхарт, в целом не стремившийся обращать студентов в католицизм, стал центром католического сообщества Оксфорда и был одним из основателей должности католического капеллана в университете. Он же в 1926 г. утвердит на эту должность своего друга Рональда Нокса, биографию которого намного позже напишет Ивлин Во.

Многие оксфордские друзья Во в 1920-е гг. обратились в католичество: Среди них Кристофер Холлис (1924 г.), в будущем автор одной из первых монографий о Во; Аластэр Грэм (1924), ближайший друг молодости Во; Грэм Грин (1926). В 1924 г. Во и Грин вместе путешествовали по Ирландии, посещая множество католических церквей, и эта поездка стала финальной точкой в принятии решения Грина стать католиком. В день вступления друга в католическую церковь Во сопровождал его на службу и получил в подарок

Библию⁶⁷. Но чуть позже, когда Во учился на художника-иллюстратора в частной школе Хитерлей, он снялся в любительском короткометражном фильме «Алая женщина: церковная мелодрама» («The Scarlet Woman: An Ecclesiastical Melodrama»), где религия представлена как фарс, а он сыграл «зловещего безумца» Фрэнсиса Уркхарта.

Исследователи по-разному оценивают степень заинтересованности Во религией в двадцатые годы. Большинство полагает, что до публикации первого романа в 1928 г., или даже до успеха «Мерзкой плоти», бестселлера 1930 г., Во не осознавал себя писателем и соответственно не испытывал потребности в целостном мировоззрении, что это было время жадного обретения опыта, а к католицизму его привела «смесь из депрессии, супружеской неверности и скуки»⁶⁸. Напротив, Дж. Хит дает подборку цитат из дневников двадцатых годов, свидетельствующих об интересе к католическому отпущению грехов, к письмам католического теолога барона Хюгеля (их герой «Упадка и разрушения Пол Пеннифезер дает почитать своему приятелю Стаббсу) и т.д., приходя у выводу, что «даже в бурные двадцатые, задолго до «Упадка и разрушения» и «Мерзкой плоти», Во проявлял интерес к религии»⁶⁹.

Мы находим, что для истории обращения Во в католицизм важна первая опубликованная им книга, биография художника-прерафаэлиты Данте Габриэля Россетти⁷⁰. В 1928 г. исполнялось 100 лет со дня его рождения, и биография Во должна была стать одной из многочисленных юбилейных публикаций о Россетти.

Во никогда не был объективным биографом. В Россетти автор увидел близкого себе по духу человека и художника: точно так же, как его герой, молодой Во в двадцатые годы тяготится своей неустроенностью, ищет

⁶⁷ Подробнее об отношениях Во с А. Грэмом см.: Stannard M. The Early Years. Pp. 90-96; Patey D. L. Op.cit. Pp. 13-16; Sykes C. Op.cit. Pp. 51-56.

⁶⁸ Статья в новейшей литературной энциклопедии: Schweizer Bernard. Evelyn Waugh // The Encyclopedia of Twentieth-Century Fiction / Ed. by Brian W Shaffer. – Blackwell Publishing, 2011. – P. 376.

⁶⁹ Heath J. Op. cit. P. 33.

⁷⁰ Waugh Evelyn. Rossetti: His Life and Works. – L.: Duckworth, 1928.

постоянного пристанища; трудности ассимиляции Россетти в Англии, его тоска по Югу, перекликаются с отчужденностью, которую Во испытывал по отношению к родине. Господствующий в Англии прагматичный протестантизм делал его здесь чужим. Созданный им литературный портрет Россетти Стэннард рассматривает как своего рода автопортрет Во в начальной точке его творческой биографии: «К 1927 г. Во начал видеть себя “мистиком без убеждений, католиком без дисциплины и утешений церкви”»⁷¹.

Перед ним встает вопрос: как избежать ошибок, совершенных Россетти, который был, по его словам, человеком, лишенным духовного стержня, необходимого любому художнику для продуктивного творчества. Однако, как пишет М. Стэннард, «уяснение постановки вопроса еще не привело к разрешению путаницы в его голове... [...] В «Россетти» можно увидеть намеки на то, в каком направлении начнет развиваться его теология три года спустя. [...] Пока еще он не питал страха и отвращения к непоследовательности человеческого поведения. Пока еще ему казалось, что ужас безбожной, бесконтрольной вселенной может быть предотвращен посредством искусства и чувства юмора».⁷² Уже на том этапе творчество, вкус которого Во только начал ощущать, давало ощущение смысла и цели существования, то есть выступало для автора в функции квазирелигии.

Несмотря на положительные отзывы критиков о биографии, Во все еще связывал свое будущее с изобразительным искусством; биография Россетти воспринималась им как работа, связанная с его художническими устремлениями. Пусть Во уже осознал, что не обладает достаточным талантом для того, чтобы стать серьезным художником, но он всеми силами пытался избежать участия в «семейном» литературном бизнесе. После публикации «Россетти» он поступил на курсы столярного дела – период, который до конца жизни вспоминал с особой теплотой. Отсюда же можно проследить развитие свойственного мировоззрению Во образа писателя-мастера, который, как

⁷¹ Stannard, Martin. The Early Years, 1903-1939. P. 144.

⁷² Ibid. P. 144.

ремесленник, выполняет свое дело тщательно, доводя до технического совершенства грубый материал. Этот образ, лишенный романтической идеализации творчества, будет позже применен Во к труду священника и миссионера – тоже в своем роде мастеровых по обработке человеческих душ.

Во все же не смог избежать литературной карьеры, казавшейся ему тогда самым банальным и легким из всех занятий, которым мог себя посвятить человек его круга и образования. Чтобы жениться на Ивлин Гарднер, он написал роман «Упадок и разрушение» («Decline and Fall», 1928), который принес ему славу самого одаренного писателя молодого поколения.

Этот брак продлился 14 месяцев, с июня 1928 до сентября 1929 г.⁷³. За это время Во закончил первую книгу путевых заметок «Ярлыки» («Labels», 1930) и начал свой второй роман «Мерзкая плоть» («Vile Bodies», 1930). В разгар работы над романом жена сообщила ему, что любит другого. Измена и последовавший развод стали эмоциональным потрясением для Во, но само это болезненное переживание и ощущение зыбкости существования послужило толчком для консолидации духовных поисков.

Рассмотрим этот ключевой момент биографии Во подробнее.

Обращение Ивлины Во, 26-летнего многообещающего писателя, представителя «золотой молодежи» 1920-ых годов, саркастичного и беспечного, стало неожиданностью не только для его друзей, но и для его знакомых-католиков. Через год после фактического разрыва с женой Во обратился к своей первой любви, к Оливии Планкет-Грин, которая недавно приняла католичество: «Чай на Александер-сквер с Оливией. Попросил ее найти иезуита, который наставит меня» (2 июля 1930)⁷⁴. Последовало знакомство с отцом Мартином Дарси, который после традиционного периода наставления принял Во в католическую церковь 29 сентября 1930 г., то есть через год после официального гражданского развода. Свидетелями были

⁷³ Историю первого брака Во подробно см.: Sykes, pp. 74-94. Stannard, pp. 134-185; Hastings, pp. 153-199.

⁷⁴ The Diaries of Evelyn Waugh of Evelyn Waugh. P.335.

уборщица и приятель Во по Лансингу, светский хроникер Том Дриберг, который и объявил об этом в своей колонке в газете «Дейли экспресс».

Современники высказывали самые разнообразные предположения относительно причин происшедшего: «Враги Во обвиняли его в том, что он клюнул на эстетическую привлекательность римской церкви, на снобизм старой католической аристократии, что так проявилась отвратительная склонность всему перечить... Многие подозревали, что он бросился в объятия Рима, чтобы утешиться от боли предательства Ивлин Гарднер»⁷⁵. Рассмотрим основательность этих аргументов.

Во-первых, католическая церковь и ее служители в глазах Во-эстета отличались полным отсутствием вкуса⁷⁶. Так же противоречат фактам утверждения о том, что Во выбрал веру из снобизма. В ответ на один из отзывов о романе «Возвращение в Брайдсхед», в котором автор упрекает его в этом, Во писал: «Уверю вас, это никак не повлияло на мое обращение. В Англии католицизм – преимущественно религия бедняков. Есть несколько католических аристократических семей, но в 1930 г., когда я был принят в церковь, я ни с одной из них не был знаком. Мои друзья были модными агностиками, и вера, которую я тогда принял, не обладала тем внешним шиком, который ваш критик ей приписывает»⁷⁷.

Аргумент о психологических последствиях развода выглядит убедительней, но нуждается в более пристальном рассмотрении.

Ярый противник психологии, Во всегда считал ее лженаукой, фальшивкой, навязывающей реальности свои надуманные интерпретации, и потому никогда не говорил о психологической стороне своего обращения. Отмеченное нами в «Россетти» чувство потерянности и беспочвенности, осознание в «Упадке и разрушении» нарастающего вокруг него хаоса,

⁷⁵ Patey. Op. cit. P. 37.

⁷⁶ «Дом для священников на Маунт-стрит чудовищно меблирован. Англиканам не дано достичь такого полного отсутствия вкуса». The Diaries of Evelyn Waugh Of Evelyn Waugh. P. 337.

⁷⁷ Цит. по: Patey. P. 37.

безжалостный анализ беспорядочной жизни его поколения исподволь приводили Во к пониманию необходимости упорядочивающего начала, чувства ответственности, прочной системы координат. Объявляя своему брату о разводе в 1929 г., он замечает: «Беда сегодняшнего мира в том, что в нем недостаточно религии. Ничто не остановит молодежь от поступков, которые им вдруг взбредут на ум»⁷⁸.

И в первом, и во втором романе он показывает в фарсовом стиле хрупкость человеческой жизни, его марионеточные герои не успевают заметить, как соскальзывают в смерть: маленький лорд Тангенс в «Упадке и разрушении», Агата Рансибл в «Мерзкой плоти» не вызывают своим кратким пребыванием на страницах романов сочувствия ни в ком, прежде всего в их создателе. Абсурдный и жестокий мир ранней прозы Во выражает его ощущение непреодолимой центробежной силы, энтропийности мира⁷⁹; кажется, что только процесс запечатления этого мира в слове способен его хоть как-то сфокусировать, придать ему хотя бы иллюзию смысла. Помимо его любимых Шпенглера и Шопенгауэра, источник пессимизма Во лежал в его складе характера, в самом его отвращении к жизни, в природной предрасположенности к депрессии. Уже в школе он подмечает в себе склонность к жестокости: «В забеге я был третьим... Хейл пожаловался, что я его отталкивал. Начинаю думать, что какой-то злой рок делает меня гадким. Я никогда не думаю о тех, кто сзади. Все мое внимание поглощено тем, чтобы обогнать бегущего впереди»⁸⁰. Он уже трижды (дважды в Лансинге и во время учительствования в школе Арнольд Хаус в июле 1925 г.) всерьез размышлял о самоубийстве, заносил в дневник прощальные письма, предпринимал первые практические шаги к самоубийству, к счастью, всегда вовремя останавливаясь.

⁷⁸ Цит. по: Ibid. P. 38.

⁷⁹ Профессор Оскар Силен в финале «Упадка и разрушения» сравнивает жизнь с колесом в Луна-парке, которое крутится с большой скоростью, а публика пытается на нем устоять: «...in the centre the floor is made of great disc of polished wood that revolves quickly. ... They are all trying to sit in the wheel, and they keep getting flung off, and that makes them laugh... the nearer you get to the hub of the wheel the slower it is moving and the easier it is to stay on». Waugh E. Prose Memoirs Essays. – Moscow: Progress Publishers, 1980. P. 193.

⁸⁰ The Diaries of Evelyn Waugh. P.127.

Самые частые записи в его дневнике уже в молодости – «ничего не происходит», «тоска и скука»⁸¹. Он пытается расцветить эту серую жизнь, включить фантазию, заставляя окружающих напрячься, выйти из своего привычного «я». Во не мог уважать род человеческий; тем, кто был ему интересен, он как бы бросает вызов померяться силами в быстроте интеллекта, в умении «держать удар» беспощадного остроумия. По-настоящему он бывал обаятелен разве что со своими великосветскими подругами-красавицами – Дианой Гиннес, Дианой Купер, Терезой Юнгман, сестрами Лайгон, которые до конца дней хранили память о его «несравненном обществе»⁸², а большинство людей он просто пугал своим свирепым юмором⁸³, своей очевидной склонностью к анархии.

Учитывая столь свойственному сатирическому темпераменту мизантропическую предрасположенность (вспомним Джонатана Свифта), можно предположить, что в религии Во нашел лекарство, чтобы обрести сдерживающую силу для неподвластного ему хаоса снаружи и внутри себя, поставить себе спасительные рамки. Ни слова об этой «психологии» нет, разумеется, в его высказываниях о причинах обращения к католичеству – он культивировал в тридцатые годы публичный образ неуязвимого интеллектуала, защищенного своим талантом от любых атак внешнего мира, человека без слабостей и ошибок.

⁸¹ Практически наугад сделанная выборка: «nothing doing again» (27.01.1921), «a sad day» (4.02.1921), «stiff and sore» (6.02.1921), «indolent» (7.02.1921), «another blank not worth making up. I am very disconsolate» (12.02.1921). *The Diaries of Evelyn Waugh*. P. 114-117.

⁸² Из воспоминаний Дианы Гиннес, в чьем обществе Во находил утешение зимой 1929-30 гг., а к лету отдалился без объяснения причин: «Я страшно скучала по Ивлину и не могла придумать, как его вернуть... Я умоляла его приехать [в поместье Гиннесов в Ирландии], но он сказал, нет, ни за что. С тех пор он радовал своим несравненным обществом других». *Mosley Diana Mitford. A Life of Contrasts*. – L.: Hamish Hamilton, 1970. P.79. Из воспоминаний Дианы Купер о первой встрече с Во в 1932 г.: «Я сразу поняла, что хочу привязать Ивлина к своему сердцу стальными канатами, если только он мне позволит». *Cooper Diana. The Light of the Common Day*. – L.: Rupert Hart-Davis, 1959. P. 112.

⁸³ Такими эпизодами изобилуют, например, книга внука Ивлина Во Александра (*Waugh Alexander. Fathers and sons: The Autobiography of a Family*. Nan Talese, 2007), а также воспоминания сына Алека Во, Питера (*Waugh Peter. My life as a Waugh. Interview with Peter Barkham // The Guardian*. 26 November 2011. [электронный ресурс] <http://www.theguardian.com/lifeandstyle/2011/nov/26/peter-waugh-alec-wagh-evelyn-waugh>

Поэтому в своих высказываниях об обращении Во неизменно выдвигал чисто рациональные аргументы, утверждал, что оно было основано на логике, безэмоциональной и бескомпромиссной. Настал момент, когда он решил обрести то духовное основание, отсутствие которого, с его точки зрения, погубило Россетти, и предпринял для этого практические шаги.

Дневники Во содержат мало информации как о его переживаниях на тот момент, так и непосредственно о событиях, связанных с обращением. После разрыва с женой характер ведения дневника изменился, изложение фактов стало более последовательным и четким, но и более сухим, поток размышлений сменился перечислением встреч, обедов и поездок. Лишены какой-либо эмоциональной окраски и упоминания о встречах с отцом Дарси: «В 11 – к отцу Дарси. Синий подбородок, острый, скользкий ум. Говорили о вдохновении словом и Ноевом ковчеге»⁸⁴.

Гораздо больше информации об этих встречах дают воспоминания самого Мартина Дарси, для которого Ивлин Во был самым необычным человеком, которого ему когда-либо приходилось наставлять: «Немногие новообращенные отличались таким здравым смыслом, какой проявил Ивлин Во. Он сам сказал: «Я был принят в церковь на основе твердых интеллектуальных убеждений, почти не испытывая эмоций». Ивлин никогда не говорил о переживаниях или чувствах. Он пришел, чтобы узнать и понять то, в чем он видел откровение Божье, и беседы с ним были увлекательными дискуссиями, основанными в первую очередь на доводах разума»⁸⁵.

Зрелое отношение Во к вере оказалось лишено эмоциональной вовлеченности. Он принял истину католичества в силу чисто интеллектуального выбора, потому что из всех доступных на тот момент истин, которыми увлекались его современники (кто-то симпатизировал Сталину, кто-то – Гитлеру, кто-то пытался вдохнуть новую жизнь в британскую государственность), только католическая церковь обладала авторитетом

⁸⁴ The Diaries of Evelyn Waugh. Pp. 337-338.

⁸⁵ D'Arcy SJ, Fr Martin. The Religion of Evelyn Waugh // Evelyn Waugh and His World / Ed. by Alan Pryce-Jones. – L.: Little, Brown, 1973. P. 64.

старейшей церкви Христовой, прямо наследовала традицию первых апостолов. О серьезности решения можно судить по готовности Во принять любые личные последствия: он был уверен, что церковь не признает его развод и он больше никогда не сможет вступить в брак; веру он предпочел личному счастью.

Итак, к католической вере писателя привлекла чисто интеллектуальная убежденность в ее истинности, в том, что именно в ней находится ответ и спасение. Его ранний опыт с англиканской церковью отвратил его от англиканства; многие из его знакомых к этому моменту стали католиками, католицизм входил в моду, так что первичной была его внутренняя потребность в вере, а то, что его выбор пал на католичество, представляется нам вторичным. Вера стала для Во спасением от собственной мизантропии. Он добровольно надел на себя сдерживающие тиски дисциплины и строгости католицизма, которые, однако, часто не способны были сдержать его взрывной характер, но благодаря им у писателя получалось направлять бушующую внутри него силу разрушительного негодования в продуктивное русло творчества. Такова, с нашей точки зрения, психологическая подоплека обращения Во.

В статье, написанной сразу после принятия католичества, Во приводит рациональные, историко-философские аргументы в пользу принятия католицизма: «Мне кажется, что на настоящем этапе истории Европы главный вопрос стоит не о выборе между католицизмом и протестантизмом, но между христианством и хаосом. Эта ситуация очень похожа на ту, что существовала в раннем Средневековье. [...] Сегодня мы повсеместно наблюдаем тенденцию к отрицанию всего, за что всегда выступала Западная цивилизация. [...] искусство и нравственное устройство Европы сами по себе не выживут. Они порождены христианством и без него не имеют значения, не могут требовать верности себе. Уже невозможно, как во времена Гиббона, принимать блага цивилизации и в то же время отвергать сверхъестественное основание, на котором она стоит. Христианство сейчас нуждается в боевой силе больше, чем

за долгие века»⁸⁶. Идея о церкви-воительнице, о ее миссии спасения цивилизации от наступающего со всех сторон хаоса также представляется в известной степени созвучной агрессивному складу характера Во.

Джон У. Мэйхон проводит параллель между сухостью в описании ключевого момента собственной духовной жизни и тем, как Во будет описывать переход своих персонажей к вере⁸⁷. В его художественных текстах это событие будет изображаться столь же скупое, без психологизма; зато очень подробно будет обрисовываться социально-исторический фон для каждого индивидуального обращения. И позже, в эссе 1949 г., Во будет утверждать, что чистая логика подсказала ему, что «никак не может быть, чтобы расколы и ереси были хоть в чем-то правы, а церковь заблуждалась. Возможно, все одинаково заблуждались; возможно, что само откровение христианства было недоразумением или жульничеством. Но если это откровение было правдой, то католическая церковь была сообществом, основанным самим Иисусом, а все остальные церкви были хороши лишь настолько, насколько сумели спасти обломки истинной веры после великого раскола⁸⁸ и Реформации. Мне это было настолько очевидно, что спорить было не о чем»⁸⁹.

Во время периода наставления Во писал Мартину Дарси: «Как я говорил при нашей первой встрече, я понимаю, что Римская католическая церковь – это единственная истинная форма христианства. И что христианство – это главный формирующий элемент западной культуры. [...] Но проблема заключается в том, что я не чувствую себя христианином в полном смысле этого слова. Вопрос, как я его вижу, состоит в том, должен ли я ждать до тех пор, пока я испытаю это чувство, – что, я полагаю, является даром от Бога вне зависимости от всяких наставлений, или я могу стать католиком в таком незавершенном

⁸⁶ Waugh Evelyn. *Converted to Rome // The Essays, Articles and Reviews of Evelyn Waugh*. Pp. 103-105.

⁸⁷ Mahon W. J. “A Later Development”: Evelyn Waugh and Conversion // “A Handful of Mischief”: *New Essays on Evelyn Waugh*. P. 62-73.

⁸⁸ Имеется в виду раскол христианства 1054 г. на западное католическое и восточное православное.

⁸⁹ “Waugh Evelyn. *Come Inside // The Essays, Articles, and Reviews of Evelyn Waugh*. P. 378.

состоянии, с тем, чтобы получать благо от участия в таинствах и со временем обрести веру?»⁹⁰.

Несмотря на звучащие здесь сомнения и отсутствие религиозных чувств, Ивлин Во принял таинство, и с тех пор его вера стала не только неотъемлемой частью, но часто направляющей силой его творчества.

Джозеф Пирс описывает, как через три дня после известия об обращении Во та же «Дейли экспресс» опубликовала статью иезуита отца Вудлока под названием «Поворот Британии к Риму?» и развернувшуюся затем дискуссию⁹¹. Случай Во был воспринят как показатель нарастающей притягательности католицизма для англичан, и в самом деле, к середине тридцатых годов число ежегодно принимающих католичество англичан достигло 12 тысяч. Как Во ощущал себя среди новых единоверцев в первое десятилетие после обращения?

Во в католической полемике 1930-х гг.

Неожиданное обращение бунтующего сатирика к самой догматичной из всех христианских конфессий вызвало в обществе известное недоверие к серьезности его решения. Тем более, что уже сложившийся образ Ивлиина Во, скандального писателя и журналиста, поднимающего в своих статьях самые спорные темы, а также его произведения, полные черного юмора, не исчезнувшего и после его обращения, вызывали негодование среди единоверцев.

Обращение Во не было уникальным случаем среди английских писателей той эпохи. Помимо перечисленных выше оксфордских друзей Во, в 20-ых годах перешел из епископальной церкви в англокатолическую Т.С. Элиот⁹²; список

⁹⁰ Цит. по: Philips, Gene D. Evelyn Waugh's Officers, Gentlemen, and Rogues. – Chicago: Nelson-Hall, 1975. P. 54.

⁹¹ Pearce Joseph. Evelyn Waugh: from Ultramodern to Ultramontane // Lay Witness. 2001. N 5 (May). То же, [электронный ресурс]
<http://www.catholiceducation.org/en/culture/literature/evelyn-waugh-ultramodern-to-ultramontane.html>

⁹² О религиозности Т.С.Элиота см.: Ушакова О.М. Т. С. Элиот и европейская культурная традиция. – Тюмень: изд-во. Тюм. Гос. ун-та, 2005; Толмачев В.М. Т.С. Элиот // Вестник

католиков вскоре пополнили Малькольм Маггеридж, Эдит Ситуэлл, Рой Кэмпбелл, Дж.Р. Толкиен. Многих других обратившихся в католичество писателей по обе стороны Атлантики перечисляет монография католического профессора Джозефа Пирса⁹³.

Причину такого массового обращения к какой-либо из христианских конфессий можно усмотреть в особенностях межвоенных лет как периода тревоги и нестабильности в английском обществе. На литературной арене Англии появились молодые писатели, мировоззрение которых было сформировано событиями Первой мировой войны, предчувствием начала Второй мировой войны и высоким накалом общественно-политической борьбы внутри самой Англии. Неуверенность в завтрашнем дне, разрушение привычного порядка вещей, чудовищные события в жизни Европы и нависшая угроза следующей катастрофы, духовная растерянность и утрата привычных ориентиров – все это определяет поколение 30-ых годов⁹⁴. Для многих выходом из положения стало активное участие в политике, которая захватила умы английской молодежи. Поддержка социализма, попытка выпускников Оксфорда и Кембриджа брататься с пролетариатом была первым, «прогрессивным» ответом на вопрос о будущем страны. Альтернативой стало сознательное и решительное обращение в католичество, которое давало четкую и проверенную временем систему координат среди хаоса окружающей действительности. Именно в нем нашел опору Ивлин Во, для которого с тех пор политика, история и все современные ему течения были вписаны в католическую картину мира.

Сразу после принятия в церковь Ивлин Во узнает о предстоящей коронации Рас Тафари, императора Абиссинии, и отправляется освещать это событие в качестве корреспондента газеты «Таймс». Впечатления, полученные

Православного Свято-Тихоновского государственного университета. – 2011. III-1 (23). – С. 7-64.

⁹³ Pearce Joseph. *Literary Converts*. –San Francisco: Ignatius Press, 2000.

⁹⁴ Кабанова И.В. *Английская проза 1930-х годов: жанровая типология*. – Саратов: изд-во СГУ, 2011. С. 28-52.

от поездки в Африку и посещения коронации, легли в основу книги путевых заметок «Далекие люди» («Remote People», 1931) и сатирического романа «Черная напасть» («Black Mischief», 1932), утвердившего репутацию Во как выдающегося сатирика. В книге «Далекие люди» Во впервые обращается к теме миссионерского служения, которая будет все больше интересовать его на протяжении 1930-ых гг. и в итоге приведет к созданию биографии миссионера и мученика Эдмунда Кэмпiona.

В романе «Черная напасть» реальная история Абиссинии доведена до абсурда, герои представляются гротескными фигурами, а сама мысль о том, что прогнившая изнутри система европейского общества, лишённого веры, может принести какое-либо благо наивным дикарям, откровенно высмеивается. Роман развивает мысль об упадке цивилизации, но на этот раз очевидной становится параллель между дикостью варварских нравов африканской страны и бессмысленной, по сути такой же варварской, жизнью английского общества. Пирсы дикарей-каннибалов композиционно сопоставляются с вечеринками «золотой молодежи» в Лондоне, и на свет выносятся внутренняя испорченность человеческой природы, будь то в африканской глубинке или в цивилизованной Англии.

Сразу после публикации романа Во уезжает в новое путешествие по Британской Гвинее и Бразилии (декабрь 1932 – май 1933), а вернувшись в Англию, обнаруживает опубликованный в католическом еженедельнике «Тэблет» разгромный отзыв о своем произведении. Редактор «Тэблет» Эрнест Олдмедоу, бывший англиканский пастор, торговец вином, а ныне рьяный католик, опубликовал статью, в которой не только раскритиковал роман Во, но и выразил сомнение по поводу истинности веры его автора: «Год или два назад в различных газетах появились сообщения о том, что мистер Ивлин Во, писатель, был принят в церковь. Считает ли себя мистер Во до сих пор католиком, «Тэблет» не знает, но если таковым его считают продавцы книг, библиотекари и читатели, то мы утверждаем, что его последний роман – позор

для любого, кто называет себя католиком»⁹⁵. В своей статье Олдмедоу процитировал ряд самых, на его взгляд, несовместимых с католической скромностью цитат из романа и обвинил Во в обращении к таким темам, как блуд, насилие и каннибализм. Реакция Олдмедоу весьма характерна; с точки зрения нормы католического романа, подразумевающей созерцание автором красоты божественного творения, абсурдно-пессимистический художественный мир «Черной напасти» представляет собой откровенный вызов католическим ценностям. Но их отсутствие в романе не означает отсутствия их у автора; именно с позиций высшего знания католицизма Во создает свои тотальные сатиры на современность 1930-х гг., и отдельные единоверцы попытались указать на это.

В защиту Во выступили 12 уважаемых в обществе католиков. Д. Пейти перечисляет самых известных из них, священников (отцы Дарси, Мартиндейл, Стюарт и Джарретт) и мирян (Д. Вудраф, К. Холлис, Эрик Гилл, У. Льюис). В номере от 30 января 1933 г., рядом с их письмом, Олдмедоу опубликовал продолжение своей атаки на Во, в которой с примерами из текста упрекал роман за «мерзкие детали», «глупые сцены», «грязную изобретательность»⁹⁶. Статья завершалась словами, которые намекали на то, что осуждение Во идет не просто от Олдмедоу, а санкционировано лично католическим примасом Англии кардиналом Борном: «мы почтительно и искренно повинuemся желанию нашего кардинала-архиепископа, чтобы в этот январь католики молились о том, чтобы наши писатели были на стороне ангелов»⁹⁷. И в колонке писем «Тэблет» до конца февраля шла дискуссия между читателями «Тэблет», в которых авторы высказывались за или против романа. Завершил ее Олдмедоу самой длинной из своих статей против романа, в которой повторил ранее выдвинутые обвинения и прибег к авторитету составителей Индекса запрещенных книг относительно критериев греховности литературы.

⁹⁵ The Tablet. — 7 Jan. 1933. — P. 10.

⁹⁶ The Tablet. — 30 Jan. 1933. — P. 85.

⁹⁷ Ibid.

Дискуссия на страницах газеты объективно делала рекламу роману и, будь автор в самом деле таким циником, каким его представил Олдмедоу, он мог бы молча заработать на росте продаж романа, но Во счел необходимым выступить с ответом.

По возвращении из Бразилии в мае 1933 г. Во берет на себя защиту своей репутации как писателя и католика и пишет открытое письмо кардиналу Фрэнсису Борну. Однако письмо Во, не менее возмущенное и резкое в выражениях, чем статья Олдмедоу, по совету Р. Нокса⁹⁸ не было предано гласности, и даже вскоре Во уничтожил почти весь тираж брошюры с письмом. Это было определено к лучшему, ведь Во в этом памфлете, который занимает шесть страниц мелкого шрифта в томе «Писем» под редакцией Марка Эмори, очень далек от христианской кротости и смирения. Обвинения, выдвинутые против него, Во переадресовал редактору официального католического издания, обвинив Олдмедоу в глупости и испорченности. Критика сильно задела Во; он объясняет намерения, с которыми писал роман, и поясняет свое отношение к различным скользким темам, в нем поднятым, в том числе к контролю рождаемости и аборту, который, как и все католики, он считал грехом: «Существует две реакции на зло: либо прямое осуждение, что более пристало служителям церкви, либо высмеивание. Я выбрал последнее как более подходящее для писателя и рассматривал, и до сих пор рассматриваю «глупые» эпизоды как попытку, возможно, неэффективную, утвердить дело, которое все мы принимаем близко к сердцу»⁹⁹. В конце письма Во советует Эрнесту Олдмедоу поискать место работы, более соответствующее его интеллекту и темпераменту, однако тот остался редактором «Тэблет» до 1936 г., когда его сменил близкий друг Во Дуглас Вудраф. До этого момента Во находился в постоянной конфронтации с ведущим католическим изданием, которое дало негативную рецензию на роман «Пригоршня праха» и проигнорировало

⁹⁸ Во упоминает об этом в письме к Ноксу от 18 ноября 1950 г., говоря, что с этого момента для него «фейерверки Нокса в духе Макса Бирбома превратились в иллюминацию». *The Letters of Evelyn Waugh*. P. 342.

⁹⁹ *Ibid.* P. 89.

биографию Эдмунда Кэмпiona. Во не забыл этого чувства непонимания со стороны единовѳрцев и отомстил гораздо позже, в биографии Рональда Нокса, в достаточно резких выражениях описав католическое духовенство 30-ых годов.

Итоговое значение этого эпизода в творческой биографии Во М. Бреннан оценивает так: «Роман “Черная напасть” и полемика, возникшая вокруг него из-за нападок Олдмедоу, знаменуют момент, когда публичный образ Во-писателя превратился из светского сатирика в христианского моралиста»¹⁰⁰. Отметим, что до конца 1980-х гг. этот перелом в восприятии читателем творчества Во критика связывала с публикацией «Возвращения в Брайдсхед», то есть ставила его по крайней мере на 10 лет позже. Этот эпизод подсказывает, что общепринятое деление творчества Во на два этапа – до и после «Брайдсхеда» – является в известной мере критической фикцией, потому что религиозная основа, создающая единство творчества Во, была вынужденно отрефлексирована самим автором уже применительно к его третьему по счету роману, написанному за 11 лет до «Возвращения в Брайдсхед».

В книге путевой прозы «Девяносто два дня» («Ninety-Two Days», 1934), рассказывающей о путешествии по Британской Гвинее и Бразилии, Во постарался предстать перед читателем лучшим католиком, чем в «Черной напасти». Хотя в целом поездка оказалась для ищущего вдохновение и материал писателя разочарованием, она углубила интерес Во к миссионерской деятельности, а знакомства с несколькими священниками привели к развитию образа священника-плотника. М. Бреннан замечает, что «троица «священник-столяр-писатель» имела для Ивлина огромное значение... В начале «Девяноста двух дней» он сравнивает писателя, который “не может оставить ни одно впечатление в том аморфном, случайном состоянии, в котором жизнь предлагает его”, с плотником, превращающим сырую древесину в полезные предметы. Писатель должен облечь переживания и опыт в “сообщаемую

¹⁰⁰ Brennan. Op.cit. P. 47.

форму” (communicable form) так же, как священник-миссионер [...] оживляет для своей паствы такие понятия, как вера, месса и таинства»¹⁰¹.

Из впечатлений этой поездки родился рассказ «Человек, который любил Диккенса», а затем и роман, который многие считают лучшим произведением Во – «Пригоршня праха» («A Handful of Dust», 1934); намного более сдержанный, чем скандальная «Черная напасть», роман развивает ту же идею варварской сущности внешне цивилизованного английского общества.

Хотя Во, прислушавшись к обличениям редактора «Тэблет» и беспокоясь за свою репутацию писателя-католика, изначально заявил о своем намерении написать «книгу в хорошем вкусе» («a good-taste book»), «Пригоршня праха» снова вызвала негодование Эрнеста Олдмедоу. Все в том же развязном тоне он советует Во изъять из печати все свои «недостойные книги», и «пусть он тогда потеряет голоса Общества любителей книги¹⁰², он зато когда-нибудь услышит «Молодец!» от Гласа более значительного»¹⁰³. На сей раз он обвинил Во в том, что тот представляет английское общество абсолютно антирелигиозным, что и было целью сатиры в романе, а также впервые – в снобизме: «Мы с сожалением говорим, что какое бы презрение автор ни испытывал к своим персонажам-прихлебателям, всем этим ненасытным жадинам, неверным женам, презрения не видно за снобизмом – слово жесткое, но верное, – с которым он ими любит»¹⁰⁴. С тех пор обвинение в снобизме, столь тяжкое в зараженной социалистическими идеями Англии, будет преследовать Во всю жизнь.

На этот раз Во стал парировать в свойственной ему манере – приняв на себя приписываемую ему роль сноба и утрируя ее до абсурда. Он послал Тому Дрибергу в «Дейли экспресс» короткое письмо, имитирующее деловой стиль, которое Дриберг целиком опубликовал в номере от 11 сентября 1934 г. По поводу критики романа Во заявляет, что она «полностью оправдана. Экземпляр

¹⁰¹ Ibid. P. 45.

¹⁰² Английское Общество любителей книги выбирало в качестве книг месяца «Черную напасть» и «Пригоршню праха».

¹⁰³ The Tablet. – 8 Sept 1934. – P. 300.

¹⁰⁴ Ibid.

романа был послан в «Тэблет», редактор имеет полное право опубликовать свое мнение о литературных достоинствах книги в любой форме, которую считает уместной»¹⁰⁵. А вот по поводу «моральной лекции», которую устроил ему Олдмедоу, Во высказывается уничтожающе: «это лакей, вырядившийся в костюм своего хозяина. Долгая служба у Князя Церкви [прозрачный намек на кардинала Борна] ввела его в соблазн подражания его хозяину, и он, естественно, разыгрывает роль неуклюже и нагло»¹⁰⁶.

Для Во это были бои с католической иерархией за признание его христианином. Что важнее, его декларации в прессе полностью подкрепляются его художественными текстами. Позже, в 1946 г., Во заявил, что основной мишенью сатиры в «Пригоршне праха», как, собственно, и во всем его творчестве с самого начала, был «светский гуманизм»¹⁰⁷. Как четко формулирует Д. Пейти: «Гуманизм в его современном светском понимании, отрицающий грех и утопически верящий в то, что порядка в обществе возможно достичь исключительно благодаря человеческим усилиям, был главной мишенью сатиры Во, начиная с «Упадка и разрушения». Теперь же Во углубляет свою критику, помещая своих типичных гуманистов в историю, которую изображает с точки зрения подчеркнуто католической концепции истории»¹⁰⁸. Продолжается в романе и критика англиканства, которое не в состоянии дать утешения Тони Ласту, потому что в его основе лежит подмена веры сентиментальностью, свойственной ненавистным Во викторианцам, самым ярким представителем которых он считал Диккенса. Обычно «Пригоршню праха» называют шедевром ранней сатиры Во на основании анализа художественной структуры романа; для нас важнее то, что сформулировал М. Бреннан: «"Пригоршня праха" становится первым откровенно католическим романом Ивлина Во, что выражается в насмешливом

¹⁰⁵ Daily Express. — 11 Sept. 1934. — P. 6.

¹⁰⁶ Ibid.

¹⁰⁷ The Essays, Articles and Reviews of Evelyn Waugh. P. 304.

¹⁰⁸ Patey. P. 118.

отрицании светского гуманизма и настойчивом утверждении полностью греховной природы человека»¹⁰⁹.

Вскоре после публикации «Пригоршни праха» Во сообщает своему литературному агенту о намерении написать биографию папы Римского Св. Григория Великого (590 – 604) гг. Однако в сентябре 1934 г. Во приступает к работе над биографией Эдмунда Кэмпiona, католического миссионера и мученика, жившего во время правления королевы Елизаветы.

Смена темы была обусловлена несколькими факторами. В предисловии к книге Во пишет о причине, по которой решил написать биографию Кэмпiona: «In 1934, when Campion Hall, Oxford, was being rebuilt on a site and in a manner more worthy of its distinction than its old home in St Giles's, I wished to do something to mark my joy in the occasion and my gratitude to the then master, to whom, under god, I owe my faith. A life of the Blessed Edmund Campion seemed the most suitable memorial»¹¹⁰. Речь идет о Мартине Дарси, которому посвящена биография; Во действительно хотел выразить благодарность и почтение как своему духовному наставнику, так и католической церкви в целом. Весь доход, который он получал от публикации биографии, был официально перечислен на пожертвования церкви и на благотворительность и, согласно завещанию писателя, доходы от продажи этой книги по сей день поступают на счет иезуитской семинарии в Оксфорде, Кэмпion-Холла.

«Кэмпion» – пусть не напрямую – оказался самой политизированной книгой Во 1930-х гг. Книга о событиях XVI в. стала поиском причин того плачевного положения, к которому Англия пришла в XX в. Помимо заинтересованности политикой, общей для всех писателей предвоенного десятилетия, определенную роль в выборе темы сыграли изменения в личной жизни Во. Постепенно начинают развиваться его отношения с Лорой Герберт. Первый брак Во проходил долгий процесс аннуляции в Ватикане, однако он получил надежду на то, что он сможет жениться повторно, обрести

¹⁰⁹ Brennan. P. 50.

¹¹⁰ Waugh, Evelyn. Edmund Campion: Jesuit and Martyr. – Penguin Books, 2011. P. IX. Далее цитируется в тексте по этому изданию с указанием страниц в скобках.

нормальную семейную жизнь, а также по-новому ощутить свою причастность к католической церкви, вера которой, по его мнению, была сосредоточена в старых английских поместьях, в тепле семейного очага, в преемственности поколений. Именно таким обещал быть брак с Лорой, дочерью обращенной католички леди Мэри Герберт, которая, однако, неодобрительно относилась к претенденту на руку ее младшей дочери. В определенном смысле апологетическая биография католического мученика была попыткой утвердиться в глазах леди Герберт, вкладом в устройство личной жизни: «он часто утверждал, что написание прокатолической книги ускорит в римском суде процесс аннуляции, в 1935 г. все еще ждавший своей очереди»¹¹¹.

Однако семья Герберт была не единственной аудиторией, которая, благодаря биографии Кэмпiona, должна была переоценить репутацию Во. В широком смысле эта «богоугодная» книга была выражением его «желания недвусмысленно заявить о своей религиозной ортодоксальности»¹¹². До этого подходивший к теме католической веры «от противного», изображая картины жизни без религии, Во впервые решает написать книгу, являющуюся открытой апологетикой его веры и его церкви, построенную на противопоставлении бездуховной королевы эпохи гуманизма и католического мученика, умирающего за веру. Такая история, вышедшая из-под пера рупора «золотой молодежи», известного своим черным юмором, должна была серьезно изменить отношение к Во как общества, так и его настороженных единоверцев.

Биография Эдмунда Кэмпiona с самого начала являлась для Во очень важным проектом¹¹³, в который он вложил не только свои личные надежды, переосмысление истории Англии в свете католицизма, желание утвердить репутацию писателя-католика, но и личное понимание истинной веры. С этой книгой Во занял свое место в ряду популярных апологетов католицизма, таких, как Г.К. Честертон, Х. Беллок, Р. Нокс; «он осознал, что стал писателем, от

¹¹¹ Sykes. P. 145.

¹¹² Stannard. P. 385.

¹¹³ На ее написание ушло больше времени, чем на любое другое произведение до этого, целых 9 месяцев, с октября 1934 г. по май 1935 г.

которого ожидали сочетания роли искусного мастера слова и католического комментатора»¹¹⁴.

И вновь «католические комментарии» Во шли вразрез с господствующими взглядами. В 1935 г. всеобщее внимание было приковано к военному конфликту в Абиссинии, оккупированной итальянскими войсками. В отличие от большинства британцев, осуждавших Италию как агрессора, Во, путешествовавший по Абиссинии за четыре года до того, поддерживал итальянцев как носителей западной цивилизации, необходимой варварскому, раздробленному междоусобными войнами африканскому обществу. Такое мнение Во не было данью его католичеству (большинство католиков было на стороне Абиссинии); также его ни в коем случае нельзя рассматривать как одобрение фашизма, который Во всегда безоговорочно осуждал. Во находит возможность поехать в Абиссинию в качестве военного репортера газеты «Дейли мейл» с августа по декабрь 1935 г. Впечатления от этой поездки легли в основу книги путевых заметок «Во в Абиссинии» («Waugh in Abyssinia», 1936) и сатирического романа «Сенсация» («Scoop», 1938).

Суть позиции Во в этих текстах заключалась в отрицании противостояния, которое лежало в основе политики 1930-ых годов, противостояния левых и правых, коммунизма и фашизма, которые разделили мир на два враждующих лагеря¹¹⁵. Во же с христианских позиций видел в такой политизации еще одно свидетельство деградации современного века.

По возвращении в Англию Во узнал, что его первый брак был официально аннулирован в Риме. Свадьба с Лорой Герберт состоялась 17

¹¹⁴ Brennan. P. 74.

¹¹⁵ Классические эссе о расстановке политических и идеологических сил в английской литературе 1930-х гг. – Ф.Р. Ливис. «Какого короля, скажи, бродяга» («Under Which King, Bezonian», 1932); В. Вулф. «Падающая башня» («The Leaning Tower», 1940); Джордж Оруэлл. «Во чреве кита» («Inside the Whale», 1940). Позднейшие осмысления см.: Hynes Samuel. The Auden Generation. Literature and Politics in England in the 1930s. Princeton: Princeton UP., 1977. P. 38-64; Cunningham Valentine. British Writers of the Thirties. Oxford: Clarendon Press, 1993. P. 154-160; 463-468.

апреля 1937 г., и Во наконец обрел дом в поместье Пирс Корт в Глостершире, где семья проживет следующие 18 лет.

Обычно Во писал с удивительной быстротой, но эти события затянули его работу над романом об Абиссинии, который он начал еще в 1936 г.; написание «Сенсации» уходит 16 месяцев, роман выходит в мае 1938 г. и снова убеждает критиков в том, что Во – писатель-комик, способный как никто другой развлечь публику, но не более того. Здесь герой-простак пытается выжить в суровом и беспринципном мире журналистики. Несмотря на отказ большинства критиков увидеть в романе какую-либо религиозную подоплёку, «Сенсация» является плодом религиозных взглядов Во в той же мере, что «Пригоршня праха», и снова обличает ложные верования.

С выходом пятого сатирического романа Во подошел к тому моменту в своей карьере, когда написание подобных произведений начало превращаться в рутину. В принципе, начиная с «Упадка и разрушения», критика отмечала поразительную, скрытую от глаз техничность Во на всех уровнях повествования; для него изначально не существовало препятствий в конструировании сюжета, выборе стиля, приемов характеристики персонажей. «Сенсация» показала Во, что рамки комического романа стали ему узки. Его решение о поиске нового, более зрелого стиля и направления было настолько серьезным, что единственными возвратами к раннему стилю в его последующей карьере стали «Незабвенная» («The Loved One», 1948) и «Бэзил Сил опять на коне» («Basil Seal Rides Again», 1963).

Профессиональная неудовлетворенность в конце предвоенного десятилетия сопровождалась также переосмыслением своего общественного положения как католика. Во чувствует необходимость принимать более активное участие в жизни мирового католического сообщества и в 1938 г. едет в Будапешт, чтобы в качестве корреспондента газеты «Кэтолик Хералд» («Catholic Herald») принять участие в международной Евхаристической конференции, посвященной девятисотлетию Святого Стефана, покровителя Венгрии. Собрание католических верующих из разных стран он воспринимает

как единение братьев в символических стенах церковного града, тогда как снаружи сгущается надвигающийся хаос войны.

Во время конференции в Будапеште Во предложили написать книгу о политической обстановке в Мексике, и он ухватился за эту возможность, потому что эта тема волновала его еще с 1932 г., когда в ходе революции в Мексике начались гонения и убийства католических священников. В том же 1938 г. в Мексику отправляется Грэм Грин, в результате чего появляются книга путевых заметок «Дорогами беззакония» («Lawless Roads», 1939) и роман «Сила и слава» («The Power and the Glory», 1940). На том же материале строится книга Во «Разбой по закону» («Robbery Under Law», 1939), синтез политико-экономического анализа с католической пропагандой. Это единственная книга Во, которую он запретил переиздавать, и она не переиздается. В отличие от Грина, который путешествовал по самым опасным районам Мексики, Во провел большую часть своей поездки в отеле, и на основе происходивших с ним событий едва ли могла получиться остросюжетная книга путевых заметок, тем более роман. Впрочем, заказчик книги, сын владельца самой крупной в Мексике нефтяной компании, ожидал от Во главным образом критики правительственной национализации нефтяной отрасли. Во, на протяжении большей части книги пытавшийся угодить заказчику, в итоге сбрасывает с себя эти угнетающие обязательства, и глава, посвященная религиозным гонениям, становится самой сильной и захватывающей в книге. В целом эта публицистическая книга является наиболее подробным изложением политических взглядов Во, и она же дала повод Р.М. Дэвису высказать следующую оценку католицизма Во в сравнении с католицизмом Грина: «Мир веры Во просторен, открыт, логичен. Вера Грина страдает клаустрофобией, заражена тленом разложения, насилием, вдруг проглядывающее в ней добро еще более необъяснимо и загадочно, чем окружившее его со всех сторон зло»¹¹⁶. Отметим, что вера Во характеризуется здесь эпитетами, которые

¹¹⁶ Davis R.M. The Rhetoric of Mexican Travel: Greene and Waugh // *Renascence* – № 38, Spring 1986. – P. 161.

обычно ассоциируются с рационализмом; на материале публицистики исследователь вскрывает рационалистический характер католицизма писателя.

По возвращении в Англию Во начинает работать над новым романом, который стал воплощением его давних поисков нового стиля и одновременно вызовом «левой эстетике» в искусстве, отвергавшей ценность любого произведения, не касавшегося политических вопросов, не имевшего цели воздействовать на действительность. «Прерванная работа» («Work Suspended», 1939), роман, который так и остался незаконченным, стал на тот момент самым рефлексивным и автобиографичным произведением Во, попыткой разобраться в себе и определиться с дальнейшим направлением жизни.

Подводя итог этого периода жизни и творчества Ивлина Во, можно сказать, что 1930-ые годы сформировали мировоззрение писателя и стиль его творчества. Христианство стало отныне точкой опоры равным образом в частной и творческой жизни писателя. Вместе с тем именно в эти годы Во переживает наибольшую волну критики со стороны католиков, которые признают его писательский талант, но не находят знакомого католического духа в его произведениях. В 30-ые годы Во пишет свои лучшие сатирические романы, которые закрепят за ним образ взбалмошного и бунтующего сатирика. Это однобокое клеймо затруднит восприятие последующих романов, в которых писатель отойдет от прежнего искрометного маскарада. К концу 1930-ых годов Во, достигший вершин в сатире, начинает поиски нового стиля, и надвигающаяся война, связанные с ней разочарования и утраты, станет тем событием, которое завершит формирование мировоззрения Во и явит новые грани его творчества.

Апологет католичества: биография «Эдмунд Кэмптон»

Мы рассматриваем биографию «Эдмунд Кэмптон» как первое развернутое, открытое воплощение католицизма Во. Он пришел к вере, отталкиваясь от неприятия современности; для биографии он выбирает эпоху, в которой видит начало современных зол – тюдоровскую Англию периода Реформации. В основе сюжета лежит противопоставление двух персонажей и их мировоззренческих систем: королевы Елизаветы (1533-1603), чей образ воплощает идеи бездуховного светского гуманизма, и Эдмунда Кэмптона (1540-1581), носителя католической истины. В начале произведения Кэмптон – ученый и богослов, затем изгнанник, один из первых англичан, вступивших в орден иезуитов, миссионер, и в итоге мученик. Как и многие католики, он был задержан по доносу, обвинен в заговоре против королевы и казнен после фальшивого судебного процесса. Елизавета и Кэмптон рисуются автором как порождения общей системы, но носители противоположных ценностей.

Несмотря на то, что Во уже имел опыт в написании биографии Россетти и в Оксфорде изучал историю, историческую объективность едва ли можно считать сильной стороной этой книги. Как метко замечает Стэннард, «когда Во брался за биографию или путевую прозу, он неизменно подходил к этим жанрам как романист, художник, а не просто компилятор фактов»¹¹⁷. Во упоминает в предисловии, что многим обязан биографии Кэмптона, написанной в 1867 г. другим обращенным католиком, Ричардом Симпсоном¹¹⁸, но в духе католической гармонии, церковного единства он не вступает в открытую полемику с Симпсоном, даже когда сильно с ним расходится в трактовке отдельных эпизодов из жизни Кэмптона.

В «Кэмптоне» явная предвзятость автора по отношению к весьма спорной личности королевы Елизаветы, к неоднозначным событиям эпохи

¹¹⁷ Stannard. P. 153.

¹¹⁸ Simpson Richard. Edmund Campion: A Biography. – L.: Williams and Norgate, 1867. То же, [электронная книга]
http://books.google.ru/books/about/Edmund_Campion.html?id=6SsZFUkyc7UC&redir_esc=y

Реформации в целом, стала кривым зеркалом, искажающим факты¹¹⁹ так, как необходимо автору для раскрытия его идеи. Причем, что характерно для Во, гораздо большим искажениям в еще худшую сторону подверглись отрицательные персонажи, чьи пороки и безумства доводятся до абсурда, а образ Кэмпiona, первого абсолютно положительного героя в творчестве Во, сияет так ярко во многом благодаря мрачному фону, на котором он появляется перед читателем.

Традиционно положительный для английских учебников истории образ «доброй королевы Бесс» (Good Queen Bess), близкой народу, преданной своей стране, непосредственной и решительной, развенчивал не только Во. Литтон Стрейчи, создатель английской романизированной биографии, незадолго до Во написал историю отношений Елизаветы с одним из ее фаворитов – графом Эссексом («Elizabeth and Essex», 1928)¹²⁰. Однако Литтон Стрейчи насмешливым и непринужденным тоном не столько опровергает, сколько корректирует представления о королеве, изображая ее в первую очередь не как монарха, но как женщину, обращая внимание на то, как ее чисто женская непоследовательность и нерешительность определила ход истории и жизни многих ее подданных.

Но с точки зрения Во, ход жизни Кэмпiona определила вовсе не переменчивость Елизаветы, но ее упорное противостояние истине, усугубившее начатое ее отцом отпадение Англии от католицизма. Углубившись в изучение

¹¹⁹ В том, что касается центральной сюжетной ситуации – елизаветинских казней католиков, цифры в источниках разнятся. Считается, что всего за время правления Елизаветы число католиков в Англии снизилось до 1-2% населения в 4 млн человек, а казнено было от 200 до 300 человек, больше всего – иезуитских миссионеров с континента, а также священников, продолжавших богослужение по католическому обряду вопреки правительственному запрету, и просто верующих разных социальных слоев. Подробнее см.: Rowlands Marie. English Catholics in the Reign of Elizabeth // History Review. – 2007. Issue 59. – <http://www.historytoday.com/marie-rowlands/english-catholics-reign-elizabet>; Dures Alan. English Catholicism 1558-1642: Continuity and Change. – Longman, 1983; Haigh Christopher. The Church of England, the Catholics and the people // The Impact of the English Reformation / Ed. by P. Marshall. – L.-N.Y.: Arnold-St.Martin's Press, 1997; Marshall Peter. Reformation England 1480-1642. – L.: Bloomsbury, 2003.

¹²⁰ Lytton Strachey John. Elizabeth and Essex: A Tragic History. – N.Y.: Mariner Books, 2002. (Harvest series).

истории Англии XVI в., Во вернулся к истоку той бездуховности и потерянности, которую он считал главным свойством своих современников.

Читатели и критики по-разному восприняли вольность Во в обращении с теми страницами истории Англии, которые обычно считаются предметом национальной гордости. За публикацией последовал ряд положительных отзывов в католической прессе. «Тэблет» под предводительством Эрнеста Олдмедоу игнорировала книгу, но зато впервые о Во написали в самом престижном католическом иезуитском издании «Манс»¹²¹, где вскоре с большим опозданием была опубликована рецензия на «Пригоршню праха». Но и в светской прессе преобладали положительные отзывы, а стиль оказался столь безупречным, что критики готовы были закрыть глаза на авторскую предвзятость. По мнению Питера Квеннелла, давнего знакомого Во, не одобрявшего его обращения в католицизм, книга была «так хорошо написана и так полна жизни, что тенденциозность воспринимается как случайный элемент авторского повествования»¹²².

Несмотря на преобладающее количество положительных рецензий в прессе, публикация книги не обошлась без скандала¹²³, уже привычного при выходе произведений Во. Тем не менее в 1936 г. биография «Эдмунд Кэмптон» приносит Во первую и единственную в его литературной карьере награду — премию Готорнден, которая ежегодно вручалась британскому писателю в возрасте до 41 года.

Интересно, что, несмотря на большое внимание к «Эдмунду Кэмптону» в светской прессе, рецензенты сконцентрировались на идеализации автором

¹²¹ Month. — Oct. 1935. — P. 377-378.

¹²² Evelyn Waugh: The Critical Heritage. P. 163.

¹²³ В ответ на положительный отзыв об «Эдмунде Кэмптоне» на радио Би-би-си протестантский полемист Джон Кенсит написал обращение к директору Би-би-си и в журнал «Лиснер», в котором обвинял Во в некорректном обращении с фактами. По мнению Кенсита, Кэмптон действительно участвовал в заговоре против королевы, что якобы доказывают недавно обнародованные документы Ватикана. Его точка зрения была быстро опровергнута; полемика продолжалась недолго и никак не повлияла на репутацию Во и его книги. См.: Patey. P. 126-128.

главного героя, во многом упустив из виду католический взгляд Во на английскую Реформацию.

Концепция английской истории в «Эдмунде Кэмпione»

Биография католика XVI в. оказалась актуальной в середине XX столетия. В предисловии, написанном в 1946 г. ко второму американскому изданию биографии, Во пишет: «The Martyrdom of Father Pro in Mexico re-enacted Campion's in faithful detail. We are nearer Campion than when I wrote of him. We have seen the Church drawn underground in country after country. In fragments and whispers we get news of other saints in the prison camps of Eastern and South-eastern Europe, of cruelty and degradation more savage than anything in Tudor England, of the same, pure light shining in darkness, uncomprehended. The hunted, trapped, murdered priest is our contemporary and Campion's voice sounds to us across the centuries as though he were walking at our elbow» (x). Однако связь истории Кэмпioneа с современностью автор, очевидно, видел не только в учащавшихся случаях гонений на католиков в разных странах мира, которым он сам был свидетелем, но и в том пагубном гуманистическом духе, который, по его мнению, вылился в Реформации на континенте и в Англии.

Атака еретиков-реформаторов на апостольскую католическую церковь, атака пагубных заблуждений на извечные истины веры – это стандартная католическая точка зрения на историю Реформации и Контрреформации XVI в.¹²⁴ В английской литературе среди современников Во эту точку зрения наиболее полно излагал католический публицист Хилэр Беллок в книге «Как случилась Реформация» («How the Reformation Happened», 1928). Беллок считал, что интерпретация Реформации, преподаваемая в английских школах, в корне неверна, и называл Реформацию революцией, плодами которой стали

¹²⁴ Авторитетной научной историей католической церкви является книга: Holmes Derek J., Bickers Bernard. Short History of the Catholic Church. L.: Continuum, 2004. (revised edition of 1983). О Реформации и Контрреформации см. P. 118-172. Полнотой изложения отличается также: Hitchcock James. History of the Catholic Church. From Apostolic Age to Millennium. San Francisco.: Ignatius Press, 2012. P. 248-299.

такие неотъемлемые элементы английского общества, как принцип конкуренции, промышленный капитализм, субъективизм и национализм¹²⁵. Он также называл Реформацию «главной причиной нашего всевозрастающего хаоса»¹²⁶.

Ивлин Во, желавший встать в один ряд с католическими апологетами своего времени, перенимает точку зрения Беллока, использует вслед за ним для английской Реформации термин «the Tudor revolution», но идет дальше, придавая героический и романтический характер движению Контрреформации. Тогда как даже прокатолически настроенные историки пишут¹²⁷ о накопившихся в католической церкви пороках, которые протестантизм подверг справедливой критике, об авторитарном характере решений Тридентского собора 1545-1563 гг., попытавшегося затормозить развитие протестантизма, обратив вспять католическую церковь, о политической роли ордена иезуитов и прочих спорных вопросах в истории католичества, Во этих вопросов не допускает. В глазах новообращенного автора догматы католической веры незыблемы: католическая церковь с папой во главе непогрешима, ее политика вдохновляется свыше и потому не подлежит нравственным оценкам людей, превосходство живой католической традиции над протестантской чисто книжной самоочевидно. Правота католического вероучения ставится под сомнение, по мнению автора, только недобросовестными людьми ради чисто эгоистических интересов.

Те изменения, которые Во наблюдал в современном ему обществе, он считал лишь продолжением или результатом давно начатого отхода от истинной веры. В доказательство Во начинает свое повествование со сцены

¹²⁵ Belloc, Hilaire. *How the Reformation Happened*. New York: McBride, 1930. Pp. 266-70.

¹²⁶ *Ibid.* P. 209.

¹²⁷ Küng Hans, Father. *The Catholic Church: A short history*. Transl. by John Bowden. UK: Noyes Press, 2011; Tanner Norman. *New Short History of the Catholic Church*. L.-N.Y.: Continuum, 2011. P. 165-200. Популярные изложения проблем католической церкви в контексте общей истории христианства см.: Johnson Paul. *A History of Christianity*. N.Y.: Simon and Schuster, 1976; Shelley Bruce L. *Church History in Plain Language*. Thomas Nelson Inc., 2013. P. 245-320.

предсмертных мучений Елизаветы, чья личность в биографии стала символом новой эпохи, приведшей Англию к нынешнему духовному запустению.

Окруженная придворными, слугами, бывшими советниками и фаворитами, Елизавета умирает от неизвестной болезни, одинокая и жалкая, не находящая утешения. Заигрывая то с религией, то с суевериями, она в итоге приходит к полной потере нравственных ориентиров. Королева, всей силой вцепившаяся в свою земную власть, оказалась не готовой расстаться с ней перед лицом смерти. Ради того, чтобы удержать эту эфемерную власть, она носит на шее языческий талисман, который якобы должен спасти ее от смерти¹²⁸; она разменивает веру, как ей это кажется выгодным. Когда в ее покои приходят Архиепископ Кентерберийский, глава новой церкви, и несколько англиканских священников, она в гневе выгоняет их: «She rated them and sent them packing, crying that she was no atheist, but she knew full well they were but hedge priests» (7).

Во, видевший в священнике мастера, поставленного самим Богом выполнять таинственный труд над человеческими душами, не считал истинными никаких других служителей, кроме католических, и Елизавета, столь рьяно заменявшая католицизм на протестантизм, заставлявшая многообещающих католических служителей перейти на службу новой церкви, отнимавшая здания у католиков и отдававшая их англиканам, теперь обнаруживает полную несостоятельность поставленных ею священнослужителей. Она наделила новых священников властью, но лишь мирской властью – с потерей истинной веры они лишились власти, данной им от Бога, и не могли предложить ей никакого утешения, ничего сверх того, что она и так знала, чем и так была.

Англиканская церковь представлялась Во бутафорией, попыткой вместить новую религию в церковь, откуда была изгнана истинная вера. В соответствии с этим убеждением автора, образ Елизаветы дается в окружении

¹²⁸ Во заимствует эту деталь из письма придворной дамы Елизаветы, леди Саутвелл, которая описала последние дни королевы в частном письме. См.: Gallaher Donat. Evelyn Waugh's *Edmund Campion* and "Lady Southwell's Letter" // *Connotations*. – 2010, № 11. – P. 80-107.

мелочей, подчеркивающих искусственность ее среды обитания. Сама она представляется в тексте неким подобием куклы, которая пытается притвориться живым человеком.

Повествование начинается с исторически достоверной сцены долгой агонии королевы, а затем выстраивается по хронологии как вереница опирающихся на документы и домысленных эпизодов из жизни Эдмунда Кэмпиона. Но поскольку вся его жизнь выпала на ее царствование, а его карьера развивалась под прямым воздействием желаний и велений Елизаветы, их встречи дают повод автору развернуть образ королевы во времени. Образ Елизаветы складывается из органично сочетающихся между собой портретов в разные периоды ее жизни, опирающихся на известные живописные изображения, например: «...Elizabeth was now in middle age, her face was shrunken, revealing the large, masculine bones beneath it, she was extravagantly painted and dressed, while over all towered a crimson wig, stuck with jewelry, which, it was reputed, covered a head that was totally bald» (113). Отметим на лысой голове мужеподобной монархини этот гротескный пунцовый парик, усеянный, подобно короне, драгоценностями – эта деталь будет варьироваться у Во и позже как часть сатирического портрета несправедливого правителя, например, в описании последней встречи королевы и мученика Кэмпиона перед его казнью: «The grime of the dungeon was still on Campion; his limbs as he knelt were stiff from his imprisonment. The vast red wig nodded acknowledgement; the jewels and braid and gold lace glittered and the sunken, painted face smiled in recognition. They received him courteously, almost affectionately» (179). Замученная праведность преклоняет колени перед торжествующим лицемерием; одобрительно кивнула не королева, но ее парик. Ее драгоценности, кружева и раскрашенное лицо действуют сами по себе, словно под ними нет человека. Вычурные атрибуты власти поглотили Елизавету, и ее истинная сущность появляется только перед смертью, когда спадает мишура не только экстравагантных украшений, но и ложной уверенности в своем бессмертии и всевластии, и перед нами предстает лишь «perjured woman, dying without comfort» (8).

Описывая умирание Елизаветы, Во фактически вмещает в один абзац всю историю Англии от Реформации до современности так, как ее видит скептический католик – историю деградации, развивающейся по нисходящей спирали: «In these circumstances the Tudor dynasty came to an end, which in three generations had changed the aspect and temper of England. They left a new aristocracy, a new religion, a new system of government; the generation was already in its childhood that was to send King Charles to the scaffold; the new rich families who were to introduce the House of Hanover were already in the second stage of their metamorphosis from the freebooters of Edward VI's reign to the conspirators of 1688 and the sceptical, cultured oligarchs of the eighteenth century. The vast exuberance of the Renaissance had been canalized. England was secure, independent, insular; the course of her history lay plain ahead; competitive nationalism, competitive industrialism, competitive imperialism, the looms and coal mines and counting houses, the joint-stock companies and the cantonments; the power and the weakness of great possessions» (8). Автор представляет три последующих века английской истории как процесс расширения рыночных процессов, накопления собственности, полностью исключая из своего безрадостного описания духовную жизнь. Люди добились многого в материальном прогрессе и одновременно, на что намекают заключительные слова о «слабости великой собственности», они остались ни с чем – в плане духовном. Словно что-то жизненно важное было утеряно за время правления Тюдоров, из которых последняя, Елизавета, довела их дело до конца. И этим жизненно важным была, по Во, католическая вера, изгнав которую, англичане остались жить в обществе неизмеримо возросшей индивидуальной активности, полем внутри, лишенным сердцевины, и оттого вся внешняя деятельность представляется бесцельной.

Гораздо большее негодование, чем изображение Елизаветы или какие-либо еще предвзятости в книге, вызвал у критиков портрет в биографии папы Римского Пия V. Одной из причин, по которой гонения на католиков в Англии были усилены на исходе XVI в., стало отлучение Елизаветы от католической церкви, которое было официально провозглашено буллой Пия V в 1570 г. Об

этом разрушительном для католической церкви Англии решении Во пишет: «It is possible that one of his more worldly predecessors might have acted differently, or at another season, but it was the pride and slight embarrassment of the Church that, as has happened from time to time in her history, the See of Peter was at this moment occupied by a saint» (47).

«Святой», по мнению автора, Пий V был известен как жестокий инквизитор, одобрявший избиение гугенотов во время Варфоломеевской ночи; его идеализация возмутила многих читателей. К. Сайкс пишет об этом сомнительном моменте биографии: «Мало кто из читателей готов разделить авторскую позицию по этому пункту. Если Пия V признать образцом святости и мудрости, подрываются основы обвинений в адрес гонителей Кэмпiona»¹²⁹, то есть королевы и ее советников.

Однако в контексте исторической концепции Во, действия папы Римского – это не вздорное и разрушительное решение, но часть продолжительного и крайне сложного процесса. Рассуждая об отношении современников к действиям Пия V, пытаясь понять его глубинные мотивы, Во пишет: «Had he, perhaps, in those withdrawn, exalted hours before his crucifix, learned something that was hidden from the statesmen of his time and the succeeding generations of historians; seen through and beyond the present and the immediate future; understood that there was to be no easy way of reconciliation, but that it was only through blood and hatred and derision that the faith was one day to return to England?» (49). Фактически для Во, воспринимающего историю через призму католического учения, а судьбоносные решения церковнослужителей как часть грандиозного божественного плана, действие папы Римского похоже по характеру на заклание пасхального агнца и жертву Христа на кресте: жизнь и спасение возможны только через смерть и погибель. Возможно, предполагает Во, пытающийся вписать личность Пия V в апологетическую атмосферу книги, он знал, что необходимо пожертвовать некоторыми, чтобы затем, в далеком будущем, многие смогли вернуться к истинной вере.

¹²⁹ Sykes. P. 147.

Так в биографии создается мир Англии XVI в. и образ королевы Елизаветы, преломленные через призму католического мировоззрения автора; такова его концепция истории и представление о земных правителях. Все это выражено в биографии не только посредством авторских прямых оценок и комментариев, но и через художественные приемы, используемые при создании образов врагов Кэмпиона.

Наблюдая за предсмертными мучениями Елизаветы, автор размышляет о том, что могло занимать ее мысли в этот момент. Сожалела ли она об упущенных возможностях, вспоминала ли множество совершенных ею злодеяний, не они ли населяли ее воспаленный мозг, когда она пыталась заснуть: «What was in Elizabeth's mind as she lay there through the silent hours, sane and despairing? The thought of another England that it had been in her hands to make?» (8). А возможно, она возвращалась мыслями к тому дню, когда она впервые посетила Оксфорд и встретила с тогда еще совсем молодым ученым-богословом Эдмундом Кэмпионом? Автор заставляет великую королеву в ее последний земной час вспомнить именно его, одного из сотен католических мучеников, показательно казненных за время ее правления. После экспозиции эпохи через подведение итогов царствования великой королевы автор переходит непосредственно к жизнеописанию Кэмпиона. Тем самым Кэмпион по историческому значению, по масштабу личности как бы приравнивается к королеве; автор сразу задает планку для восприятия образа заглавного героя.

Образ Кэмпиона: изображение религиозного опыта

Здесь мы обратимся к тому аспекту биографии, который, в отличие от историзма Во, критика практически игнорирует – к особенностям психологизма в произведении. Достоинством биографии П. Оллит считает то, что она сочувственно изображает истину католицизма без впадения в агиографию¹³⁰, не превращаясь в богословское житие святого. Композиционно биография делится на 4 части, заглавия которых выражают авторское понимание каждого этапа

¹³⁰ Allitt P. Op. cit. P. 306.

жизни Кэмпiona: «The Scholar», «The Priest», «The Hero», «The Martyr». В первой части читатель, отправляясь вслед за предполагаемыми воспоминаниями Елизаветы, сразу встречает главного героя уже взрослым, на ответственном жизненном распутье; Во уделяет большое внимание сложному выбору, который должен был изменить жизнь молодого оксфордского ученого.

Елизавета посещает Оксфорд с целью найти подходящих служителей для ее новой церкви. Это не представлялось трудной задачей: «Catholicism at Oxford was largely a matter of sentiment and loyalty to the old ways, rather than of active spiritual life» (24). Среди прочих многообещающих молодых англиканских теологов и Кэмпionу предложена высокая должность, подразумевающая карьеру при дворе, безбедное существование и покровительство власти. Но его совесть верующего колебалась между протестантизмом и католицизмом; он должен был решить, стать ли активным служителем новой конфессии или встать на сторону гонимой истинной веры.

Объективно по сравнению с лютеранством, кальвинизмом, пуританством англиканская церковь, уже в силу особенностей ее происхождения, сохраняет наибольшую теологическую и литургическую преемственность с римско-католической церковью¹³¹, что подтверждается легкостью переходов верующих между высокой англиканской церковью и католицизмом – в Англии исторически это улица с оживленным двусторонним движением. Однако Во настаивает на непримиримой разнице между ними¹³². Перед Кэмпionом встает выбор, которого герой всеми силами пытается избежать: «At Oxford the division was more sharply defined; there was a Catholic party in the majority, and a Protestant party in the ascendant. Campion hesitated between the two, reluctant to decide. What he wished was to be left in peace to pursue his own studies, to discharge the duties that soon fell on him as proctor and public orator, to do his best for his pupils. But he

¹³¹ Подробный сопоставительный разбор двух конфессий, выполненный влиятельным американским католическим богословом в начале тридцатых годов, см.: Stow Walter Herbert. Anglo-Catholicism: What It Is Not and What It Is. – L.: Church Literature Association, 1932.

¹³² У Р. Симпсона картина религиозных разногласий времен юности Кэмпiona, когда в Оксфорде он получил сан дьякона англиканской церкви, представлена не так однозначно, с большим обилием деталей.

was born into the wrong age for these gentle ambitions; he must be either much more, or much less» (28). Кэмптон представляется кабинетным ученым, желающим только посвятить себя науке, но действительность требует от него определиться, выталкивает его к гораздо более активной жизненной позиции. Во неоднократно упоминает о литературных талантах Кэмптона, явно считая, что в его лице Англия потеряла выдающегося писателя («Had Campion continued in the life he was then planning for himself, he would, almost certainly, have come down in history as one of the great masters of English prose», 42) или переводчика Библии («What a translator for the Vulgate was lost in Campion!», 44).

Во явно чувствовал определенное душевное родство с Кэмптоном. В его изображении несбывшимся желанием героя было прожить тихую жизнь в преданности своей профессии богослова-филолога, но он нашел в себе мужество ответить на вызов времени. Так же вскоре поступит и Во: с началом Второй мировой войны он, отчасти ассоциируя себя с католическими мучениками, отчасти пытаясь искупить свое неучастие в Первой мировой войне¹³³, отправится на фронт. Однако через 4 года Во пишет в дневнике: «Мне не нравится армия. Я хочу снова приняться за работу. Мне не нужен новый жизненный опыт. У меня уже есть достаточно мыслей, разлитых по бутылкам и аккуратно сложенных в погребе. Некоторые из них еще созревают, другие уже можно пить, иные начинают выдыхаться. Еще в начале войны я писал Фрэнку [Пэкенхэму, давнему другу] о том, что ее главная цель – избавить творческих людей от иллюзии того, что они якобы люди действия. На меня война подействовала именно так. Я преуспел в том, чтобы отдалиться от внешнего мира. Я не раздражаюсь из-за доносящейся оттуда глупости, не хочу влиять на мнения или события, разоблачать надувательство и обман, или делать что-то в этом духе. Я не хочу служить кому-либо или чему-либо. Я просто хочу делать

¹³³ См. о психологических последствиях этой войны для поколения Во: Кабанова И.В. Указ. соч. С.39-42.

свою работу писателя» (29 августа 1943 г.)¹³⁴. Разочарование постигло Во после попытки проявить доблесть, сражаясь за свою страну. В реальности, открывшейся ему, его самоотречение было не востребовавшимся, слишком щедрым подарком. И он снова вернулся совершать свое истинное предназначение – писательство.

«Я просто хочу делать свою работу ученого», – такие слова мог бы произнести Кэмптон во второй главе биографии, оказавшись перед выбором. В его отказе от безопасности ученой карьеры ради активного служения истине католицизма Во видит проявление святости. Это понятие станет одним из ключевых для мировоззрения писателя.

Сомнения Кэмптона показаны на фоне решений, принимаемых другими людьми, оказавшимися в похожем положении: «Shrewd little Tobie Matthew was recognized as a specialist on the subject. Earnestly, man to man, Campion asked him how, with his deep knowledge of the Fathers, he could take the side he did. ‘If I believed them as well as read them,’ Matthew replied, ‘you would have good reason to ask.’ It was no longer a question of theology, but of morals» (29). Абсолютно неприемлемое для Во лицемерие, особенно в вопросах религии, становится движущей силой, притягивающей к новой церковной организации, нуждающейся в кадрах, множество карьеристов, делающих свой выбор легко и непринужденно, потому что ни старая, ни новая вера по сути не имеют для них никакого значения. Множество подобных персонажей можно встретить в сатирических романах Во, этот типаж был ему хорошо знаком и давно презираем.

Во приводит отговорки, какими пользовались коллеги Кэмптона по Оксфорду, отказываясь от прежней веры. Они выстраивают аргументы философские (никакие формулировки не могут в точности описать реальность, а потому так ли важно, какие из них считать верными); политические (верность правительству и королеве обязывает следовать их курсу, какой бы несправедливой ни была государственная политика с точки зрения морали). Подобные

¹³⁴ The Diaries of Evelyn Waugh. P. 575.

заявления на деле оказываются лишь завуалированным страхом или жадной попыткой получить выгоду из сложившейся ситуации. Полностью свободный и от того, и от другого, Кэмптон тем самым являет самую ценную для Во сторону святости и героизма: способность остаться верным себе вопреки обстоятельствам, способность отказаться от всего ради того, что кажется призрачным, далеким, но в истинность чего человек верит: «It was an argument which might be – which was – acceptable to countless decent people, then and later, but there was that in Campion that made him more than a decent person; an embryo in the womb of his being, maturing in darkness, invisible, barely stirring; the love of holiness, the need for sacrifice. He could not accept» (31).

Во восхищается абсолютным отсутствием прагматизма в решении героя; который в критический момент отказывается от личных интересов ради чистоты веры. Кэмптон представляется тем возвышенным героическим образом, который невозможно найти в раннем романном творчестве Во.

Весьма характерно для творчества Во, что в описании выбора Кэмптона нигде не прослеживается богословское основание для его верности католицизму. Как и в ранних романах, в тексте не упоминается ни одно из основных понятий католического катехизиса (Троицы, первородного греха, универсальности церкви и т.д.). Тем более автор не затрагивает вопросы различия доктрин двух конфессий, и складывается впечатление, что решение героя больше основано на верности традициям своей страны, нежели на вере как таковой.

Причина отсутствия в тексте богословских обоснований, вероятно, в том, что Во писал в основном для католиков, которым не нужно было объяснять, почему их вера является истинной. С другой стороны, сам Во был убежден в истинности католицизма потому, что считал именно эту ветвь христианства преемственной, являющейся прямым продолжением веры апостолов и первых христиан. И в этом случае для него не имело смысла обсуждать доктрины и доказывать то, что должно приниматься как аксиома. Католицизм истинен, потому что он аутентичен, и именно он, по мнению Во, является исторической

верой Англии. Реформаторы в таком случае лишили страну истинной духовной опоры, оставив ни с чем, и не имеет смысла анализировать, в чем именно их реформы были неверны.

Решение Кэмпиона принимается постепенно, ему требуется долгое время, чтобы осознать, что следование истине потребует от него абсолютной жертвы: «He had powerful friends and brilliant reputation. Surely with these it must still be possible to make a career in the world, without doing violence to his religion? Surely it was not expected of him to give up all?» (37). Дублин, Франция, английский колледж в Дуэ – все это попытки отсрочить выбор, момент вступления на путь, который в итоге приведет его к совершению своего истинного предназначения¹³⁵, на тот момент от него еще скрытого: «Whatever achievement lay ahead of him was not to be the achievement at which he had once aimed; the glory, transcendent and undying, not what he had sought» (52).

Уже в этом первом полностью посвященном религиозной тематике произведении появляется характерное для Во отношение к духовным переживаниям и изменениям в душе героя. Такие события, как покаяние или ключевые решения о переходе из одной конфессии в другую, автор всегда оставляет «за кадром», упоминает вскользь, не изображает впрямую. В данном случае он пишет о вступлении Кэмпиона в католическую церковь в одном предложении, которое выстроено так, как будто дата обращения Кэмпиона важнее самого факта его обращения: «There is no record of the date of his formal reconciliation with the Church, but it is reasonable to assume that it occurred immediately on his arrival from England» (65).

Эта художественная сдержанность относительно переломных духовных событий объясняется тем, что решение, касающееся веры, у героев Во, как и у него самого, никогда не бывает спонтанным, основанным на сильных чувствах, потрясениях и каких-либо внешних критических обстоятельствах. Скорее это логическое следствие уже воспроизведенных в тексте долгих размышлений.

¹³⁵ У Симпсона в описании периода странствий Кэмпиона телеологичности намного меньше, чем у Во.

Кэмпион, как и сам Во, принимает откровение, четко осознавая, чего ему это будет стоить, чего он лишается, но, возможно, не вполне понимая, что обретет в результате; утрачивая заманчивые перспективы, он тем не менее делает шаг в неизвестность и постепенно открывает для себя то богатство, которое обрел благодаря своей жертве: «He found himself living in a completely Catholic community, and, perhaps for the first time, began to have some sense of the size and power of the world he had entered, of the distance and glory of the aim he had set himself» (65).

Подобное осознание общности и единства католических верующих, которое Кэмпион ощутил, попав в общество изгнанников за веру, схоже с размышлениями Во о католической церкви во время его путешествия по Южной Америке. Еще в «Далеких людях» он писал о впечатлении, которое произвело на него знакомство с миссионерами и священниками в самых заброшенных уголках, в трущобах и бразильских джунглях. Понятие церкви как цивилизованного Града Божьего¹³⁶, обнесенного стенами веры, включало в себя многочисленных католиков, казалось бы, выброшенных за географические пределы западного мира. И у Кэмпиона познание Бога происходит в основном через церковь, через сообщество верующих; понимание своего предназначения неотделимо для него от мистического тела Христа, католической церкви, раздробленной на множество семей и поместий, не имеющих возможности собираться вместе. Это католическое понятие соборности, необходимость ощущать себя частью целого и только так иметь возможность приближаться к Богу и познавать Его отличают как католицизм в целом, так и веру крайнего индивидуалиста Ивлина Во, проявлением чего и стало написание столь апологетической книги.

Посмотрим теперь, как в биографии находит воплощение религиозный опыт, движущий главным героем. Религиозные переживания героев автор

¹³⁶ Восходящий к Бл. Августину образ Града Божьего у Во часто сочетается с архитектурными лейтмотивами, например, тема Града в романе «Пригоршня праха».

склонен выражать не через психологические зарисовки, а через их практические действия. Эта черта впервые ярко проявляется в главе биографии Кэмпiona «Католический священник».

Новая среда семинарии в Дуэ, внешне мало отличаясь от университетской атмосферы Оксфорда и Дублина, начинает производить изменения в душе героя. Во психологически достоверно предполагает, что Кэмпion, привыкший к признанию в университетских кругах, прибыл в Дуэ с чувством интеллектуального превосходства и уверенности в своих силах. Однако изменения, природу которых автор отказывается объяснить, достаточно быстро приводят его к смирению: «He realized the need for other gifts than civility and scholarship; he saw himself as a new-born, formless soul that could come to maturity only by long and specially sheltered growth» (66).

После получения ученой степени в Дуэ Кэмпiona в Риме принимают в орден иезуитов, отсюда он получает назначение в Прагу. В описании деятельности общества иезуитов выражено восхищение Во миссионерской работой, способностью людей отдаваться одной идее, отказываясь от собственных планов и прав, а также всепроникающей высшей силой, объединяющей людей: «The Society knew no bounds to its work but those of the human race; its missionaries penetrated India, China, Japan, Abyssinia and the New World; in the lecture halls of the ancient universities, in obscure provincial day schools, guarding the consciences of great ladies at Court and of dying seamen on the bullet-swept decks of Lepanto, among galley-slaves and lepers, in council with cardinals and men of affairs, wherever there were souls to be saved, these men of single purpose were making a way» (73). В этом отрывке Во выступает просто романтиком Контрреформации.

Перемена в герое происходит внезапно, когда он в Праге преподает риторику в одной из иезуитских школ: «then comes the interruption [...] and Campion suddenly emerges as a hero» (82). Неожиданное перевоплощение ученого и священника в самоотверженного героя восхищает автора едва ли не больше, чем то, с какой готовностью Кэмпion в дальнейшем примет

мученическую смерть. Именно в этом перевоплощении из университетского преподавателя в мученика за веру, столкнувшегося с жестокостью реальности, Во видит сверхъестественное действие Бога, проявление благодати и святости. И это одна из главных причин, почему переживания героя кажутся нераскрытыми, а утверждения о его святости – просто утверждениями: происходящее внутри Кэмпiona, сила, проявившаяся в нем во время испытаний, имеет, по мнению Во, божественный характер и потому не подлежит анализу, не требует объяснений. «Campion stands out from even his most gallant and chivalrous contemporaries [...] by the supernatural grace that was in him. That the gentle scholar, trained all his life for the pulpit and the lecture room, was able at the word of command to step straight into the world of violence, and acquit himself nobly; that the man, capable of the strenuous heroism of that last year and a half, was able, without any complaint, to pursue the somber routine of the pedagogue and contemplate without impatience a lifetime so employed – there lies the mystery which sets Campion's triumph apart from the ordinary achievements of human strength; a mystery whose solution lies in the busy, uneventful years at Brunn and Prague, in the profound and accurate piety of the Jesuit rule» (83).

«Сверхъестественная благодать», дарованная Кэмпionу, может быть лишь названа, но не воплощена в слове; по сравнению с этой первопричиной весь житейский и жизненный опыт Кэмпiona несуществен, и Во не изображает его в деталях, ограничиваясь определением «тайна». Раз его внутренняя сила таинственного, мистического происхождения, то автор, следуя католической логике, исключает попытки психологической интерпретации переживаний героя. Опять-таки, характерно для индивидуального католицизма Во, – и это видно в организации повествования – что благодать связана не с каким-либо божественным откровением или переживанием, что в целом характерно для католического понимания святых и мучеников, не со стремлением подражать Христу и даже не с любовью к Богу как таковой. Она рождается из рутины ежедневных упражнений в святости, из медитативных практик и молитв, то есть сила духовных изменений, с одной стороны, является для Во некой тайной,

с другой – следствием заурядных действий, самодисциплины и интеллектуальных упражнений. Подобная двойственность характерна для отношения Во к духовности и, оставленная без внимания, может создать ложное впечатление поверхностности духовности, или святости, его героев. Эта двойственность лежит в основе авторской позиции в изображении религиозных основ духовной жизни. Автор может даже показаться уклончивым, как будто ему неинтересны откровения, мистический опыт героев. На самом деле он не отворачивается в эти моменты, а просто умолкает, признавая несостоятельность языка перед лицом такого рода опыта. Совсем умолчать о подобных моментах автор, разумеется, не может, но считает более уместным называть, а не изображать их.

После шести лет служения в Праге Кэмптон был выбран обществом иезуитов для миссионерства в Англии, где шла государственная охота на католиков, и орден нес большие потери. Кэмптон еще ждет в Праге подтверждения своего назначения, а автор набрасывает вокруг него героическую ауру предстоящего подвига («there was the aura about him of one devoted to another destiny», 89). Период подготовки в условиях относительного спокойствия Центральной Европы подошел к концу, и Во направляет своего героя к свершению его божественного предназначения.

Панорама эпохи в «Кэмптоне» и сатирическое мастерство Во

Следующие две части книги, «Герой» и «Мученик», не только раскрывают предназначение, героизм и святость Эдмунда Кэмптона, своей смертью знаменовавшего триумф истиной веры над ложной религией, политическими интригами и светским гуманизмом. Применительно к этой стороне биографии критика чаще всего ставит вопрос о мере историзма Во, который, по словам Д. Галлахера¹³⁷, ради усиления духа Беллока и

¹³⁷ Gallaher Donat. Op. cit. P. 81-82.

ультрамонтанства¹³⁸ часто отступает от буквы имевшихся в его распоряжении документов¹³⁹, с помощью домысленных деталей драматизирует и заостряет исторические свидетельства. Вошедший в этой тематике в привычное для его таланта русло, автор создает яркий, карикатурный портрет английского общества, лишенного духовной опоры, королевского двора, насквозь пропитанного лицемерием, а также католической церкви, раздробленной в результате гонений, но оттого получившей второе дыхание.

Гонения, сами по себе являющиеся в глазах Во абсолютным злом, заново обращают к католичеству некоторых из англичан, последовавших было за реформаторами. Прежде инертные, при наступлении гонений верующие осознали свою причастность к церкви, более того, начали выказывать непоколебимую верность ей: «Catholics no longer chose their chaplain for his speed in saying Mass, or kept Boccaccio bound in the covers of their missals. Driven back to the life of the catacombs, the Church was recovering their temper» (144). Верность католиков автор превозносит как верность традициям родины; объекты травли со стороны государственной машины, они занимают морально безупречную позицию: «guilty of no crime except adherence to the traditional faith of their country» (120). Используя доводы разума и богословия, они стремятся отстоять истинность своего вероучения; необходимость защищаться привносит новую энергию в старую веру: «Now the old faith was being restated in new and persuasive terms, applicable to a generation who had grown up without the heritage of instinctive respect for tradition, terms of reason and research. It would have been easy to show lenience to a moribund superstition, the sentimental regrets of an old generation that was rapidly dying out; here was something unexpectedly vigorous and up to date, which must either suffer decisive and immediate defeat, or conquer» (32).

¹³⁸ Обозначение течений, существовавших в разные периоды истории католической церкви, для которых общим было неприятие вмешательства государства в дела церкви и соответственно отстаивание догмата о непогрешимости папы.

¹³⁹ Библиографический список в приложении к биографии из 38 названий и примечания в первом издании (убранные из последующих изданий) свидетельствуют, что Во, помимо опоры на основной источник – биографию Р. Симпсона, внимательно изучил коллекцию исторических документов эпохи, предоставленных ему историографом английского отделения ордена иезуитов отцом Лео Хиксом. См.: Gallaher Donat. Ibid. P. 84.

Кэмпион и его спутник, иезуит Персонс, по прибытии в Англию сталкиваются с плачевным состоянием сообщества католиков: они раскиданы по множеству домов, в которых переодетые миссионеры, притворяющиеся слугами, тайно читают мессу, крестят и отпевают. Во подчеркивает то уникальное место, которое занимает священник в жизни верующего католика. Для католика потеря священника приравнивается к потере Бога, потому что лишь через него, наместника Бога, специально избранного для этой цели, осуществляется связь между простыми людьми и их Творцом, без помощи священнослужителей недостижимом. Оттого труд миссионеров воспринимается как буквальное возвращение Бога, который был отнят у людей, а деятельность Елизаветы – как настоящее преступление против ее народа: «The Queen's Government had taken away from them the priest that their fathers had known; the simple, unambitious figure who had pottered about the parish, lived among his flock, christened them and married them and buried them [...]; who had seemed a generation back, something inalienable from the soil of England, as much a part of their lives as the succession of the seasons – he had been stolen from them, and in his place the Holy Father was sending them, in their dark hour, men of new light, equipped in every Continental art, armed against every frailty, bringing a new kind of intellect, new knowledge, new holiness» (139).

Деятельность протестантских реформаторов, лицемеров и невежд, автор изображает через впечатления героя во время его путешествия по Англии. Он видит разрушенные статуи, костры из книг, закрытые монастыри и оскверненные церкви. Все это – «шрамы тюдоровской революции»: «The scars of the Tudor revolution were still fresh and livid; the great houses of the new ruling class were building, and in sharp contrast to their magnificence stood the empty homesteads of the yeomen; [...] the village churches were empty shells, their altars torn out and their ornaments defaced» (141).

Во обращается к теме, начиная с Бл. Августина ставившейся многими католическими публицистами – к теме извечного конфликта церкви и государства. Так, один из более близких ему по времени католических

полемистов, Р.Х. Бенсон в истории Фомы Кентерберийского пишет: «Король Генрих II представлял земную власть, которая, подобно Ироду против Христа, Нерону против Петра, Французской республике против папы Пия X, пыталась подчинить себе Царство Божие»¹⁴⁰. Государство в противостоянии с церковью обрекает защитников истинной веры на муки, а соглашатели процветают. Биография наполнена иллюстрациями того, как приверженцы новой религии и, соответственно, новой политики используют свое положение, чтобы дать волю самым отвратительным порокам. Можно сказать, что перед читателем предстает галерея негодяев, нашедших свое место в новой системе, и как антитеза ей – горстка воистину благородных людей, вынужденных скитаться по миру или скрываться в родной стране.

Наиболее полный анализ лицемерных политиканов появляется ближе к концу книги, когда они, в конце концов схватив Кэмпiona после его длительной священнической деятельности на территории Англии, предлагают ему вступить в лоно англиканской церкви. Они уверены, что нашли выход из неприятной ситуации, ведь им на самом деле не хочется казнить Кэмпiona, политически намного выгодней оставить его в живых. Он отказывается отречься от католицизма, что вызывает их негодование. Во открывает сердцевину их порока – никто из них не может помыслить о том, чтобы пожертвовать собой ради принципов, отдать жизнь за веру: «Faith – as something concrete and indestructible, of such transcendent value that, once it was held, all other possessions became a mere encumbrance – was unknown to them; in rare, pensive moments shadows loomed and flickered across their minds, sentiment, conscience, fear of the unknown; some years Leicester patronized the Catholics, at others ‘the Family of Love’; Elizabeth looked now on the crucifix, now on a talisman; Bible and Demonology lay together beside her bed. What correspondence, even in their charity, could they have with Campion?» (181).

¹⁴⁰ Benson R.H. The Holy Blissful Martyr Saint Thomas of Canterbury. – L.: MacDonald and Evans, 1908. P. 72.

Помимо графа Лестера, Берли, Уолсингема и прочих видных елизаветинских вельмож, биография рисует гонителей католиков более низкого пошиба, которых с готовностью приняла к себе на службу королева. Во уделяет им столько же внимания, как добродетелям окружающих Кэмпiona католиков.

Одним из примеров подобных личностей может служить Джордж Элиот, виновный в аресте Кэмпiona, профессиональный доносчик, живущий тем, что втирается в доверие к католикам, а потом предает их короне: «While in their service he professed himself of their Faith. He got into trouble for rape and homicide and left Lady Petre's employment for jail. From there, he wrote several letters to Leicester offering information against his former employers, giving a list of prominent Catholics, and in particular accusing Father Payne, who lived in Roper's house under the title of steward, of a 'horrible treason' by which the priest proposed to levy a certain company of armed men, fall upon and dispatch Leicester, Walshingham and Burghley, use Her Majesty in such sort as neither modesty nor duty would suffer him rehearse and raise a general cry everywhere of 'Queen Mary! Queen Mary!' No anti-Catholic tale was too extravagant or insubstantial to interest the Council» (166).

Корона берет на службу людей, повинных в уголовных преступлениях, и награждает за новые преступления. Элита серьезно относится к слухам и выдумкам против католиков, которые ходят среди народа, поощряет их, не гнушаясь использовать языческие суеверия для формирования образа католика-врага: «There were numerous disturbing portents recorded on the evening of the Jesuits' arrival. In April the great bell of Westminster tolled of itself without human agency. In June there were thunderstorms of exceptional violence. A woman named Alice Perin, at the age of eighty years, gave birth to a prodigy with a head like a helmet, a face like a man, a mouth like a mouse, a human body, eight legs, all different, and a tail half a yard long, while in the same year another monster was reported from Stowe that was both male and female, with mouth and eyes like a lion. In May a pack of hounds was clearly visible hunting in the clouds over Wiltshire while over the border in Somerset three several companies of sixty men each, dressed

in black, marched in procession through the sky. Cecil, Elizabeth and most of the Court took serious notice of auguries and the events caused great anxiety for the Government's security» (113).

Той же цели формирования антикатолического общественного мнения служат богословские диспуты, которые приходится вести измученному пытками Кэмпioniу с представителями англиканской церкви. Цель их одна – публично унижить католического священника. Ни одна из сторон не имеет надежды переубедить друг друга. Вызванные на диспут богословы играют свои роли, наслаждаясь общественным вниманием, но по большому счету все это – фарс: «The farce had to be played out; that was the Council's order; but neither side hoped for any profit at the outcome» (198).

После долгих допросов и религиозных диспутов Кэмпioniон приговорен к смертной казни по обвинению в заговоре против королевы – обычному обвинению для католиков, которые, как считалось, все находились на службе у короля Испании и только и думали о том, как убить королеву. Автор заканчивает биографию описанием казни Кэмпioniона, которую представляет как триумф истины, выстраданной и сохраненной для последующих поколений. Публичная казнь Кэмпioniона на Тайберне, как и все подобные зрелища, вызывает скопление народа, а сразу после нее толпа устремляется на столь же увлекательное представление, характерное для тюдоровской Англии: «two Dutchmen, who were the rage of the moment; the one was seven feet seven inches in height [...]; his companion was a midget who could walk between the giant's legs» (226).

Однако среди толпы зевак автор одного называет по имени. Генри Уолпол, молодой человек с перспективами при дворе, высказывающий некоторое сочувствие католикам, но в целом не возражающий против существующего режима, стоял так близко к месту казни, что пострадал его камзол. Брызги жертвенной крови Кэмпioniона становятся искрами для возгорания духовной искры в молодом человеке. Во кратко пишет о том, как Уолпол со временем повторит подвиг Кэмпioniона: «when Campion's entrails were

torn out by the butcher and thrown into the cauldron of boiling water, a spot of blood splashed upon his coat. In that moment he was caught into a new life; he crossed the sea, became a priest, and, thirteen years later, after very terrible sufferings, died the same death as Campion's on the gallows of York» (227).

Так Во прослеживает преемственность католической веры, выжившей в век гонений благодаря самопожертвованию множества людей, умиравших за истину, подобно первым христианам в Римской империи: «We are the heirs of their conquest, and enjoy, at our ease, the plenty which they died to win» (228).

Таким образом, в биографии «Эдмунд Кэмптон» Ивлин Во высказывает не только свое восхищение подвигом веры католического мученика, но раскрывает перед читателями свой взгляд на развитие английской истории, во время Реформации взявшей неправильный курс, в результате которого Англия оказалась в духовной пустыне, а религия, отойдя от католицизма к англиканству, в итоге выродилась в скептический агностицизм и светский гуманизм XX века. Также впервые Во дает образ положительного главного героя, обладающего мужеством, героизмом, принципиальностью, а главное, святостью, основанной на необъяснимой божественной благодати и повседневных духовных упражнениях. Святость Кэмптона наивысшим образом проявляет себя в готовности принять и исполнить свое предназначение. В данном случае этим предназначением была мученическая смерть. Поэтому в биографии, в отличие от романов, где те же понятия действуют имплицитно, впервые эксплицированы базовые понятия католичества, характерные для индивидуальной веры автора: святость, призвание, благодать и – пока без названия, без формулировки, которая придет позже, но уже вполне художественно выявленное – понятие «власти без благодати». Примененные к истории, политике, религии и жизни отдельного человека, эти понятия задают систему координат для нравственных оценок описываемых в произведении событий. В силу самой их мистической природы, понятия эти едва ли могут быть выражены в слове, и потому художественно сильнейшими страницами

биографии оказываются фрагменты, посвященные негативным последствиям отсутствия этих понятий в жизни большинства людей, иными словами, традиционные для склада таланта Во сатирические портреты и сцены. Кроме того, «Эдмунд Кэмптон» – книга, проливающая свет на самовосприятие Во в середине 1930-х годов, демонстрирующая его собственный энтузиазм по отношению к католицизму, его твердое намерение утвердиться в среде английских католиков, для чего он учитывает традицию католических писателей.

Глава 2. Влияние Второй мировой войны на католические взгляды Во. Роман «Елена»

Католик на войне. «Возвращение в Брайдсхед», «Незабвенная»

К началу Второй мировой войны Во вполне почувствовал себя католиком. Большинство его друзей принадлежало к английской католической аристократии, он был востребован в качестве католического публициста, принимал активное участие в делах католической церкви за пределами Англии. Это был короткий период его внешней гармонии с католической церковью.

Когда в 1939 г. Великобритания вступила во Вторую мировую войну, Во было 36 лет, то есть он не подлежал призыву. Однако он сделал все возможное, чтобы скорее попасть на фронт. Мотивы его были разносторонни. Во-первых, это компенсация общей всем его сверстникам психологической травмы Первой мировой войны, к участию в которой они реально готовились в школе и, не успев попасть на поле боя, испытывали чувство вины перед «старшими братьями» – не только в прямом смысле слова братьями, но и старшими соучениками тех же школ, которые погибли на войне. Во-вторых, в сравнении с фашистской Германии Британия представлялась Во оплотом индивидуализма, правого дела, за которое Во хотел и готов был бороться. Он был готов отстаивать свои взгляды не только на поле литературы и журналистики, но и на поле боя, что представлялось романтической стороне его натуры героическим. Можно предположить, что если ранее ему хотелось встать в один ряд с философами-апологетами католицизма, то участие в войне давало шанс приблизиться к уровню активных защитников веры, таких, как Эдмунд Кэмпион. В-третьих, Во-писатель рассчитывал, что война даст ему новые темы и творческие импульсы, необходимые в его состоянии неопределенности по поводу своего дальнейшего пути. Он записывает в дневник: «Все мое желание состоит в том, чтобы пойти в армию в качестве рядового. [...] Я предполагаю, что впереди у меня еще тридцать лет литературной деятельности. Ничто не будет более губительным для меня как для писателя, чем работа в

государственном учреждении, и ничто не вдохновит меня так, как полная смена образа жизни. Есть символическая разница в том, чтобы сражаться как солдат или служить на гражданской службе, даже если госслужащие сейчас более необходимы»¹⁴¹.

Пирс-Корт был сдан, Лора и дети переехали к ее матери, а Во высокопоставленные друзья помогли зачислиться в морскую пехоту в декабре 1939 г.; в апреле он получил звание капитана. Трижды он принимал непосредственное участие в боях (высадка английских войск в Дакаре в сентябре 1940, служба в Египте весной 1941 г., эвакуация союзнических войск с Крита, она же немецкая операция «Меркурий» в конце мая 1941 г.). В 1943 г. во время курса парашютной подготовки он получил травму, и, лежа в госпитале, начал работу над «Возвращением в Брайдсхед». В июле 1944 г. его приятель, сын премьер-министра Рэндольф Черчилль, взял его с собой в миссию в Югославию для налаживания отношений с партизанами И.Б. Тито. Предполагалось, что Во будет на связи с католиками-хорватами и поможет сгладить рознь между сербскими и хорватскими партизанами. В Хорватии Во пережил авиакатастрофу.

Во быстро разочаровался в военной службе и войне в целом¹⁴². То, что вначале представлялось ему крестовым походом против свастики, оказалось набором политических махинаций, не имевших ничего общего с честью и доблестью; одна за другой рушились попытки Во проявить личный героизм, каким-либо образом повлиять на царивший вокруг него хаос. Чувство вины и разочарование нарастало и оставило неизгладимый след на его личности и творчестве до конца жизни. Д. Пейти так пишет о последствиях войны в жизни Во: «Для него военные годы казались нескончаемым национальным и личным унижением. [...] Война оставила его преждевременно состарившимся и переполненным горечью. После демобилизации он проживет еще двадцать лет и напишет, может быть, лучшие свои произведения, но в самых важных

¹⁴¹ The Diaries of Evelyn Waugh. P. 460.

¹⁴² Подробный анализ военного опыта Во см.: Sykes. Pp. 203-281; Stannard. Pp. 100-146; Hastings. Pp. 383-481; Patey. Pp. 181-221.

вопросах эмоциональное и интеллектуальное развитие Во, как и у многих, кто пережил великую драму, остановилось в 1945 г. Война была горнилом, в котором закалился его зрелый пессимизм. За несколькими исключениями его творчество, начиная с романа «Не жалейте флагов», было ретроспективным, исследующим истоки сегодняшнего дня, от которого автор, со всеми его разочарованиями, оказался глубоко отчужден»¹⁴³.

Решающим переживанием за все время войны был эпизод на Крите, позже описанный в романе «Офицеры и джентльмены» («Officers and Gentlemen», 1955). Речь идет об эвакуации британских войск с острова Крит, на который высадился немецкий десант. Батальон, в котором служил Во, был отправлен из Александрии на Крит, как они думали, в качестве подкрепления, но по прибытии выяснилось, что они опоздали. Немецкие самолеты уже несколько дней бомбили рассеянных по острову британских, австралийских и новозеландских солдат, среди которых царил паника; кораблей для эвакуации не было. Через несколько страшных дней, проведенных на Крите, командир Во капитан Боб Ликок, игнорируя приказ оставаться на острове, провел своих людей сквозь толпу безоружных, растерянных солдат на берегу, и на небольшой моторной лодке они вернулись в Александрию. Там Во заявил Кристоферу Сайксу, что причину произошедшего видит в трусости солдат, в предательстве командиров, что он принимал участие в «военном позоре, о чем будет со стыдом вспоминать до конца жизни»¹⁴⁴. Надо сказать, что в эти дни Во проявил исключительное личное мужество, сохраняя спокойствие под бомбежками, которые находил «чрезмерными, как все немецкое»¹⁴⁵.

Следующее разочарование было связано с его назначением в 1944 г. на должность связного офицера между британской армией и югославским сопротивлением в Хорватии. Страна была оккупирована Италией и Германией,

¹⁴³ Patey. Op. cit. Pp. 183-184.

¹⁴⁴ Цит. по: Burdett Paul S. Evelyn Waugh: The Novelist's War Service // World War II Magazine. 12 June 2006. [электронный ресурс]: <http://www.historynet.com/evelyn-waugh-the-novelists-world-war-ii-service.htm> (дата доступа: 10.03.2014).

¹⁴⁵ Ibid.

сопротивление было разделено на движение хорватских четников под предводительством Михайловича и сербских партизан во главе с коммунистом генералом И.Б. Тито, которого Во яростно презирал. Британия, колеблющаяся между двумя группировками, воюющими не только против немцев, но и друг с другом, в итоге стала поддерживать православного коммуниста Тито, вступившего в союз с Россией, что стало для Во ударом. Масштабы антикатолических акций на этом фронте были несравнимы с гонениями в Мексике, тем не менее, по счету Ватикана сербские партизаны были виновны в убийстве двадцати семи католических священников и уничтожении семидесяти храмов. Искренне возмущенный Во немедленно взял интервью у нескольких священников и побывал на аудиенции у папы Римского. Представленный им правительству в марте 1945 г. отчет о гонениях на католиков в Хорватии предсказывал, что если к власти придет генерал Тито, то католическая церковь в Хорватии окажется в серьезной опасности и «заключал, что Британия поддерживает подавление свободы вероисповедания в регионе, где проживают пять миллионов католиков»¹⁴⁶. Однако Британия поддерживала Тито, успех в войне был важнее религиозных соображений; отчет Во был проигнорирован и засекречен. Во писал возмущенные письма в «Таймс», прочитал ряд обличающих режим Тито лекций в университетах Оксфорда, Кембриджа и Лондона, но вынужден был смириться с политическим решением.

Осознание того, что Британия, которая в начале войны сражалась за правое дело, вступила в союз с ненавистными ему коммунистами и тем самым косвенно участвовала в уничтожении католической веры, надолго избавило Во от всякого желания участвовать в политике и разрушило его веру в правоту своей страны, в возможность какой-либо справедливости в мире в целом.

Однако в плане творчества военные годы стали очень продуктивными. Непосредственно после трагедии на Крите Во начинает работу над новым романом, который должен был обезопасить его от финансового кризиса, которого он всегда боялся. Роман «Не жалейте флагов» («Put Out More Flags»),

¹⁴⁶ Brennan. P.79.

1942) моментально становится бестселлером. Хотя центральной идеей романа является готовность разношерстных людей объединиться для борьбы с общим врагом и защиты родины, лейтмотивом звучит вопрос: «За что мы сражаемся?». По замечанию Д. Пейти, «никакая другая фраза не мелькает так часто в книгах, выступлениях и фильмах военных лет, а также в дневниках и романах Во, как вопрос «За что мы сражаемся?»¹⁴⁷.

Вначале ему представлялось, что за ценности свободы и индивидуализма против фашизма, но заключение союза Британии с СССР привело к последствиям, которые он не мог принять прежде всего как католик. Британия обрекла часть Европы на внедрение коммунистического режима, искореняющего христианство – процесс, который он лично наблюдал в Югославии. Война перестала иметь для Во смысл, потому что Англия в его глазах вступила в союз с одним врагом для борьбы против другого. Во же был верен «старой простой вере христианства в то, что разница в материальном состоянии и знаниях не может повлиять на реальность и окончательную ценность отдельной личности»¹⁴⁸.

30 декабря 1943 г. Во написал в дневнике: «Сегодня, в понедельник, я приехал в Чегфорд с намерением начать новый многообещающий роман завтра утром»¹⁴⁹. Речь идет о первом эксплицитно католическом романе, который принес Во мировую известность и до сих пор считается ключевым произведением его творчества, о «Возвращении в Брайдсхед» («Brideshead Revisited», 1945). С самого начала работы Во не покидало ощущение того, что он пишет шедевр.

В октябре 1943 г. Во присутствовал при кончине старого друга, Хью Даггана, который, лежа без сознания на смертном одре, принял отпущение грехов от католического священника и тем самым, как считал Во, отрекся от атеизма. Именно из этого события развился сюжет «Возвращения в Брайдсхед»,

¹⁴⁷ Patey. Op. cit. P. 198.

¹⁴⁸ The Essays, Articles and Reviews of Evelyn Waugh. P. 273.

¹⁴⁹ The Diaries of Evelyn Waugh. P. 585.

о чем Во намного позже пишет Рональду Ноксу: «Все дело было в смертном одре. Я присутствовал при точно такой же сцене. Это было глубоко трогательно, и я написал об этом книгу»¹⁵⁰. Таким образом, первой возникла кульминационная сцена романа – сцена смерти лорда Марчмейна.

В конце января 1944 г. он пишет заявление об отпуске с целью написания романа, что займет, по его словам, около трех месяцев. Получив отпуск, он полностью погружается в ностальгический мир Брайдсхеда, ставший отдушиной посреди войны: «Весь мой интерес сосредоточен на романе»¹⁵¹. Объяснить такой энтузиазм можно целым рядом причин. Как заметил сам Во в предисловии ко второму изданию 1959 г., на стиль романа во многом повлияло время написания – «мрачный период лишений в настоящем и грядущих горестей»¹⁵². И потому написание «Брайдсхеда» стало для Во в некотором роде попыткой вернуться в счастливые дни юности, стеной дорогих воспоминаний заслониться от серости военной действительности, и потому настолько избыточен его стиль, о чем Во впоследствии жалел и во втором издании даже внес исправления, убрав слишком вычурные описания.

Явный переворот в авторском стиле, уход от едкой сатиры к лирическому повествованию от первого лица, стал результатом поиска нового направления творчества, в котором Во пребывал уже несколько лет. Сам Во благодарит Бога, что писательский кризис остался позади: «В 40 лет английские писатели либо принимают пророчествовать, либо обретают стиль. Слава Богу, я начинаю обретать стиль»¹⁵³. Авторское чутье подсказывало Во, что «Возвращение в Брайдсхед» – это не только необычный для него роман, но новая творческая веха: «я думаю, что это скорее мой первый роман, а не последний»¹⁵⁴; в письме к жене он называет его «своим первым значительным романом»¹⁵⁵.

¹⁵⁰ The Letters of Evelyn Waugh. P. 237.

¹⁵¹ The Diaries of Evelyn Waugh. P. 587.

¹⁵² Цит. по: Sykes. P. 258.

¹⁵³ The Diaries of Evelyn Waugh. P. 588.

¹⁵⁴ Ibid. P. 594.

¹⁵⁵ The Letters of Evelyn Waugh. P. 223.

Несмотря на уверенность в качестве текста, Во вовсе не рассчитывал на успех среди читателей: «У него будет ограниченная аудитория. Из американцев его поймут едва ли шестеро»¹⁵⁶. И хотя роман моментально стал бестселлером и был распродан за одни сутки, а в июне 1945 г. был выбран Американским клубом книги месяца (а также книжным обществом в Англии), можно сказать, что была доля истины в предсказании Во о том, что это неоднозначное произведение останется непонятым. В сущности, Во был недоволен популярностью «Брайдсхеда», особенно в Америке, потому что считал, что успехом у американской публики в принципе пользуются второсортные произведения.

Как заметил К. Сайкс, «Ивлин сделал то, что, казалось, навсегда вышло из моды в Англии; он сделал религию фокусом повествования о современной жизни, и подошел к своей теме с глубоким уважением и благоговением»¹⁵⁷. Но как раз тема религии многими была полностью проигнорирована или воспринята искаженно, и для большинства читателей «Возвращение в Брайдсхед» остается историей несчастной любви. Как предсказывал сам Во: «Роман целиком замешан на теологии, но я начинаю думать, что теологи этого не увидят»¹⁵⁸. Религиозную глубину романа не почувствовали не только богословы, но и простые читатели, не уловившие за описанием жизни аристократической семьи апологетику католической веры.

Сам Во на обложке первого издания «Возвращения в Брайдсхед» определил главную тему романа следующим образом: «Это не более и не менее чем попытка проследить работу божественного провидения в языческом мире, в судьбах семьи английских католиков, которые сами наполовину язычники в мире 1923-39 годов»¹⁵⁹. В 1959 г. Во дает следующее определение темы: «действие божественной благодати на примере группы разнообразных, но

¹⁵⁶ Ibid. P. 203.

¹⁵⁷ Sykes. P. 249.

¹⁵⁸ The Letters of Evelyn Waugh. P. 211.

¹⁵⁹ Цит. по: Patey. P. 224.

тесно связанных между собой персонажей»¹⁶⁰. Однако сюжетно религия представляется тайной, втягивающей в свой заколдованный круг вслед за главным героем, скептически настроенным агностиком Чарльзом Райдером, и читателя.

Несмотря на то, что, в отличие от «Кэмпиона», в романе нет открытого провозглашения истинности и необходимости католицизма, роман сегодня признан лучшим произведением английской литературы на тему обретения веры. Жизнь членов католической семьи, бунтующих против своей веры (Себастьян, Джулия, лорд Марчмейн), представляется мучительным бегством от истины, которая на самом деле держит их на поводке и не отпускает слишком далеко, через боль и падения заставляя в итоге вернуться к вере. И как в «Кэмпионе», чья смерть становится толчком для передачи католицизма следующему поколению, мучения и падения семьи Флайт в итоге приводят к возрождению их веры в душе неверующего Райдера. Именно его путь к вере становится сюжетообразующим в романе. Во прослеживает развитие сердечных привязанностей главного героя от юношеской дружбы с Себастьяном к зрелой влюбленности в Джулию, которая в итоге приводит к его любви к Богу, что является конечной целью и смыслом всех остальных отношений.

Приход Райдера к вере, кажется, случается в одночасье и внешне представляется эмоциональным сдвигом, моментальным переворотом мировоззрения. Однако на самом деле весь роман, по сути, является постепенным восхождением к этой ключевой точке; процесс религиозного обращения в романе прослежен, например, в статьях Лоры Мунихэм¹⁶¹ или Ладиславы Иванковой¹⁶². И снова мы видим проявление убежденности Во в том, что любое духовное изменение в человеке – это действие божественной

¹⁶⁰ Sykes. P. 258.

¹⁶¹ Mooneyham L. The Triple Conversion of *Brideshead Revisited* // Journal of Renascence. –1993, Vol. 45 (4). – P. 225-237.

¹⁶² Ivancova L. Cultural and Moral Heritage of Catholicism in *Brideshead Revisited* // European Scientific Journal. 2014. – Vol.10, №.11. – P. 27-37.

благодати, не нуждающееся в объяснении и анализе и даже чуждое ему. Как формулирует Д. Пейти, «писатель, который хочет проследить работу благодати, должен создать художественный мир, в котором два разных вида причинной связи, практическая и скрытая, истинная, действуют одновременно; психология и теология (знают о том герои или нет) должны сотрудничать»¹⁶³.

Но история Чарльза Райдера – это не только путь обретения веры, но и своего предназначения, что, по мнению Во, неразрывно связано с религией и не может существовать без нее. Вступая в отношения с Богом, человек не только обретает систему нравственных координат, но и план жизни, который является частью спасения души. Это откровение придает смысл всем событиям, предшествовавшим покаянию. Иными словами, обретая Бога, человек одновременно обретает самого себя и находит конкретный, воплощенный в определенном занятии смысл своего существования. В случае с Чарльзом Райдером «обретение себя» является одновременно новой ступенью развития его творчества, новым этапом осознания своего таланта художника. Развитие отношений с Богом происходит параллельно с развитием его творчества.

Тема предназначения, звучащая в «Брайдсхеде», станет одной из основополагающих для дальнейшего творчества Во и найдет наиболее полное воплощение в следующем романе «Елена».

«Возвращение в Брайдсхед» вместе с популярностью обрело множество интерпретаций, далеких от авторского замысла. Самым распространенным искажением такого рода стало обвинение Во в снобизме, в неподдельном восхищении жизнью аристократии и в изображении католицизма как религии высших слоев общества (что, конечно же, было далеко от истины в английском обществе XX в.). Эти обвинения принадлежали таким влиятельным критикам, как американец Эдмунд Уилсон¹⁶⁴ и католик Конор Круз О'Брайен¹⁶⁵,

¹⁶³ Patey. P. 233.

¹⁶⁴ В журнале «Нью-Йоркер» в январе 1946 г. Уилсон писал: «Снобизм Во, до этого сдерживаемый его сатирической точкой зрения, здесь вырывается наружу, бесстыдный и безудержный. Его восхищение качествами старинных британских семей, показанных в контрасте с современными выскочками, было ценным в ранних романах, где стандарты морали и вкуса отходят на второй план и лишь подразумеваются. Но здесь выскочки грубо

печатавшийся в качестве литературного критика под псевдонимом Донат О'Доннелл.

Распространенным также стало мнение о том, что Во напрасно отошел от стиля своих сатирических романов и попытался написать «серьезное произведение о реальных людях». Рьяным проповедником такой точки зрения стала романистка и авторитетный критик Роуз Маколей¹⁶⁶. С этого момента устанавливается столь живучая критическая традиция делить творчество писателя на два периода, довоенное и послевоенное, или «до «Брайдсхеда»» и «после «Брайдсхеда»», и отдавать предпочтение довоенным сатирам.

Критика произведений Во всегда, чем дальше, тем больше, перетекала в нападки на его личность и взгляды. В ответ на атаку на его лучший роман Во написал статью «Фанфара» («Fan-Fare»), опубликованную в американском журнале «Лайф» в 1946 г., в которой пишет: «Я уже избавился от одного из американских критиков, мистера Эдмунда Уилсона, который некогда проявлял ко мне живой интерес. Он пришел в бешенство (вполне справедливо, по его стандартам), когда обнаружил, что в моей истории присутствует Бог. Я верю, что исключить Бога можно лишь при условии, что персонажи станут абсолютными абстракциями. Множество достойных восхищения авторов, некоторые из лучших в мире, преуспели в этом. Они пытаются представить целостность разума и души человека, но при этом упускают самую суть – то, что человек создан Богом с определенной целью»¹⁶⁷. Последняя фраза выражает суть концепции личности в творчестве Во.

Самым известным высказыванием Во о США стала повесть «Незабвенная» («The Loved One», 1948). Когда зимой 1947 г. из Голливуда

переигрывают, а аристократы становятся ужасно низкопробными, а его культ дворянства становится столь восторженным и торжественным, что в итоге кажется единственной религией во всей книге». Evelyn Waugh: *The Critical Heritage*. P. 246.

¹⁶⁵ В католическом издании «Белл» О'Брайен опубликовал статью «Набожность Ивлина Во», где он утверждает, что поклонение аристократии заменило для Во католицизм: «почти мистическое почитание высших классов» стало «личной религией, на которую он наложил католицизм». *Ibid.* P. 255-263.

¹⁶⁶ Macauley Rose. *The Best and the Worst: II – Evelyn Waugh // Horizon*. – Dec. 1946, № 14.84. – Pp. 360-376.

¹⁶⁷ *The Essays, Articles and Reviews of Evelyn Waugh*. P. 302.

пришло предложение экранизировать «Возвращение в Брайдсхед», Во с Лорой отправились на переговоры. Сразу стало ясно, что из романа об обращении в католицизм намереваются сделать банальную мелодраму со счастливым концом. После беседы со сценаристом Во пишет в дневнике: «Он в Голливуде уже много лет и для него «Брайдсхед» – это лишь любовная история. Никто из них не замечает религиозной составляющей, хотя МакГиннес утверждает, что “религиозный подход расположит к вам американскую публику”»¹⁶⁸. На планы экранизации оказал также влияние действовавший в Голливуде с 1930 по 1967 г. «кодекс Хейса», определявший этические нормы в кинопроизводстве США. «Брайдсхед» очевидно не подходил сразу по нескольким параметрам: Во был согласен убрать любые намеки на гомосексуализм, но подогнать историю Чарльза и Джулии под запрет на показ внебрачных связей значило бы обесмыслить роман. Во на это не пошел, и контракт так и не был подписан.

И все же поездка в Америку оказалась плодотворной. Воображение Во, изначально настроенное на восприятие абсурдного более, нежели на что-то другое, было совершенно пленено местом, которое во многом воплощало по сути антихристианскую американскую идею «рая на земле», – кладбищем «Форест Лон» (Forest Lawn) в Калифорнии¹⁶⁹.

Уже в феврале 1948 г. повесть «Незабвенная» («The Loved One») была опубликована в журнале «Хорайзн» («Horizon»), заняв весь номер целиком. Во был несколько обеспокоен тем, как новое произведение воспримут читатели, особенно американцы, которых могла оскорбить едкая сатира на американское общество: «Встает вопрос, должна ли «Незабвенная» выходить в США вообще. Многих она шокирует и, как мне кажется, она не вполне соответствует моему заявлению в статье в «Лайф» о том, что в будущем я буду писать только религиозные книги»¹⁷⁰.

¹⁶⁸ The Diaries of Evelyn Waugh. P. 708.

¹⁶⁹ Из письма Во к его литературному агенту Питерсу: «Кладбище Форест Лон полностью покорило меня, и я собираюсь написать о нем длинный рассказ. [...] Это абсолютно уникальное место, это единственное в Калифорнии, что не является копией. Это замечательное литературное сырье». The Letters of Evelyn Waugh. Pp. 283-284.

¹⁷⁰ Ibid. P.292.

Но и в этой сатирической повести прослеживается христианская идея, поданная, как и раньше, через критику безбожного мировоззрения. На этот раз Во стремился показать, что жизнь, не ограниченная смертью, лишена всякого смысла. В статье «Смерть в Голливуде» («Death in Hollywood»), написанной в 1947 г. для журнала «Лайф», он подробно пишет о том, как практика Форест Лон явно противоречит христианству: «Доктор Итон – это первый человек, который предлагает вечное спасение по эксклюзивной цене как часть похоронных услуг. Такой подход очень далек от традиционной картины взрослой души, предстоящей перед судилищем, и тела, подвергающегося тлению. [...] В те реалистические времена ад ожидал негодяев, чистилище – всех, кроме святых, а рай, когда его все же удавалось достичь, оказывался местом совершенного знания. В Форест Лон, как утверждает его создатель, эти старые ценности перевернуты с ног на голову. Тело не тлеет, оно продолжает жить после смерти в еще большей роскоши, чем прежде, в нерушимом первоклассном контейнере из стали и бетона. Душа же отправляется из комнаты отдыха напрямую в рай, где наслаждается вечным младенчеством»¹⁷¹.

Не только кладбище, предлагающее искусственный рай без упоминания о Боге, но и сам стиль жизни американского общества является заменой тяжелого, но истинного, на легкое, но искусственное. Так же, как и смерть из момента предстояния пред Богом превращается в закупоренное блаженство, так в повести в Америке из фруктов убираются косточки, реальные пчелы заменяются на механическое жужжание, а киноиндустрия представляет собой машину по производству «искусственных» людей, созданных не Богом, но чьим-то воображением, движимым жаждой наживы. Личность изменяется бесчисленное количество раз в угоду моде так, что под конец становится совершенно неясно, кем был человек изначально и был ли он когда-то вообще.

Впрочем, необходимо отметить, что отношение Во к Америке никогда не было исключительно негативным, более того, во время его второго и третьего посещения он все больше укоренялся в мнении о том, что именно в Америке

¹⁷¹ The Essays, Articles and Reviews of Evelyn Waugh. P. 335-337.

лежит будущее католической церкви. Во время своих последующих поездок он собирал информацию для одной из самых крупных своих статей «Американская эпоха католической церкви» («The American Epoch in the Catholic Church», 1949). Со временем Америка стала для Во оплотом индивидуализма, которого он жаждал всей душой, но не мог найти у себя на родине. Вместе с тем, именно американское общество и особенно американская католическая церковь были в его представлении «современным Римом», объединявшим людей различных национальностей и классов в одно целое. После очередного посещения Америки Во пишет о единении христиан, свидетелем которого он был в Новом Орлеане: «Отель «Рузвельт» переполнен не опохмелившимися туристами, планирующими свое возвращение домой. Кто из них знает что-нибудь о Великом посте? Но в иезуитской церкви напротив весь день кипит жизнь. Плотная толпа людей всех цветов кожи и любого материального достатка постоянно двигалась по направлению к алтарю и возвращалась обратно с мазком пепла на лбу. И та же сама мрачная истина повторялась над каждым кающимся грешником: «Прах ты есть и в прах возвратишься». Общество засыхает от недостатка подобной прямоты в пустыне современных эвфемизмов, где увечных и хромых называют инвалидами, голодных – непривилегированными, а сумасшедших – эмоционально-неуравновешенными. Здесь же вещи назывались своими именами и спокойно принимались. И весь день повсюду в этом легкомысленном городе можно было заметить серую отметину на лбу, которая выделяла нас, членов великого братства»¹⁷².

Эта же мысль о единстве совершенно разных людей, объединенных общей верой, но тем не менее остающихся индивидуальностями, переходит в следующий роман Во. «Елена» (1950) стала результатом долгих лет размышлений и планирования, той самой «религиозной» книгой, которая воплотила в себе основные идеи христианского мировоззрения Во.

¹⁷² The Essays, Articles and Reviews of Evelyn Waugh. P. 382.

Идея божественного предназначения и роман «Елена»

В центре прокатолической прозы Во стоит исторический роман «Елена», самый любимый и дорогой для него самого. Это единственное произведение, которое он читал вслух своим детям. Между «Кэмпионом» и «Еленой» пролегают 15 чрезвычайно наполненных лет, на протяжении которых позиции Во-католика все больше смещались в сторону консерватизма под влиянием разочарования в реальных результатах его деятельности на фронтах Второй мировой войны и на церковно-религиозной арене. В этом шедевре Во его писательское мастерство достигает вершины зрелости, его философия – наиболее полного выражения, однако исследователи чаще всего «забывают» о «Елене» при перечислении лучших произведений Во. Происходит это потому, что по целому ряду параметров роман существенно отличается от привычной формулы романов писателя, выпадая из так называемой «манеры Во».

Эти отклонения заключаются в следующем. Во-первых, это единственное полномасштабное произведение Во с центральной героиней-женщиной. На основании сатирических романов тридцатых годов у писателя сложилась скорее репутация женоненавистника – героини-разрушительницы, бездушные воплощения зла (Марго Метроленд, Агата Рансибл, Бренда Ласт и т.д.), используют женские чары, чтобы губить своих мужчин. Только Люси, героиня «Прерванной работы», становится первой в творчестве писателя попыткой создания психологического женского портрета, и Джулия из «Возвращения в Брайдсхед» демонстрирует возможности Во на этом пути. У героини «Елены» не самая счастливая, но полноценная женская судьба, полностью выдуманная автором и показанная со всем сочувствием. В героине подчеркивается, впрочем, неловкость, которую она испытывает в дамском обществе, тяготение к автономной жизни, рациональность, которую принято ассоциировать с мужским началом. Роман на протяжении практически всего повествования сосредоточен на частной жизни Елены, но в силу того, что она – жена и мать

императоров, он втягивает в свою орбиту историко-политическую и социальную проблематику.

Во-вторых, ни одно другое произведение Во не строится на описании чуда. Главное свершение Елены – отыскание ею на Голгофе креста, на котором был распят Иисус – событие легендарное, и когда повествование доходит до этого момента, оно само облекается в форму легенды. Автор использует сновидения и видения, вплетает в повседневность фантастику, избегая при этом гротеска. В плане использования фантастики «Елена» также уникальный текст в творческом наследии Во.

В-третьих, Елена интересна автору как святая, и в этой связи открывается возможность открыто поставить комплекс вопросов, которые непредставимы в комических романах Во: что есть святость, что такое божественное призвание, в чем заключается героизм. Сатирические романы по определению не могут серьезно трактовать эти вопросы, вот почему «Елену» мы рассматриваем как наиболее полное проявление католицизма Во. По сравнению с биографиями Кэмпiona и Нокса, сама синтетическая жанровая природа романа обещает наиболее стереоскопичное, гибкое раскрытие этих центральных для мировоззрения Во проблем.

Творческая история и рецепция романа

Идея написать историю о жизни Святой Елены, нашедшей истинный крест Распятия, пришла Во в 1935 г. во время его поездки по Палестине. Первые упоминания о начале работы над романом находим в дневниках Во в мае 1945 г. После того, как ему было отказано в возможности повторного дипломатического визита в Югославию, Во пишет: «Я рад, что сделал все, от меня зависящее, чтобы вернуться, и рад, что не возвращаюсь. Я берусь за работу над Св. Еленой. Приятно заканчивать войну в штатском, за письменным столом. Помнится, в начале войны я писал Фрэнку Пэкенхэму, что ее значение для нас будет в том, чтобы доказать нам, что в сущности мы не люди действия. Благодарю Бога за то, что я все еще могу писать и работаю над темой, столь же

«несовременной», как я сам»¹⁷³. Дневник за март 1948 г.: «Мое принятое во время поста решение начать работать над «Еленой» так ни к чему и не привело»¹⁷⁴. Многие отвлекало его в эти годы и не позволяло сосредоточиться на работе: поездки в Америку, написание «Незабвенной» и ряда статей, активная светская жизнь и множество гостей в Пирс Кортэ. Роман был закончен в марте 1950 г.

Впервые в писательской карьере Во мы находим такой временной разрыв между появлением замысла и воплощением; впервые у него уходит целых пять лет на создание текста романа. Решение написать столь «несовременное» произведение было в некоторой степени вызовом обществу. Осознание себя как «ходячего анахронизма» как нельзя лучше нашло свое выражение в обращении к жизни Св. Елены. Мать императора Константина, сделавшего христианство официальной религией Рима, женщина, отыскавшая в Иерусалиме Крест Распятия и за это канонизированная церковью – больше о ней ничего достоверно не известно. В литературе Елена фигурирует в средневековой поэме¹⁷⁵, в романе американца Луиса де Воля «Живое дерево» («Living Wood», 1947), в пьесе католички Дороти Сейерс «Император Константин» («The Emperor Constantine: A Chronicle», 1951)¹⁷⁶. Роман Во, действие которого разворачивается в Римской империи III-IV вв., можно назвать одним из самых злободневных произведений Во.

Прежде чем углубиться в работу, Во предстояло прочитать много исторической литературы о периоде, который он намеревался воссоздать в романе. В попытке выяснить детали политической, общественной и религиозной жизни Римской империи он обращался к множеству разных источников, в том числе христианских и иудейских, что, естественно, занимало время. В отличие от биографии Кэмпсона, автор не прилагает к роману списка

¹⁷³ The Diaries of Evelyn Waugh. P. 659.

¹⁷⁴ Ibid. P. 733.

¹⁷⁵ См.: Harbus Antonia. Helena of Britain in Medieval Legend. Cambridge: D.S. Brewer, 2002.

¹⁷⁶ Об этих произведениях см.: Mahon John W. Op.cit. P. 74.

исторических источников; соответственно и анализа источников «Елены» критика пока не проводила.

Помимо названных внешних факторов, мы полагаем, что причиной для столь длительной работы было внутреннее напряжение писателя и надежды, которые он возлагал именно на это произведение. Частые упоминания о «Елене» в его письмах свидетельствуют о том, с каким трепетом он относился к восприятию этого романа читателями.

Энтузиазм Во был, как всегда, с оттенком самоиронии, когда он писал Рональду Ноксу в 1945 г.: «Сейчас я пишу совершенно неисторическую жизнь Св. Елены, которую решительно никто не одолеет»¹⁷⁷. Но по-настоящему о воодушевлении Во можно судить по его разговору с К. Сайксом, который так воспроизведен в биографии:

«Зимой 1949-50 гг. мы как-то обедали с Ивлином. Он сказал, что только что закончил книгу, которая отдана в печать.

– Что-то стоящее в ней есть? – спросил я с нашей обычной бесцеремонностью.

– В ней много стоящего, – сказал Ивлин. – Она очень хороша. Не хуже, чем то, что пишет твой приятель из Челси.

– У меня много приятелей в Челси. Который?

– Не калека¹⁷⁸, другой. Том как-его-там.

– Том Элиот.

– Похоже, ты имеешь в виду Т.С. Элиота. Книга не хуже того, что он умеет. В прозе, я имею в виду. Ты близко ничего подобного не написал. Ни Грэм Грин, ни Тони Пауэлл. Это определенно лучшая книга, которую я написал или напишу. Она почти так же хороша, как книги Квеннела¹⁷⁹.

¹⁷⁷ The Letters. P. 237.

¹⁷⁸ Имеется в виду Осберт Ситвелл (1892-1969), только что заболевший паркинсонизмом.

¹⁷⁹ Питер Квеннел (1905-1993) – знакомый Во еще до Оксфорда, биограф, поэт и рецензент, автор отрицательных рецензий на первые публикации Во, после чего их личные отношения испортились. Всю жизнь оба вращались в одних кругах; примеры личной неприязни многочисленны как в переписке Во, так и в мемуарных книгах Квеннела.

Конечно, в значительной мере это был фарс, но не целиком фарс. До конца жизни Ивлин верил, что «Елена» была его лучшей книгой, привлекательно сочетая в себе прочную конструкцию, допустимый вымысел, понимание исторического периода и знание источников»¹⁸⁰.

И друзьям Во писал, что «Елена» является настоящим шедевром – такой эпитет он не применял даже к «Возвращению в Брайдсхед». В 1949 г. Во пишет Нэнси Митфорд: «Слава Богу, я снова дома и работаю над «Еленой», которая станет моим шедевром. Правда, никому она не понравится»¹⁸¹. Как видно, он все больше укреплялся в мысли о своем расхождении с веком «обыкновенного человека» (*common man*): если он был уверен, что из-под его пера выходит шедевр, из этого следовало, что роман не будет понят и по достоинству оценен ни критиками, ни читателями.

Несмотря на браваду в письмах, Во был горько разочарован отзывами о романе. Никто не назвал «Елену» его лучшим творением. Он даже предпринял попытку привлечь внимание к «Елене», попросив К. Сайкса организовать театрализованное чтение отдельных глав романа на радио Би-би-си, что было беспрецедентным случаем для Во.

Сам он писал о восприятии книги среди знакомых так: «Есть шесть человек, которые считают, что это самая красивая книга из всего, ими прочитанного, и я первый из этих шестерых. Все остальные говорят: “А это зачем?”»¹⁸². Критики, в свою очередь, высказывали самые разнообразные суждения о романе, в целом считая его поверхностным и неглубоким. Помимо ставшего уже привычным обвинения в снобизме, высказывалось мнение о том, что «Елена», наряду с «Кэмпионом» и «Брайдсхедом», является лишь неудачным отклонением от сатирической манеры ранних романов Во. В целом, с сожалением можно заключить, что, несмотря на небывалое воодушевление автора и его собственную высокую оценку своего произведения, «Елена» до сего дня остается одним из мало известных и мало читаемых романов писателя.

¹⁸⁰ Sykes. P. 318.

¹⁸¹ The Letters of Evelyn Waugh. P. 357.

¹⁸² Ibid. P. 386.

К. Сайкс, считающий роман неудачным, пишет: «Я думаю, что основная слабость книги заключается в выражении изначально ложной идеи. В отличие от ислама, еще одной земной религии, христианство не зависит от реликвий. Даже во времена духовного упадка их воспринимали как “вспомогательные объекты для поклонения”, не более того. Иерусалим, несомненно, является для христиан священным городом, но даже если он будет полностью разрушен, это не пошатнёт христианство, в отличие от эффекта, который произведет на ислам разрушение Мекки или Каабы»¹⁸³. Сайкс также полагает, что роман написан неровно, в сюжете присутствует неоднозначный персонаж, Вечный Жид, который, по его мнению, вступает в противоречие с основной идеей книги – «буквальной реальности креста»¹⁸⁴.

Мы не можем согласиться с первым биографом Во по этому вопросу. Сильные сомнения вызывает точка зрения, по которой отдельные персонажи или диалоги в романе послужили причиной равнодушного принятия у читателей и критиков. Мы считаем, что идея «Елены» гораздо глубже. Возможно, именно в кажущейся неактуальности, в некотором смысле рекламируемой самим автором, в причудливом жанровом синтезе лежит причина того, что роман остался невостребованным. Тем не менее, были критики, уже при жизни Во оценившие «Елену» высоко и ухватившие замысел автора и идею, лежащую в основе романа.

Единственным критиком, обратившим внимание на роль сверхъестественного не только в «Елене», но в «Возвращении в Брайдсхед» и «Незабвенной», был Фредерик Стопп, который не стал рассматривать религиозность как побочное явление мировоззрения автора в его творчестве, но отвел этому, казалось бы, чисто богословскому вопросу основное место в своем литературном анализе. Готовность принять сверхъестественное как неотъемлемую часть художественного мира «Елены», а также понимание ее жанровой неоднородности позволили Стоппу найти в этом романе невероятное

¹⁸³ Sykes. P. 320.

¹⁸⁴ Ibid.

богатство смысла, а также увидеть его в русле (а не за пределами) всего творчества и мировоззрения Во. «Похожая на легенду в начале и в конце, – пишет он, – историчная в середине повествования, эта книга, одновременно и легенда и роман, с великолепным мастерством воплощает живую и унаследованную историчность, известную как традиция церкви»¹⁸⁵.

Стопп затрагивает здесь тот аспект романа, который отличает его от других произведений Во, – необычное сочетание мифа и реальности, выдумки и фактов, которое и создает особенный художественный мир, совершенно уникальный для творчества Во.

Героиней своего романа Во выбрал святую, о которой практически ничего не известно. Несмотря на тщательную предварительную работу и прочтение множества исторических книг, у Во оставался огромный простор для воображения, который он использовал весьма интересным образом. Начало и финал романа действительно напоминают легенду, а между ними повествование кажется абсолютно историчным. Из всех наличных предположений о месте рождения Елены Во выбирает самую маловероятную и самую близкую для него версию и делает Елену дочерью легендарного британского короля Коля, полумифического персонажа, по имени которого, как считается, назван Колчестер. Образ героини, предприимчивой и практичной, скептической и консервативной, никак не вяжется с представлениями обыденного сознания о святости, что многие ставили Во в укор; речь и поведение ее полны явных и намеренных анахронизмов, что позволило многим критикам заявить: Елена – это все та же английская аристократка XX в., искусственно вживленная в другую эпоху¹⁸⁶.

¹⁸⁵ Stopp F.J. Op. cit. P. 123.

¹⁸⁶ Джон Реймонд сравнивает героиню Во с «достопочтенными» дочерьми аристократов, типичными персонажами Нэнси Митфорд («like Miss Mitford's "Hons"»), и полагает, что спасение Елены представлено как следствие ее высокого происхождения («Waugh's converts get to Heaven the back way, through having the right kind of Nanny»). Raymond John. Review in "New Statesman". –1950. – 21 October. // Evelyn Waugh: The Critical Heritage. P. 321; католик отец Джеральд Мид писал: «это женщина, которую возвели в святые благодаря ее аристократическому происхождению». Цит. по: Stannard. Later Years. P. 297.

Но не только образ Елены, весь роман переполнен намеками на современную для Во политику и культуру, он буквально соткан из анахронизмов¹⁸⁷. И здесь стоит отметить очень важный аспект, необходимый для правильной оценки романа. Если биография Кэмпiona давала один эпизод из истории английского католицизма, то в романе временные рамки несравненно шире – здесь время легенды и христианского мифа сочетается с историческим временем прообраза всех последующих империй, Римской империи, то есть историческая концепция Во приобретает новый масштаб – и смысл. Время в романе сюжетно движется как биологическое время жизни человека, в этом смысле перед нами роман-биография, рассказывающая историю Елены от ранней юности до смерти. Но время как будто не властно ни над политикой, ни над философией, ни над ходом истории: в этих планах бытия одни и те же модели повторяются из века в век, из поколения в поколение. Пророчества, кажущиеся героям выдумкой, на самом деле являются окном в будущее, где ничего, по сути, не изменится. О циклической концепции истории Во в «Елене» подробно пишет Марсель Декост, возводя ее к колесу Луна-парка из первого романа Во «Упадок и разрушение»¹⁸⁸.

Нам же важно подчеркнуть разницу в концепции истории между «Кэмпием» и «Еленой». В биографии время движется линейно; в романе оно организовано значительно сложнее, состоит из разных пластов. Очевидно, что Во как католик отвергает идею прогресса, что ярче всего проявляется в романе в описании механизма смены императоров: они сменяют друг друга, как меняются времена года, однообразно и циклично. И на фоне их побед, поражений, интриг и чудовищных смертей Елена живет свою долгую жизнь, казалось бы, вне времени. Она движется к истине, постепенно преодолевает циклическое (природное, языческое) время и выходит ко времени линейному

¹⁸⁷ Анахронизмы «Елены» вызывают недоумение у многих критиков даже полвека спустя выхода романа. Так, Селина Гастингс считает «Елену» полной неудачей Во: «это вызывающая неловкость aberrация, безвкусная смесь сленга закрытой школы для девочек и эмоционального ханжества». Hasting Selena. Evelyn Waugh: A Biography. P. 538.

¹⁸⁸ Decost Marcel. The World's Anachronism: The Timelessness of the Secular in Evelyn Waugh's Helena // "A Handful of Mischief". P. 160-171.

(христианскому), в котором совершается ее предназначение, единственно важная вещь в жизни человека. Во словно выказывает пренебрежение к мирским заботам: к политике, государственным делам, модным веяниям философии. На фоне их бурлящего, но бессмысленного потока автор рисует жизнь, целенаправленно идущую к совершению божественного замысла, жизнь цельную и, в отличие от эфемерной гонки вокруг, – осязаемо материальную, как тот кусок дерева, который Елена находит в земле. Эта жизнь, рождаясь в ореоле легенды, затем словно обретает реалистическую, повседневную форму, а к концу снова уходит в область мифологического. Во, часто называвший литературу просто мастерством использования слов, и только, в предисловии называет свой роман легендой, не претендуя на историчность, а напротив, открыто заявляя: «The story is just something to be read; in fact a legend»¹⁸⁹ (11).

Уникальное сочетание выдумки, не претендующей на то, чтобы быть реальностью, исторических персонажей и фактов, анахронизмов, открыто вплетенных в текст с тем, чтобы сопоставить атмосферу Рима III-IV веков и век XX, в итоге приводят к необычному ощущению, возникающему при чтении «Елены»: «Читатель едва ли сможет не почувствовать, что хотя история скорее всего вымышленная, что-то похожее действительно происходило, и благодаря этому странному акту воображения мы теперь ближе к реальности, какой бы она ни была»¹⁹⁰.

Таким образом, можно заключить, что «Елена» является для Во не только глубоко личным произведением, буквально пропитанным его религиозным мировоззрением и касающимся практически всех злободневных тем, но и определенным литературным экспериментом, ценность которого не все смогли понять, а потому этот необычный для творчества Во роман остался на периферии интересов читателей и критиков. Размышляя над жанром и особенностями «Елены», М. Стэннард называет роман «важнейшим экспериментом, который нельзя отнести ни к реализму, ни к модернизму,

¹⁸⁹ Здесь и далее цитируется издание: Waugh, Evelyn. *Helena / Evelyn Waugh*. – Penguin Books, 1979. Номера страниц указываются в тексте в круглых скобках.

¹⁹⁰ Sykes C. P. 351.

потому что это постмодернизм, это метафикция»¹⁹¹. Вряд ли Во, провозглашавший своим эстетическим идеалом классицизм, согласился бы с этим определением, однако Стэннард, может быть, несколько модернизируя, верно указывает направление развития метода Во в этом романе. Посмотрим, как религиозная проблематика находит воплощение в художественной ткани наименее исследованного романа Во, как именно раскрываются в «Елене» базовые понятия его индивидуального католицизма.

Предназначение и святость в образе Елены.

Лжерелигии и христианство в романе

Считается, что моделью для образа св. Елены послужила Пенелопа, жена поэта Джона Беджамена, многолетняя подруга и корреспондентка Во, обращенная католичка¹⁹². Но секрет обаяния образа Елены лежит скорее в том, что автор наделяет ее многими собственными чертами, а путь Елены является отражением духовного пути самого Во. С этой точки зрения роман рассматривают Евлалия Гийоме¹⁹³ и Моника Оанча¹⁹⁴, обе идущие от личности автора; мы пойдем от текста.

В начале романа Елена предстает перед читателем совсем юной девушкой, дочерью легендарного британского короля, которая, как в сказке, сидит в башне и мечтает о дальних странах, приключениях и прекрасном принце. Однако подобное начало, полное сказочных клише, тут же разрушается самим автором, который словно разгоняет волшебный туман, окутывающий героиню, перечисляя факты, спускающие читателя на землю и выводящие сказку в область конкретики: «Once, very long ago, before ever the flowers were named which struggled and fluttered below the rain-swept walls, there sat at an upper window a princess and a slave reading a story which even then was old: or, rather, to

¹⁹¹ Stannard Martin. Evelyn Waugh: The Later Years, 1939-1966. P. 275.

¹⁹² Mahon John W. Op. cit. P. 64.

¹⁹³ Guillaumet Eulalia Carceller. Religion and Reconciliation in *Helena* // Waugh Without End: New Trends in Evelyn Waugh Studies. Pp. 211-224.

¹⁹⁴ Oanca Monica. Rediscovering Evelyn Waugh's *Helena*: An Orthodox Approach // Text si Discurs Religios [электронный ресурс] <http://www.cntdr.ro/sites/default/files/c2012/c2012a34.pdf>

be entirely prosaic, on the wet afternoon of the Nones of May in the year (as it was computed later) of our Lord 273, in the city of Colchester, Helena, red-haired, youngest daughter of Coel, paramount Chief of the Trinovantes, gazed into the rain while her tutor read the *Iliad* of Homer in a Latin paraphrase» (13). Обратим внимание на первый анахронизм романа, встречающийся в первом предложении – в скобках при указании даты автор замечает: «как будет посчитано позже», тем самым задавая историческую перспективу повествованию.

Сразу появляется сквозной мотив образа Елены: здравый смысл, эмпиризм, практичность героини. Эти качества она со всей страстью направляет на доказательство легенды, предания, на реализацию мечты. Елена, как кажется, поглощенная тем, что происходит за ее окном, выходящим на морской берег, тем не менее, внимательно слушает Марсия, своего учителя-раба, читающего историю Елены Прекрасной. Древний миф перемежается с увиденным Еленой в окне, смешивается с ее собственными мыслями и направляет их. Она наблюдает за движением тумана над холмами, следит за приездом нового гостя, римского воина, и вдруг задает Марсию неожиданный вопрос: осталось ли что-нибудь от Трои, можно ли найти стены древнего города? Слыша скептический ответ Марсия, она возражает: «Why don't people dig? Some of Troy's bound to be there still, hidden underneath the tourist's town. When I am educated I shall go and find the real Troy – Helen's» (15).

Стремление к истине, к фактам, из которых вырастает легенда, зарождается в сердце Елены уже здесь, в родной Британии. Желание в буквальном смысле докопаться до истины, найти нечто материальное, что подтвердит или опровергнет правоту легенды, со временем угасает в героине, но возрождается снова, когда это стремление обретает новую цель и новый смысл много десятилетий спустя. Однако целеустремленность и практичность, свойственные британской идентичности, о которой в III в., конечно, не могло идти и речи, становятся неотъемлемыми чертами характера Елены.

Мечтая о том, чтобы посетить далекий Рим, центр империи, Елена выходит замуж за римского воина, Констанция, загадочного и печального, который приезжает из далеких краев и забирает принцессу с собой. В разговоре с отцом Елена просит отпустить ее вместе с этим таинственным незнакомцем, явно не вызывающим у короля доверия: «I must go with Constantius, papa, wherever he goes. Besides, he promised to take me to The City» (31). Отец в ответ почти пророчески замечает: «You'll never get there. No one goes there nowadays who can possibly help it – even the Divine Emperors. You'll be stuck all your life in some Balkan barracks, you see» (31).

Елена выходит замуж и отправляется вслед за мужем, который напоминает Рекса Моттрема из «Возвращения в Брайдсхед»: он словно не является в полном мере человеком, но лишь отдельной частью человека, разросшейся до непомерных размеров, и в данном случае этой частью является жажда власти: «His need was simple; not today, not tomorrow, but soon, sometime before he grew too old to make proper use of it, Constantius wanted the World» (24). Констанций Хлор, т.е. буквально «желто-зеленый» – само его имя, сама его внешность свидетельствуют о душе, съеданной непомерной амбицией.

Елена действительно, как и предсказывал ее отец, не попадет в Рим. Констанций оставляет ее на попечении знатных дам в Нише, римском городе в Иллирии, а сам уезжает зарабатывать политический капитал. Елена, гордящаяся своим королевским родом, ведущим происхождение от троянцев, вдруг оказывается в статусе гарнизонной жены, единственное богатство которой состоит в политической и военной карьере мужа. Констанций запрещает ей говорить о своем происхождении. «Chlorus, why don't you tell them who I am?» – спрашивает мужа Елена, встретившая в Нише непривычное отношение к себе как лишь к очередной безродной жене римского воина. «'And who are you?' 'The daughter of Coel.' 'They wouldn't be impressed,' said Constantius. 'You are my wife. That is all they need to know'» (41).

Так Елена, не имеющая возможности заявить о своем происхождении, рассказать о легендах, воспевающих великие деяния ее предков задолго до

прихода римлян, постепенно утрачивает связь со своим народом, она постепенно осознает, что Констанций – совсем чужой для нее человек, а она для него – лишь одна из случайных попутчиц на пути к власти. Местные дамы заботятся о ее внешнем виде, полностью изменяя привычные ей прическу и одеяние, скрывают прежнюю красоту туманной Британии с ее дождями и охотой, и одевают Елену по последней римской моде. Оторванная от родной земли, не достигшая своей мечты, словно застряв где-то между прошлым, которое уже не вернуть, и будущим, которое оказывается недостижимым, она теряет себя; ее прежние надежды не вводят ее в новый мир, но лишь становятся препятствием к тому, чтобы стать его частью.

Когда, наконец, появляется возможность поехать в Рим, Елена узнает, что беременна, и в слезах остается в Нише вынашивать сына. Наслышанная об ужасных расправах, которые настигали практически каждого императора, чаще всего от его же собственных солдат, о кровавых способах достижения власти, полностью противоречащих ее представлениям о благородстве, она надеется, что Констанций никогда не станет императором. Но знатные женщины, знакомые Елены, пророчат ему совсем другое будущее. И не только ему, но и его ребенку. Узнав о том, что Елена беременна, одна из дам замечает: «I hope it's a son. He may turn out to be someone of the Greatest Importance», – что автор комментирует следующим образом: «In all the exorbitant largeness of her new circumstances nothing appalled Helena so much as these predictions» (43). Елена, чуждая жажде власти, замкнута в обществе, где идет схватка за власть и влияние, где главное стремление женщин ее круга – продвинуться по социальной лестнице за счет успехов мужа или сына. Осознавая, сколько опасностей и искушений таит в себе перспектива стать кем-то «of Greatest Importance», Елена боится возможного повышения Констанция, и держится в стороне от обсуждения политических дел.

Опасения Елены подтверждаются, когда Констанций привозит из Рима плохие вести: его лучшие солдаты убиты прямо на улицах города

неизвестными заговорщиками, то ли евреями, то ли христианами, и в Нише объявляется траур.

Рим, для Во раньше являвшийся символом цивилизации посреди варварского мира, здесь предстает языческой столицей. Именно после возвращения из Рима Констанций окончательно удаляется от Елены в свой мир неудавшихся политических амбиций и полной опустошенности: «When he stood beside her as she nursed her baby, when he came to her bed, he was still a stranger. Rome, where all the treasure of the world flowed and was squandered, has despoiled Constantius. What he had ever had of youth was dried up now; whatever of love was all grown cold; that large shadow of him which Helena had glimpsed, pursued, briefly enjoyed, was lost forever. He was a man unschooled in courtesy; no inherited veil of kindness hid his small, cold soul» (54). Маленькая, холодная душа – вот авторский приговор Констанцию накануне его возвышения.

Судьба Елены разворачивается на фоне постоянной политической борьбы. Чуждая ей, она равнодушно наблюдает за тем, как один император сменяет другого, как из разных уголков непомерно разросшейся империи долетают вести о гибели очередного правителя. Еще слушая, как Марсий читает ей «Илиаду», Елена заметила: «it was a good deal more agreeable being an Immortal in Helen's time than it is now. Do you know what has happened to the Immortal Valerian? Papa told me last evening as a great joke. They have him on show in Persia, stuffed» (16). Чучело императора Валериана – символ, раскрывающий истинное лицо римской власти. Мертвый император, набитый соломой – это не только месть персов, это насмешка автора над пустой религией политиков, провозглашающих самих себя богами. Валериан как собирательный образ всех последующих императоров действительно становится после смерти божком, но не Богом; ему не поклоняются, а выставляют на посмешище. Как и в ранних романах Во, перед нами предстает череда ложных религий и людей, обреченных на деградацию под гнетом собственных страстей, а Елена, отстраненно и критически смотрящая на творящееся вокруг нее безумие, все дальше отдалается от мужа, все больше

разочаровывается. В Далмации Констанций заводит любовницу, а Елена постепенно смиряется с разбитыми надеждами и продолжает существование в чужой стране, с чужим по сути человеком, находя радость лишь в воспитании маленького Константина.

Диалог с подругой Кальпурнией рисует возможную линию жизни Елены, если бы она по-настоящему начала довольствоваться тем, что имеет, не ища ничего большего: «'Just at present I've got Constantine; but he'll grow up; then everything will be over; so much sooner than I ever thought.' 'It's twenty years since I left Rome,' said Helena's friend; 'I haven't seen one of my old friends since; I have grandchildren whose names I can't remember. I expect in Rome they all think of me as dead. Yet here I am well and cheerful, busy all day long, doing no one any harm and some people a little good, with the finest garden on the coast and a collection of bronzes. Don't you call that a full life?' 'No, Calpurnia, not really,' said Helena» (59-60). Еще одна модель жизни – спокойное, ни к чему не обязывающее и никого не обременяющее существование ради самого существования, – отвергается ею так же, как и стремление к власти. И душа ее снова в поиске. Следующей проверку проходит чрезвычайно популярная на тот момент религия, пришедшая с Востока и захватившая на время внимание Констанция – культ Митры непобедимого.

Ожидая каких-либо сдвигов в своей застопорившейся карьере, Констанций начинает посещать таинственные собрания в пещере, куда его приводят с завязанными глазами и предлагают пройти различные ступени посвящения. Довольный тем, что вступил в закрытый тайный культ, он останавливается на первой ступени и чувствует себя вполне состоявшимся в духовном плане. Примерно в это же время Константин сообщает матери, что во время рыбалки он натолкнулся на тело утонувшей женщины, на шее которой была завязана веревка, – утопленницей оказалась любовница Констанция. Нигде в дальнейшем не объясняется, что именно произошло, и был ли Констанций замешан в этом, но само соположение событий подталкивает к мысли, что, как и религия власти, культ Митры невозможен без жертв.

В остальном религиозность Констанция проявляется в том, что он отказывается от отдельных продуктов, периодически постится и часто не бывает дома. Елена относится к такой странной перемене спокойно, пока однажды муж не берет с собой Константина. Когда они возвращаются, она просит Констанция рассказать, в чем же суть его веры, и после его рассказа о Митре спрашивает: «‘Where did it happen? You say the bull hid in a cave and then the world was created out of his blood. Well, where was the cave when there was no earth?’ ‘That’s a very childish question’» (66).

Елена не пытается поставить Констанция в тупик, ее действительно интересует фактическое обоснование его религии. Елена, уроженка Британии, со скепсисом относится к любой религиозной системе¹⁹⁵, не проверенной на практике, не исходящей из объективного источника. Ее не устраивает таинственность, которая привлекает других в восточных культах и философиях.

Продолжая разговор с мужем, Елена спрашивает его: «What I want to know is, do you really believe all this? Believe, I mean, that Mithras killed his bull in the same way you believe Uncle Claudius beat the Goths?» (67). Констанций не понимает сути ее вопроса, между тем она попадает в самую точку: Констанций не участвовал в легендарной битве при Нише¹⁹⁶, но истово верил в победу своего дяди-императора над готами, верил и жил этой верой, стремясь достичь таких же военных и политических высот, и именно в этом была его истинная, практическая религия. Культ Митры же для него – лишь игрушка, которой он забавляется в ожидании вестей из Рима, специя, придающая некий пряный привкус его кислому существованию вдали от большой политики. Такой же приправой религия осталась и для многих современников Во.

¹⁹⁵ Дж. Маккартни пишет о «врожденной невосприимчивости» героини к интеллектуалам, занимающимся пустыми спекуляциями, в чем находит параллель с самим Во. McCartney John. Evelyn Waugh and the Modernist Tradition. New Brunswick: Transaction Publishers, 2004. P. xvi.

¹⁹⁶ Историки расходятся в точной дате – то ли в 268, то ли в 269 г. иллирийский император Клавдий, получивший прозвище «Готикус», одержал победу над коалицией готских племен под Нишем,

Елена, не видящая смысла во внешней форме, не наполненной внутренним содержанием, пытается дойти до сути, но ее вопросы остаются без ответа. Утратив мужа, в разлуке с единственным сыном, она, несмотря на все разочарования и жизненный опыт, кажется невинным ребенком среди запутанного и испорченного мира взрослых, где все является не тем, чем кажется на первый взгляд. Именно некая «детскость» ее сознания, пытливость ума, прямолинейность и простота восприятия действительности являются объективом, через который автор показывает мир поздней Римской империи. Все это уже позволяет характеризовать «Елену» как условно-исторический роман, играющий с правилами исторического, семейно-психологического романа, говорящий столько же о Риме, сколько о современности. Поэтому нам кажется спорным мнение Евлалии Гийоме¹⁹⁷, настаивающей на том, что в «Елене» преобладает легенда; нам ближе точка зрения Ф. Стоппа, высказанная в ранней рецензии на роман в «Манс» еще в 1953 г.: «Для мистера Во, любая книга о Св. Елене ... должна изображать интимное слияние исторического и личного в уникальном одномоментном деянии, и столь же интимное созвучие сверхъестественного и реального, которые превращают это деяние в чудо святости»¹⁹⁸.

Прежде чем привести свою героиню к этому чуду, автор проводит ее через знакомство со всеми основными разновидностями язычества для того, чтобы череда этих темных культов ярче оттенила истину христианства. Как же оно представлено в романе?

Во готовит читателя к принятию правоты христианства повествовательно и идейно: поначалу подозрительное и далекое, ассоциирующееся с мятежами и заговорами, с кровавыми событиями в далеком Риме, оно постепенно вырисовывается все более четко, словно выплывающий из тумана корабль.

Первые положительные сведения о христианстве Елена получает от ученого Лактанция, учителя ее внука Криспа. В отличие от вымышленного

¹⁹⁷ Guillamet Eulalia Carceller. Op.cit. Pp. 211-212.

¹⁹⁸ Цит. по: Evelyn Waugh. The Critical Heritage. P. 326.

Марсия, Лактанций – исторически существовавший ритор, «христианский Цицерон», спасающийся в доме Елены от гонений на христиан. В изображении Во это дарование меньшего масштаба, чем тот, который находят в нем филологи и историки¹⁹⁹, но это очень важный в системе образов персонаж. Восхищение искусством слова Лактанция напоминает отношение самого Ивлины Во к языку и письму как к ремеслу: «He delighted in writing, in the joinery and embellishment of his sentences, in the consciousness of high rare virtue when every word had been used in its purest and most precise sense, in the kitten games of syntax and rhetoric» (79). Словно из уст самого Во звучат и размышления христианского мыслителя о предназначении писателя. Когда его укоряют в непоследовательности – считая гонения благом для христиан, сам он держится от опасности подальше, – Лактанций отвечает: «It needs a special quality to be a martyr – just as it needs a special quality to be a writer. Mine is the humbler role, but one must not think it quite valueless. One might combine two proverbs and say: ‘Art is long and will prevail’» (80). Бог избирает людей для определенного занятия, и именно в избранной самим Богом роли они и могут послужить Ему. Не людям выбирать, кем им быть и чем служить, мученичеством ли, писательством ли, или чем-то другим.

В образе Лактанция затрагивается та же, что в центральном образе, тема предназначения. Ушедший от своего века, от общественной активности Лактанций посвящает себя писательскому труду, и написанное им будет формировать мышление и мнение тех, кто будет жить спустя много лет. В образе Лактанция Во в определенном смысле оправдывает свое собственное предназначение и его значение для церкви. Для Во важно было воспринимать свое творчество не просто как дело жизни или профессию, не как самореализацию или средство заработка, но как служение, доверенное ему Богом, иначе в его труде не было бы высшего смысла, лишь временное и преходящее утешение.

¹⁹⁹ From Leroy. *The Prophetic Faith of Our Fathers*. Vol.1. Early Church Exposition. Washington, D.C.: Review and Herald, 1950. P. 354-358; Digeser Elizabeth DePalma. *The Making of a Christian Empire: Lactantius and Rome*. Ithaca: Cornell UP, 2000.

Несмотря на недоверчивое отношение к христианам, Елена все же задает Лактанцию свои привычные вопросы «где, когда, откуда известно?» и неожиданно получает точный ответ: «‘Tell me, Lactantius, this god of yours. If I asked you when and where he could be seen, what would you say?’ ‘I should say that as a man he died two hundred and seventy-eight years ago in the town now called Aelia Capitolina in Palestine.’ ‘Well, that’s a straight answer anyway. How do you know?’ ‘We have the accounts written by witnesses. Besides that there is the living memory of the Church’» (85).

Так повествование отмечает момент зарождения в разуме Елены интереса к религии Лактанция; после чего следует временной скачок через четыре года, в период, когда войска ее сына Константина уже в Италии, и до матери доходят слухи о том, что он обратился в христианство после видения креста и победы у Мульвинского моста. Крест, по мнению Елены, мог быть лишь знаком беды; с чего же ее сын взял, что он являлся знаменем победы и того, что ему необходимо обратиться в христианство? Лактанций, снова ведущий с императрицей беседу о религии, не может ответить прямо на ее вопросы, и Елена с горечью замечает: «You never quite answer my questions but you always leave me with the feeling that somehow the answer was there all the time if we had only taken a little more trouble to find it. [...] Well, I am an old woman, too old to change now» (88).

Однако автор тут же опровергает заявление своей героини: «But in that unique springtime there was no escape from change, not even in Treves, most polite of cities, not even for Helena, most secluded of women» (88). Единственное в своем роде время, когда христианство превращается в массовую религию, автор называет «уникальной весной». Император Константин заигрывает с христианством как с союзником, мощь которого он сам пока не вполне осознал. Христианство входит в моду, как только начинает использоваться в качестве инструмента власти. В «Елене» Во продолжает начатое в «Кэмпционе» исследование взаимодействия государственной власти с религией.

И вновь важнейшее событие в жизни героини – принятие христианства – упоминается вскользь, когда речь заходит о Криспе, пользующимся популярностью в народе: «Reports of him came to Helena, as once of his father, and were as fondly welcomed. His name was remembered always at her palace Mass. For Helena had been baptized» (89). Приход к вере упоминается, казалось бы, лишь для того, чтобы объяснить, почему, собственно, за Криспа молились во время мессы в доме Елены.

Во задает ряд риторических вопросов о том, почему Елена обратилась в христианство, и хотя во всех остальных случаях он позволяет себе и художественный вымысел, а иногда искажение исторических фактов, здесь он отказывается придумывать и предпочитает оставить детали ее покаяния неизвестными читателям, одновременно показывая, что покаяние Елены, в отличие от триумфального видения Константина, которое так и не привело его к крещению, было одним из множества истинных и малозаметных чудес, постоянно совершавшихся в сердцах ранних христиан: «Were there regrets for her earlier loyalty? Was she persuaded point by point? Did she merely conform to the prevailing fashion, lie open unresisting to Divine Grace and so without design become its brimming vehicle? We do not know. She was one seed in a vast germination» (90).

Другой причиной краткости в преподнесении столь значимого события является то, что покаяние не воспринимается Во как самоцель, как конечный результат поисков героини. Более того, не уделяется особого внимания ни повседневной жизни «новой» Елены, ни изменениям в ее характере и мышлении. Как показывает весь опыт католического романа, выдающийся роман не может строиться на описании повседневной жизни благополучного верующего, его каждодневных искушений и побед, его повседневного общения с Богом и с церковью; этот материал то ли недостаточно драматичен, то ли слишком метафизичен по своей природе. Во же как романисту необходимо и внешнее действие, поэтому он предпочитает изображать практические дела своих святых.

Возвращаясь к моменту покаяния Елены, отметим, что сама повествовательная структура романа как бы подчеркивает промежуточное значение акта крещения. Не в приходе к вере, а в последующем совершении своего предназначения, по мнению Во, работа Бога в человеке достигает своего апогея, покаяние – лишь промежуточный этап, позволяющий человеку увидеть и совершить то, к чему он призван. Именно совершение своего предназначения оказывается кульминацией истории и жизни Елены.

К предназначению ее ведет дорога через Рим. Наконец она прибывает в город, о котором мечтала с детства, по случаю двадцатилетия правления Константина. Для Вдовствующей Императрицы выделяют дворец в старом заброшенном квартале, но никто не предполагает, что столь пожилая и солидная дама решит разгуливать по окрестностям. Рим, увиденный ее глазами – это город, еще не обретший своей исторической красоты, еще не ставший той легендой, какой он будет много столетий спустя, еще не символ огражденной цивилизации среди бунтующего варварства. Описание римской толпы, разношерстной и небезопасной, и ощущения Елены созвучны мыслям самого Во и его наблюдениям над посещением пасхального богослужения в иезуитской церкви в Новом Орлеане. То осознание единства верующих, которое пережил Во в Америке, перенесено им на новую почву, на улицы древнего Рима, в сердце Елены, наконец исполнившей свою юношескую мечту, которая обретает совсем иной смысл: «When she heard Mass at the Lateran basilica – as she often did in preference to her private chapel – she went without ostentation and stood simply in the congregation. She was in Rome as a pilgrim and she was surrounded by friends. There was no way of telling them. There was nothing in their faces. A Thracian or a Teuton might stop a fellow countryman in the streets, embrace him and speak of home in his own language. Not so Helena and the Christians. The intimate family circle of which she was a member bore no mark of kinship. [...] There was no mob, only a vast multitude of souls, clothed in a vast variety of body, milling about in the Holy City, in the See of Peter» (93).

Критики, обвинявшие Во в снобизме, игнорируют очевидное стремление автора подчеркнуть, что Елена, став христианкой, предпочитает общую мессу службе в своей личной часовне, сдерживает охранников, сопровождающих ее, и старается смешаться с толпой. Во подчеркивает в своей героине, обладательнице английского менталитета, неожиданное и ничем иным, кроме божественной работы, не объясняемое желание влиться в тело христианской церкви, стать ее частицей. Именно в этой сцене воплощается мечта юной Елены, которую она когда-то высказала Констанцию, о буквальном и фигуральном выходе за стену, о сломе привычных границ: «Sometimes I wonder won't Rome ever go beyond the wall? Into the wild lands? Beyond the Germans, beyond the Ethiopians, beyond the Picts, perhaps beyond the ocean there may be more people and still more, until perhaps, you might travel through them all and find yourself back in The City again. Instead of the barbarian breaking-in, might The City one day break out? [...] I meant couldn't the wall be at the limits of the world and all men, civilized and barbarian, have a share in The City?» (40). Вновь, как в «Пригоршне праха», Во использует восходящее к Бл. Августиному противопоставление Града Земного (Рима) и Града Небесного, Града христианской церкви. Первый отгородился от врагов стеной, возведенной на северной границе Империи; второй, духовный христианский град, не имеет стен и открыт к взаимодействию со всем миром. Империя преходяща; Град Божий вечен, неуничтожим.

В творчестве Во 1930-х годов преобладал образ церкви как Града цивилизации, рыцарства, защищенного стеной от нападков варваров. Как видим, этот образ со временем расширяется и видоизменяется. Постепенное ассоциирование себя с членом Тела Христова (метафора, обозначающая в Библии церковь), осознание себя как части вселенской церкви, не имеющей границ и вбирающей в себя каждого, кто приходит к Богу с нищим духом; церкви, распространяющейся на всю землю так, что оказавшись в Южной Америке и в Африке, можно снова почувствовать себя дома, зайдя в любую местную церковь – все это придало образу Рима новый оттенок. Из

оборонительной позиции церковь в сознании Во переходит в наступательную. Христианство не просто защищается от внешнего воздействия гуманизма, атеизма, коммунизма и прочих ложных идей, единых в своем стремлении поставить человека на место Бога, но переходит в наступление и распространяется за пределы стены. Когда Елена, сомневаясь в уникальности христианства, говорит, что оно встанет в один ряд с культами Юпитера, Венеры и других богов, Лактанций возражает: «Christianity is not that sort of religion, ma'am. It cannot share anything with anybody. Whenever it is free, it will conquer» (87).

Одна из особенностей христианства по сравнению с другими философиями и религиями Римской империи, по мнению Во, как раз заключалась в том, что оно не делило сердце человека с другими богами и идолами, оно не было толерантным и не могло допустить поклонения чему-либо или кому-либо, кроме единого Бога. Как и обещал Иисус Христос, Его учение принесет на землю не мир, но меч, потому что разделит человека с домашними его. Терпимое к немощам человека и возводящее на пьедестал милосердие и сострадание, христианство между тем не принимает никаких других объектов поклонения, кроме Бога. Именно этого не учел Константин, решивший сделать новую для него религию своим союзником. Он лишь хотел заручиться поддержкой всех существующих культов, на случай, если хотя бы один из них может помочь ему удержать власть.

Власть с точки зрения христианства

«Елена» является самым ярким художественным высказыванием Во о проблеме светской государственной власти²⁰⁰, которая в глазах католика стоит заведомо ниже высшей власти церкви. «All the tiny mechanism of Power regularly revolved, like a watch still ticking on a wrist of a dead man» (89) – такой метафорой Во обобщает все бесконечные и бессмысленные попытки людей захватить

²⁰⁰ Данный раздел переносит в христианский контекст проблематику статьи: Kabanova I. Sovereign power in Evelyn Waugh's *Edmund Campion* and *Helena* // "A Handful of Mischief": New Essays on Evelyn Waugh. P. 87-96.

власть, которая на самом деле сама захватила их, поймала в сеть, из которой они даже если бы захотели, не смогли бы выбраться. Часы, продолжающие идти на руке мертвеца, отсчитывающие время, которое для человека давно остановилось, мерно, четко и совершенно бессмысленно – вот как представляет автор попытки людей пробраться к власти и удержаться у нее. Ведь их способность что-либо изменить и чего-то добиться – всего лишь иллюзия захваченного жаждой власти разума, иллюзия, которая в романе встает в параллель с затуманивающим сознание языческими культами. Обратим внимание, как намеренно анахронистическая метафора утверждает универсальность этой авторской истины, связывая начало IV века с современностью.

В сценах визита Елены в Рим в 326 г. перед читателем предстают попытки власть имущих²⁰¹ использовать истинную веру христианства в своих корыстных целях.

С приездом Елены в Рим меняется ракурс, согласно которому читатель смотрел на события империи. Если до этого тиканье наручных часов на запястье покойника доносилось издали, до Елены доходили лишь слухи об очередном удачном или неудачном заговоре, и она только иногда сталкивалась с последствиями чьих-то судьбоносных решений, то сейчас ей – и вместе с ней читателю – автор предоставляет возможность взглянуть на движение механизмов власти изнутри. Погрузившись в атмосферу дворцовых интриг, героиня наблюдает за ними со стороны своим незамутненным взглядом, и хотя ее попытки повлиять на сына и его окружение остаются тщетными, сама она выходит из водоворота интриг незапятнанной, словно ее непоказное, искреннее христианство дает ей иммунитет.

Сидя в предоставленном ей дворце, Елена ожидает сына, однако прежде чем состоится их встреча, ее навещает целый ряд посетителей из Палатинского дворца. Каждый добавляет определенные детали к образу Константина,

²⁰¹ Все поименованные персонажи этих сцен – исторически существовавшие лица. Единственный значительный персонаж в романе, которого целиком придумал Во, – учитель Елены Марсий.

отдельными штрихами рисуя картину придворной жизни, пугающей и тревожной, несмотря на пышные приготовления к празднику двадцатилетия правления императора. В воздухе будто повисла какая-то угроза, которая может обрушиться на любого, и никто не знает ни времени, ни причины надвигающейся беды. Однако в этом мире намеков и сплетен некоторые чувствуют себя, как рыба в воде; именно с рыбой автор сравнивает жену императора, Фавсту, пришедшую навестить Елену первой в надежде заполучить еще одного союзника. Фавста не отдает себе отчет в производимом ею впечатлении: «She glittered and pouted, 'like a great gold-fish', Helena thought» (94). Чуть позже, когда Фавста предъявляет мужу имена «заговорщиков», которых необходимо убить (среди них сестра, племянник и сын Константина), она названа «холодной как рыба» («cool as fish»).

Несмотря на сомнительную репутацию Фавсты, Елена не основывает свое мнение о ней на слухах – они просто не доходили до нее, пока она жила в Трире. Для нее, как и для автора, Фавста – это символ лицемерия и интриганства, процветающего при дворе, «the epitome of the high politics of the age» (94). Образ Фавсты принял на себя всю тяжесть сатиры Во, ее не оправдывает ее предыстория: «Fausta's grandfather had been a nameless illiterate; her father, the odious Maximian. It was for an older sister of hers that Constantius had divorced Helena. For Fausta Constantine had divorced Minervina. There had been one motive only in that marriage, to solemnize the friendship of Constantine with her father and her brother Maxentius. Maximian he had strangled at Marseilles; Maxentius, a little later, he drowned in the Tiber. And somehow out of all that ritual of peacemaking there survived one relic, this fat common little woman, Empress of the world; like a doll floating on the water where a ship had foundered» (94).

Единственная уцелевшая из своей семьи, уничтоженной ее мужем, она словно паразитирует на чужих бедах и питается страданиями других. Как заведенная кукла, она продолжает играть и веселиться, когда все остальные игроки уже умерли. И, как бездушная заводная кукла, она не осознает шаткости своего положения. Портрет Фавсты является продолжением мотива чучела

Валериана: некрасивая и необаятельная, она разодета сверх всякой меры, блестит и звенит при каждом шаге. Пышность и блеск ее одежд, этой внешней оболочки власти, скрывает внутреннюю пустоту.

Политика Фавсты включает использование модного христианства для того, чтобы нажать на нужные рычаги. Она не вникает в богословие, ее не интересуют вышедшие из темниц и катакомб мученики, старые учителя Запада; внимание Фавсты привлекают, наоборот, новейшие еретики, расплодившиеся после официального признания христианства. Теперь, когда снят запрет на христианство, оно привлекает к себе много пены; всякий день появляются новые скандальные ереси, оспаривающие уже существующую традицию христианства. Во передает атмосферу схватки за власть, идущей под прикрытием христианской риторики; здесь полный простор для его сатирических склонностей.

Фавста рассказывает Елене о своих взглядах на религию, не догадываясь, что своими словами обличает сама себя. Она негодует по поводу «консерватизма» иных богословов: «You see none of the Western bishops have got a new idea in their heads. They just say: “This is the faith we were taught. It is what’s always been taught. And that’s that.” I mean they don’t realize they’ve got to move with the times. It’s no use trying to puncture the horologium. The Church isn’t a hole and corner thing any more. It’s the official imperial religion. What they were taught may have been all very well in the catacombs, but now we have to deal with a much more sophisticated type of mind altogether» (95). Фавста полагает, что и новой религией она будет играть в своих интересах.

Она приводит к Елене Евсевия, одного из восхваляемых ею учителей, который, в отличие от западных епископов, «идет в ногу со временем». Взглянув на него, проницательная Елена тут же делает вывод: «Marcias writ large» (98). Евсевий, епископ Никомедийский, как Марсий, как все восточные учителя, хорошо умеет затуманивать разум и подстраиваться под обстоятельства. Он осуждает сдержанность Лактанция, рассуждает о необходимости движения церкви на восток, что для Во-католика является

первым признаком отхождения от истины, и в разговоре с Еленой лишь один раз касается богословия: «'I don't suppose you are much troubled by controversy at Treves', he said. 'We are conservatives there'» (99), – отзывается Елена. Влагая в уста своей героини этот намеренный анахронизм, «консерваторы», Во снова утверждает ее еще укрепившийся с годами английский менталитет. Для него консерватизм – это не столько политическое направление, сколько определенный взгляд на жизнь, явно противоречащий популярной как в IV, так и в XX в. тенденции «двигаться в ногу со временем». Во наделяет свою героиню своей собственной верностью однажды избранным ценностям.

После посещения Фавсты и Евсевия на Елену обрушивается поток гостей, которые надеются через нее воздействовать на ее сына. Она видит перед собой напуганную Констанцию, сводную сестру Константина, который убил ее мужа; Констанция является с сыном Лицинианом, 12-летним мальчиком, дерганым и нервным. Через некоторое время под покровом темноты приходит Крисп и, рыдая, бросается в объятия бабушки. Не понимая причин, он видит, что впал в немилость; его пугает будущее, слишком многие придворные бесследно исчезли на его глазах. И все же Крисп уже попал в ловушку власти, как свидетельствуют его слова: «I don't care about titles more than the next man but if they are going to make a Caesar, why not me? Why that kid Constantius?» (103).

Желая помочь внуку и искренне веря в добрые намерения сына, Елена решает сама отправиться в Палатинский дворец и добиться встречи с Константином. Сцена их свидания после 20-летней разлуки – шедевр сатиры Во, здесь собираются воедино многие отмеченные ранее мотивы в его трактовке власти и политики. Сын выходит ей навстречу с расprostертыми объятьями, но Елена едва узнает его. Тот самый вычурный стиль, который так раздражал Во в первой версии «Возвращения в Брайдсхед», эффективно используется в описании гротескной внешности императора: «From the neck down he was all upholstery. A surcoat of imperial purple, laced with floriations of gold wire and studded with amorphous pearls, hung stiff as a carpet to the carpeted floor. It was sleeveless, and at the arm an undergarment billowed out, peacock-hued,

ending in lace ruffles and a pair of coarse, much-jewelled hands. Above the surcoat was a wide collar of gold and enamel, a massive thing suited to the bull-neck; its miniatures told indifferently the stories of the gospel and of Mount Olympus. Above the collar rose the face, pale now as his father's; he was rouged but purely for ornament; there was no attempt to counterfeit the ruddy complexion of the camp. The surface of the face was in some sort of motion. The Emperor was trying to smile» (104).

Уже портрет Константина заряжен гротеском: грубые руки усеяны перстнями, а на похожем на бычье ярмо воротнике изображены евангельские сцены вперемешку с иллюстрациями из жизни олимпийских богов. Подобное украшение сразу дает возможность усомниться в искренности его христианства. Довершает образ абсурдная деталь, на которую Елена обращает внимание прежде всего остального и с искренним недоумением восклицает: «My dear boy, what on earth have you got on your head?» (104). Константин пугается и приказывает слугам немедленно снять инородное тело, однако вскоре успокаивается: его мать имела в виду всего лишь зеленый парик, экземпляр из его богатой коллекции париков. Вспоминается подобное украшение на голове другого монарха – пунцовый парик королевы Елизаветы из «Эдмунда Кэмпiona», который, казалось, жил своей жизнью и кивал вне зависимости от своей хозяйки. Общим у обоих правителей является также их раскрашенное лицо, словно маска, скрывающая естественную мимику. Константин пытается изобразить улыбку, и в сознании читателя возникает мотив раскрашенного чучела.

Константин явно не настроен на разговор по душам и ведет Елену в парадный зал, где она становится свидетельницей ежедневного придворного ритуала: «For Constantine the liturgy of the court were the very substance of royalty» (105). Употребление слова «литургия» применительно к жизни двора свидетельствует об истинной религии Константина, – это религия власти.

Елена присутствует при обсуждении строительства Триумфальной арки, что автор использует как возможность высмеять искусство модернизма²⁰². Затем она имеет честь увидеть и услышать придворную христианскую службу, во время которой поются псалмы, а Константин читает молитву и отрывок из Библии. Молитва императора столь же гротескна, как его одеяние. Все еще в своем изумрудном парике, что намеренно подчеркнуто автором, он поднимается с трона и особым голосом, специально выработанным для подобных мероприятий, произносит молитву, которая подробно перечисляет его заслуги. Он благодарит Бога за свое благородное происхождение, описывает свое триумфальное восхождение к власти, перечисляет собственные таланты и приводит примеры своей мудрости, а завершает всю эту торжественную тираду богоугодной фразой «per Christum Dominum nostrum» – именем Христа, Господа нашего. Последние слова о господстве Христа после столь длинного списка деяний самого Константина завершают церемонию с таким же эффектом, с каким украшает его изумрудно-зеленый парик. После чего император с женой удаляются, и матери так и не удается перемолвиться с сыном ни словом наедине.

Между тем, следуя за императорской четой во внутренние покои дворца, мы наблюдаем, как Константин участвует в спиритическом сеансе двух ведьм, привезенных из Эфиопии. Как и королева Елизавета, совмещавшая молитву с языческим оберегом, который якобы хранил ее от смерти, он не пренебрегает никакими средствами для сохранения власти. Ведьмы, при первом посещении не предоставившие Константину никакого более увлекательного развлечения, кроме возможности потыкать в них булавкой, при повторном сеансе повели себя неожиданно даже для Фавсты, всеми силами пытающейся связать имена предполагаемых заговорщиков с их предсказаниями. В трансе одна из ведьм начинает говорить пророчество, явно протягивающее нить от времен Константина через всю европейскую историю к современности самого Во: она

²⁰² О пародии на модернизм в этой сцене см.: Decoste Marcel. Op.cit. P. 165.

пророчествует о нескольких диктаторах будущего и ожидающем их конце, что позволяет автору вновь указать на цикличность движения механизмов власти.

Фавста тем временем, требуя от мужа наказать участников измышленного ею заговора, число которых постоянно увеличивается и включает даже недавно крещенного Константином младенца, все же добивается своего. Измученный постоянной необходимостью принимать решения, Константин в итоге капризно заявляет: «I've had nothing but trouble since I came to Rome. You drive me too hard. Besides I have to prepare my sermon on Regeneration. Everyone is looking forward to it so much. I've done quite enough for one day. Crispus and Licinianus can go. The rest must wait» (111). В перерыве между подготовками проповедей о духовном возрождении отправив на смерть сына и племянника, Константин впадает в глубокую депрессию и не подпускает к себе никого, кроме жены. Он даже решает было вернуть Криспа, однако Фавста сообщает, что и Крисп, и маленький Лициниан уже мертвы, официально их жизни унесла чума. Расспрашивая о том, как именно их убили, Константин с горечью заявляет: «This is not at all how I intended them to die. I gave quite different, quite explicit orders for their murder» (113).

Убийца надевает к тому же маску жертвы, отдающей свою душу за народ, за империю. Именно это благородное бремя привело его к тому плачевному состоянию, в котором он все же замечает, что Фавста заигралась. Когда она намекает на то, что и Елена может быть причастна к заговору, Константин решает, что жена была причиной всех его бед и приказывает избавиться от нее. На этот раз его приказание исполняется неукоснительно, и Фавста, по жестокой иронии автора, умирает, как рыба, выброшенная на берег под палящее солнце, задохнувшись, практически поджарившись, в своей роскошной бане, о которой во время своего первого визита к Елене она говорила: «Я была бы счастлива там умереть» («I could die there quite happily», 97).

Только теперь Константин наконец решает встретиться с матерью, которая каждый день являлась во дворец и в гневе металась по коридорам, распугивая слуг и придворных. Во время этого разговора он откровенен.

Поглощенный желанием начать все заново, Константин открывает Елене свой план перенести столицу империи на Восток. Для Константина, полностью сконцентрированного на своей власти, это способ укрепить ее: «Give me the East where I can feel unique. Here you are just one figure in an endless historical pageant. The City is waiting for you to move on» (120).

Рим, город, повидавший много таких, как он, заставляет его чувствовать себя неуютно, ведь здесь он – лишь маленькая песчинка в песочных часах истории, всего лишь маленькая шестеренка, не способная ни выйти из заведенного механизма, ни изменить его ход. Восток представляет для Константина иллюзию новизны и чистоты. Елена уверяет его, что есть лишь один способ начать все заново – креститься. Но у Константина есть теория, по которой ему необходимо принять крещение перед самой смертью, чтобы очищением покаяния гарантировать себе жизнь вечную. Чтобы смерть не подкралась к нему внезапно, он обязан обезопасить себя, убрав всех потенциальных соперников. Что такое жизнь Криспа или Лициниана по сравнению с судьбой его бессмертной души, которой грозит ад, если смерть настигнет ее неожиданно? Высшая ценность человеческой души по сравнению со всеми земными благами, абсолютная ценность человеческой души как бессмертного образа Божьего – это то, что отличало христианство от всех прочих религий, знакомых Константину, и именно эту особенность христианства он искажает настолько, что оправдывает христианством свой деспотизм. Ложно истолкованное христианство, таким образом, предоставляет Константину подпорки, на которых держится его власть.

Выслушав сына, Елена мрачно выносит свой вердикт истинной христианки: «Власть без благодати» («Power without Grace», 122). Власть, являясь величайшим искушением и бременем, раздирает Константина изнутри, и не имея духовной силы противостоять ее влиянию, он разрушается и постепенно перестает быть в полной мере человеком; остается лишь набор инстинктов самосохранения и вычурный наряд с зеленым париком, а внутри – пугающая пустота.

Католичество и литературное творчество

Такими же полыми представляются Елене храмы, которые Константин мечтает построить в новой столице империи на востоке, церкви, посвященные Миру и Мудрости. Стерильна и сама идея нового Рима, города без памяти о мучениках, без истории. В разговоре с папой Сильвестром, повторяющим слова Лактанция о том, что кровь мучеников и тяготы истории – это семя церкви, Елена говорит: «I don't like new things. No one does in the land I come from. I don't like Constantine's idea of a new Rome. It sounds so empty and clean, like the newly swept house in the gospel that was filled with devils» (126). Души людей, здания и города не терпят пустоты, которую неизбежно несет с собой внешнее обновление, не касающееся сердца; иначе внутри них поселится нечто, намного худшее, чем неприятные воспоминания.

Именно в разговоре со стариком Сильвестром, таким же консерватором, как и она сама, Елена вдруг спрашивает: «Where is the cross, anyway?» (128). Прошедшее с ней через всю жизнь, спрятанное глубоко в сердце стремление вернуться к первоосновам загорается с новой силой. Объект ее интереса уже не Троя, а крест, на котором был распят Спаситель, о чьей жертве стали забывать в потоке богословских дискуссий. С неожиданным запалом пожилая императрица заявляет: «Just at this moment when everyone is chattering about the hypostatic union, there's a solid chunk of wood waiting for them to have their silly heads knocked against. I'm going off to find it» (128).

Пройдя длинный путь разочарований и потерь, Елена вновь возвращается к тому, с чего начала, но теперь на истинном, христианском основании. В этой завершающей роман фазе повествование возвращается в область легенды, замыкая таким образом виток истории. То, что теперь является целью героини – это уже не град, не мифологическая Троя, не идеализированный Рим, но крест, обещающий гражданство на Небесах. Годы, отделившие Елену от ее мечты о настоящей Трое, как оказалось, лишь приблизили ее к свершению предназначения: «The Empress Dowager was an old woman, almost of an age with

pope Sylvester, but he regarded her fondly as though she were a child, an impetuous young princess who went well to hounds, and he said with the gentlest irony: ‘You’ll tell me, won’t you? – if you are successful.’ ‘I’ll tell the world,’ said Helena» (128).

Решение Елены посетить Иерусалим, немедленно претворенное в жизнь, вызывает переполох среди местных властей и церковнослужителей, которые уже натерпелись от ее сына. Деяния Константина в святом городе были столь же масштабны, как и его планы нового Рима. Ретроспективно автор подробно рассказывает о разрушении подлинных Святых мест по приказу Константина.

От епископа Макария, главы Иерусалимской христианской общины, он услышал о множестве реликвий и священных мест, сохранившихся со времен Иисуса Христа, в том числе о Голгофе и гробнице Иисуса, на месте которых император Адриан воздвиг храм Венеры. Константин, который едва ли ощущает разницу между мифами об олимпийских богах и евангельскими историями, тут же решает использовать неожиданное открытие для очередного головокружительного архитектурного проекта. Скромный, всю жизнь проживший в гонениях, епископ Макарий стал свидетелем того, как глубоко почитаемое им место казни и погребения Христа сначала было расчищено: языческий храм снесли, а насыпь, выравнивающую ландшафт, убрали. Впервые он увидел два небольших холма, меньший из которых и был Лобным местом, и сцены распятия, погребения и воскресения живо предстали перед его глазами. Однако вскоре аутентичное пространство исчезает навсегда: для нового строительства оба холма были уравнены, верхушка большего холма срезана, Голгофа по форме стала напоминать куб, и священное место заполнили толпы рабочих, груды строительных материалов, шум и суета. И Макарий с горечью наблюдает, как место, словно по провидению Божьему сохранившееся под языческим храмом нетронутым, превращается в очередной величественный проект, призванный прославить императора: «But Macarius lacked vision of these future architectural glories. He had seen clearly enough the mourning women on the lonely hill side; he could not see the eighty columns. [...] What Hadrian had carelessly preserved, Constantine had zealously destroyed, it seemed to Macarius»

(136). Константин разрушил ту связь с истинной историей, которую чувствовал Макарий, глядя на два непримечательных холма и пещеру.

Неудивительно, что несчастный епископ Макарий с ужасом ждет дальнейших потрясений от приезда Вдовствующей Императрицы. Но цель Елены была обратной целям ее сына: не строить заново, но открыть то, что забыто. Она оказалась совсем не той, кого ожидали: «They expected someone very old and very luxurious; and they rather hoped, gentle. Instead they met a crank; and more than a crank, a saint» (137).

Впервые в романе Во называет Елену святой, что, судя по контексту, выступает здесь как определение крайней степени чудачества. Переход от Елены ищущей, непосредственной, но сомневающейся, к Елене консервативной и твердой, убежденной и решительной, происходит где-то за текстом и является читателю уже в совершившемся виде. Ее святость заключается в непоколебимой решимости найти то, что она ищет.

Конечно, автор дает множество примеров смирения пожилой императрицы. Елена поселяется в женском монастыре, заняв небольшую келью, где сама себя обслуживает. Во время страстной недели она постится вместе со всеми, хотя ее возраст освобождает ее от столь строгих обязательств. Таким образом, святость Елены не противоречит общепринятому пониманию праведности. Тем не менее, корень ее святости лежит вовсе не в христианском смирении. Для Во святость Елены особенная, и именно этот аспект ее личности встретил непонимание со стороны читателей, в том числе католиков. В авторском понимании святости Елены лежит ключ к главной для романа и для всего позднего творчества Во идее предназначения.

Объясняя святость героини, Во писал Джону Бетчемену: «Мне нравится святость Елены, потому что она так не похожа на все, что сегодня представляют как святость. Ее не бросали львам, она не была отшельницей, не бедствовала и не голодала, она не выглядела, как святая с полотна Эль Греко.

Она просто открыла, что именно она была избрана Господом сделать, и сделала это»²⁰³.

Для Во суть святости заключается в покорности Богу, и не просто в пассивном принятии Его плана на жизнь человека, но в активном претворении этого плана в жизнь. Решимость Елены, ее неутомимость, практичность и даже упрямство – все, что было свойственно ей и ранее – становятся проявлениями святости, когда направлены на свершение того, что от нее требует Бог.

Один из ключевых и самых дорогих для автора моментов в книге происходит, когда Елена, истощенная множеством бесплодных попыток совершить то, что ей предназначено, появляется на празднике Епифании в маленькой Вифлеемской общине. Плохо понимая слова священника, ведущего службу на греческом языке, она начинает размышлять о волхвах, пришедших с Востока принести дары младенцу Иисусу, и произносит молитву, текст которой практически идентичен с размышлениями, записанными Во в своем дневнике в 1945 г. после празднования того же Богоявления во францисканской церкви в Югославии²⁰⁴.

Называя волхвов покровителями всех, кто опоздал, кто пришел к истине слишком поздно, Елена молится им, включая в свою молитву не только своего сына, Лактанция, Марсия, поэтов из Трира и своих предков, но и автора: «You are my especial patrons and patrons of all late-comers, of all who have a tedious journey to make to the truth, of all who are confused with knowledge and speculation, of all who through politeness make themselves partners in guilt, of all who stand in danger by reason of their talents. [...] For His sake who did not reject your curious gifts, pray always for all the learned, the oblique, the dedicate. Let them not be quite forgotten at the Throne of God when the simple come into their kingdom» (145). Все это прямо проецируется на фигуру биографического автора. Дары волхвов, принесенные поздно, но от чистого сердца, ненужные младенцу, являющемуся одновременно Царем вселенной, были приняты и

²⁰³ The Letters of Evelyn Waugh. P. 387.

²⁰⁴ Ср. дневниковую запись от 6 января 1945 г. The Diaries of Evelyn Waugh. P. 636-637.

почтительно сложены рядом. Таким же даром, который он приносил всю жизнь, начиная с момента прихода к вере, для Во являлось его творчество, без которого церковь и тем более Бог могли прекрасно обойтись, однако это было, как он выяснил после долгих терзаний и попыток послужить чем-то еще, единственным, что он мог сделать хорошо и отдать как жертву.

Во не питал иллюзий по поводу необходимости и значимости искусства в свете христианского мировоззрения. Он писал: «Церковь и мир намного больше нуждаются в монахах и монахинях, чем в писателях. Последние лишь украшают. Церковь может легко обойтись без них»²⁰⁵. Тем не менее, Во устами Лактанция защищает свой род ремесла. Труд христианского философа и писателя в век гонений кажется малозначительным, но в вышеприведенной апологетической речи Лактанций, среди прочего, утверждает необходимость искусства как разновидности служения.

Судя по молитве Елены, Во осознает, что художественный талант является и опасностью для веры – тем, что может увести от Бога, заставить изменить объект поклонения с Бога на само творчество. Можно сказать, что подобно «власти без благодати», вполне может существовать «талант без благодати» – творчество, замкнутое исключительно на самом себе, и Во – решительный его противник.

Елене долго не удается выяснить местонахождение креста. Она решает поститься, в надежде получить ответ лично от Бога, и ей посылается сон, в котором она вне времени, в каком-то условном пространстве, встречает человека, будто бы, как и она, пришедшего из легенды. Словно бы две легенды вдруг пересекаются на нейтральной территории, в некоем метапространстве, сходятся на некоторое время, чтобы разрешить конфликт в одной из них. И Елена чудесным образом узнает о нахождении креста от Вечного Жида, который приходит в ее сон из параллельного мира и вновь уходит в другую, свою историю.

²⁰⁵ The Essays, Articles and Reviews of Evelyn Waugh. P. 387.

В предисловии Во объясняет появление самого спорного образа романа, Вечного Жида, желанием свести воедино две имеющиеся в источниках версии обретения креста. Согласно одной, Елена увидела местонахождение креста во сне, по другой версии она получила эту информацию от иудейского раввина, которого неделю держала в высохшем колодце. Стремление Елены найти крест не говорит о том, что автор полагает основание христианства на отдельной реликвии, более того, в предисловии он открыто заявляет, что крест, найденный Еленой, может и не быть Крестом Распятия, но он тем не менее напоминает людям об истинности евангельской легенды. Наряду с доказательством фактической достоверности христианства, которое необходимо для того, чтобы отделить его от прочих культов, Во был убежден в действии божественной благодати в жизни любого человека. Таким образом, сверхъестественное вмешательство в совершение Еленой своего предназначения является вполне органичным развитием сюжета.

После полученного во сне откровения Елена тут же принимается за дело: рабочие начинают копать в том месте, которое указала императрица, и извлекают на свет несколько деревянных брусьев – останки Креста Спасителя. Когда стало ясно, что главное дело ее жизни выполнено, Елена, снова демонстрируя английскую сдержанность и практичность, распоряжается своими находками, не тратя время на восторги. Бог доверил ей дело, и она его завершила, не привлекая к себе особого внимания: «Now that her quest was at last accomplished all sentiment was dead and she was as practical about the arrangements as though some new furniture had been delivered at her house» (155).

Ее служение на земле закончено, и автор подводит итог ее жизни в следующих словах: «No one who watched that day, while the Empress calmly divided her treasure, could have discerned her joy. Her work was finished. She had done what only the saints succeed in doing; what indeed constitutes their patent of sanctity. She had completely conformed to the will of God. Others a few years back had done their duty gloriously in the arena. Hers was a gentler task, merely to gather

wood. That was the particular, humble purpose for which she had been created. And now it was done» (156).

Так Во подводит черту не только жизни своей героини, но и идеям святости и предназначения, которые становятся в его интерпретации практически идентичными. Он не отдает предпочтения Елене среди прочих святых, доказавших свою преданность Богу в более жертвенных и физически тяжелых поступках, в век гонений, среди опасностей. Он просто пишет о ней роман. В истории Елены автор иллюстрирует понимание собственного предназначения: да, его нельзя назвать самым необходимым или героическим, но именно оно, такое, как есть, было доверено ему Богом.

Сама идея предназначения, как общего (призыв к святости и прославлению Бога), так и частного (данного в отдельности каждому человеку в виде даров и талантов, а также возможностей и конкретных служений), является общей для всех христианских конфессий. Для Во предназначение выражается в каком-то одном акте веры, в некоем пусть маленьком деле, которое придает смысл всей жизни человека. После разочарования, постигшего его на военной службе, Во окончательно утвердился в мысли, что не является человеком действия, и его предназначение лежит в писательском ремесле. Плодом этих размышлений и является роман «Елена», потому столь дорогой автору, что полнее и ярче других его произведений отражает эту ключевую для него идею, его личный вариант смирения, принятия судьбы.

Предназначение Елены запечатлевает ее имя в истории, превращает ее в легенду, которая сконцентрирована на одном свершении, словно выхваченном светом прожектора из тьмы времен. В конце романа этот свет постепенно гаснет, и Елена, уплывающая на корабле со своими находками («sailed away, out of authentic history», 156), погружается в пространство мифологическое, откуда она и появилась в начале романа.

Среди размышлений Елены о ее близости с волхвами, Во пишет: «Perhaps she apprehended that her fame, like theirs, would live in one historic act of devotion;

that she too had emerged from a kind of Ethiopia or nameless realm and would vanish like them in the sinking nursery fire-light among the picture-books and the day's toys» (144). Во выносит на свет историю Елены, историю посвященности Богу, которая выразилась в совершении одного определенного действия, и этот полULEГЕНДАРНЫЙ, полуИСТОРИЧЕСКИЙ роман является ключом к пониманию размышлений самого писателя о его божественном и уникальном предназначении в этом мире.

Глава 3. Разрыв с «современным веком».

Биография «Рональд Нокс»

Во в 1950-66 гг. Католицизм в поздних романах

В июле 1945 г. парламентские выборы выиграли ненавистные Во лейбористы. Их социалистическая политика в целом и, в частности, налоговая политика (гонорары облагались налогом до 97%), резко сократившая доходы Во, породила планы эмиграции в Ирландию, снижение литературной активности; писатель не желал пополнять карман правительства. Приход к власти консерваторов в 1951 г., с точки зрения Во, мало что изменил в направлении развития английского общества. Последней вспышкой его политической активности была кампания против визита в Англию И.Б.Тито в 1953 г. Ярость и негодование, нашедшие выход в сатире на власть имущих в повести «Новая Европа Скотт-Кинга» («Scott-King's Modern Europe», 1947) и в «Елене», выдохлись и постепенно переросли в скуку, чувство, которое знаменовало новый этап жизни и творчества Ивлина Во.

Д. Пейти описывает послевоенное состояние Во так: «Преследуемый катастрофическими последствиями войны в мире и на родине – невероятным страданием, гонениями на религию в «освобожденных странах»; тем, что социалисты планировали перековать Англию согласно принципам, близким к принципам нацизма – Во разочаровался не только в Англии, но в ‘современном мире’ вообще. Он теперь часто пользовался этим выражением, которое означало у него “конечную, бесповоротную степень варварства и зла, из которых человечеству уже не выбраться”»²⁰⁶.

Ощущение, что он живет на родине, как в лагере беженцев, углубило его осознание принадлежности к более обширному государству, не ограниченному

²⁰⁶ Patey. P. 249.

социальными и пространственными рамками – к католической церкви, транснациональному оазису порядка в стремительно рушащемся мире.

Новыми сторонами оборачивается излюбленная теологическая идея Во о необходимости исполнения своего предназначения. Начиная с «Эдмунда Кэмпиона», предназначение в его текстах было связано с конкретным поступком, но не с выработкой необходимого характера, христианских добродетелей, не с достижением праведности и приближением к Богу. Вполне возможно, причина этого заключается в сложности темперамента самого Во, склонного выставлять напоказ свои отрицательные черты и утрировать их, доводя до абсурда и привлекая к себе внимание. Хотя в библейском учении предназначение верующих неразрывно связано с добродетелью («Ибо мы – Его творение, созданы во Христе Иисусе на добрые дела, которые Бог предназначил нам исполнять»²⁰⁷; «Ибо призвал нас Бог не к нечистоте, но к святости»²⁰⁸), понимание божественного предназначения Во кажется нам во многом романтизированным и вместе с тем более формальным: у него оно не столько сконцентрировано на духовных изменениях в душе человека, с его отношениями с Богом, с возрастанием любви к ближним, сколько с практическими делами, которые можно совершать с множеством неверных мотивов и вовсе не для Бога. Мы можем предположить, что невозможность Ивлины Во найти мир в отношениях с Богом вылилась в такую ориентированную на внешний результат личную доктрину о предназначении, с помощью которой он, возможно, оправдывал невозможность изменить свой трудный характер, который биографы мягко именуют «эксцентричным».

Если вера – отклик разума и воли на истину, а не субъективный чувственный опыт, то духовная жизнь должна состоять не из чувств по отношению к Богу, не из каких-либо переживаний по поводу истины, но из принятия истины и повиновения ей в поведении, в построении своего отношения к окружающей действительности. Религиозная жизнь Во состояла в

²⁰⁷ Еф. 2:10.

²⁰⁸ 1 Фес. 4:7.

основном из принятия истины разумом и из деятельности, в том числе литературной, из пожертвований, попыток привлечь к вере друзей-агностиков, из стремления служить католической церкви в странах, где она подвергалась гонениям. В пятидесятые годы стал все активней пытаться обратить многих своих друзей в католичество²⁰⁹ и близко принимал к сердцу отхождение знакомых католиков от веры. В 1956 г. он пишет в дневнике: «Кажется, что каждую неделю я слышу о новом отречении. Раньше я думал, что церковь – это особый народ, связанный верностью людям и Богу. Временами она представляется мне серой массой снующих туда-сюда людей»²¹⁰.

Мы почти ничего не можем сказать о личном восприятии Ивлином Во самого Бога, о его отношениях с Ним, что, впрочем, является характерным для католиков в целом, поскольку их отношения с Богом опосредованы священником. Вероятно, если в церкви католик не находит близких отношений, доверия и принятия, его чувство одиночества усугубляется больше, нежели, скажем, в церкви протестантской, где каждый верующий самостоятельно строит свои отношения с Богом посредством чтения Библии и молитвы.

Скука и лень («sloth») – слова, неоднократно встречающиеся в дневниках, письмах и произведениях Во 50-ых годов. В 1955 г. Во оставляет следующие записи в своем дневнике: «Душный день однообразной скуки»; «Сейчас недовольство принимает во мне форму скуки»; «Я пошел на выставку португальского искусства в академию, но меня одолели жара и скука»²¹¹.

В дневниковых записях писателя можно найти сразу несколько заметок о традиционных в Англии новогодних решениях (New Year resolutions), которые чаще всего связаны с решением регулярно посещать богослужения и совершать духовные практики. В 50-ые годы Во, всегда склонному к рациональному

²⁰⁹ Джон У. Мэйхон описывает, например, как из-за настойчивости Во по отношению к англокатолику Джону Бетчемену едва не прервалась его дружба с Пенелопой Бетчемен; как только та написала ему о неприемлемости для мужа такого давления, Во ответил: «Пожалуйста, передай Джону, что я искренне прошу прощения за преследование и больше не буду». Mahon John W. Op. cit. P. 75.

²¹⁰ The Diaries of Evelyn Waugh. P.790.

²¹¹ Ibid. Pp. 768, 776, 785.

подходу к религии, требовалось прилагать усилия даже большие, чем раньше, чтобы быть постоянным в вере. Церковь и религия, как кажется, привлекают его теперь не столько по причине его заинтересованности в духовном мире, сколько из-за полного равнодушия к миру материальному. Судя по всему, подобное настроение захватило не только самого Во, но и Лору, о которой он пишет в своем дневнике: «Вчера вечером Лора сказала, что будет довольна, если кто-то из наших детей станет священником или монахиней. Несколько лет назад эта мысль вызывала в ней отвращение. Она объясняет эту перемену скорее отсутствием энтузиазма по отношению к жизни, нежели наличием его в отношении Небес»²¹².

Кроме того, душевное состояние Во усугубляли множасьи год за годом проблемы со здоровьем, бессонница и постоянное использование различных снотворных препаратов. Постоянная бессонница, которую Во считал недугом всех писателей, изматывала его физически и душевно, но он не желал обращаться к другим врачам кроме того, к которому привык, а решению перестать смешивать снотворное с алкоголем оказалось следовать труднее, чем решению регулярно посещать церковь. В результате на пороге пятидесятилетия он чувствовал себя стариком, впрочем, не только из-за стремительно ухудшающегося здоровья, но и из-за той роли, которую он давно намеревался на себя примерить. Пройдя через бурную бунтарскую юность, активную предприимчивую зрелость, и разочарование в воплощенности католического идеала в годы войны, Во наконец мог позволить себе стать образцовым английским эксцентриком, и легко вошел в роль то ли отставного полковника со множеством причуд, то ли сварливого старика, тоскующего по былым временам, критикующего молодежь, в том числе и молодых писателей, и выкидывающего разнообразные выходки, словно бы позволительные и даже ожидаемые от человека его положения и возраста.

Эта эпатажная маска скрывала от мира внутренние проблемы, главной из которых было балансирование на грани финансового краха после уплаты всех

²¹² Ibid. P. 779.

положенных налогов. От банкротства писателя могли спасти только новый бестселлер и строгая экономия; и то, и другое, по ощущениям самого Во, было крайне маловероятным.

Во одновременно ожидал, провозглашал и боялся потери творческой продуктивности. Постоянно регистрируя в дневнике неутешительные прогнозы критиков по поводу своей дальнейшей литературной карьеры, он, тем не менее, вынашивал идею, которая зрела с середины 40-ых годов и должна была воплотиться в последнем главном произведении писателя. Не желавший больше получать никаких новых впечатлений от жизни, Во был твердо намерен черпать вдохновение в прошлом и написать большое произведение, панораму Второй мировой войны, которая и была истоком всеобъемлющего разочарования, поглотившего его душу.

Во отказался от предложений написать биографию недавно канонизированного Томаса Мора или Св. Игнатия Лойолы и приступил к воплощению своего грандиозного замысла сразу после публикации «Елены»; первая часть панорамы, в дальнейшем оказавшейся трилогией «Меч почета», вышла в свет в сентябре 1952 г.

Роман «Вооруженные люди» («Men at Arms») был запланирован Во как первый в серии из нескольких романов о войне, которые только в конце обретут окончательную форму и станут понятными читателям как единое целое. Первый роман, таким образом, не должен был раскрывать идею целиком, но стать в некотором смысле комическим вступлением перед началом основного представления.

Протагонист романа, разведенный и одинокий наследник старинного католического рода Гай Краучбек – герой, в котором несложно увидеть черты повзрослевшего Чарльза Райдера, только без артистических устремлений, но зато с багажом католицизма длиной в несколько поколений (предки Краучбеков были мучениками за веру). В душе Гая католицизм живет лишь в виде налета тоски и скуки, похожей на отношение к действительности самого Во. Так же, как и Во в 1939 г., 36-летний Гай (ровесник автора) всеми силами стремится

попасть на фронт. Война должна помочь Гаю вернуть давно утраченный смысл существования, что она в некотором смысле и делает, хотя совсем не так, как ожидает того герой. Постепенно излечиваясь от романтических иллюзий по поводу действительности и своего места в ней, Гай в итоге осознает, что «нет ничего доброго в общественных делах, только в личных делах души»²¹³.

Если «Возвращение в Брайдсхед» – это история обретения веры, которая изначально была главному герою совершенно чужда, то «Меч почета» прослеживает путь возвращения к вере, путь разрушающихся иллюзий и прихода к осознанию своего истинного предназначения, заключающегося в конкретном акте милосердия, который совершается лишь в последней части трилогии. Единственным безоговорочно положительным персонажем во всей трилогии является отец Гая, старый мистер Краучбек. Его роль, по словам автора, заключалась в том, чтобы «постоянно напоминать о достоинстве и истинном смысле жизни посреди хаоса событий и фантастических персонажей. А также в том, чтобы оказаться типичной жертвой (подобно набитым поездам, идущим в концлагеря) в войне против современного века»²¹⁴. В письме мистера Краучбека Гаю содержится знаменитая формула религиозной этики Во: «Мистическое тело церкви не принимает никаких поз, не заботится о собственном достоинстве. Оно приемлет страдания и несправедливость. Суждения, основанные на количественных критериях, не работают»²¹⁵.

Несмотря на воодушевление по поводу поднятой в романе темы войны и большие надежды, которые Во возлагал это произведение, когда «Вооруженные люди» были закончены, он написал Грэму Грину: «Я закончил книгу, которую писал. Не получилось. Конечно, все писатели пишут плохие книги, но жаль, что так вышло именно в это время»²¹⁶. В данном случае суждение Во сошлось с мнением общественности, и роман подвергся жесткой

²¹³ Stopp F. J. Evelyn Waugh: Portrait of an Artist. P. 46.

²¹⁴ Ibid. P. 168.

²¹⁵ Waugh Evelyn. Unconditional Surrender. Penguin, 1967. P. 127.

²¹⁶ The Letters of Evelyn Waugh. P. 451.

критике, а в однотомном издании «Меча почета», вышедшем в 1965 г., – самой основательной правке автора.

Осенью 1952 г. стало известно, что генерал Тито должен был совершить государственный визит в Британию. Эта новость помогла Во собрать остатки былой ярости, язвительности и негодования, которые нашли выход в статье «Наш непочетный гость» («Our guest of dishonour»), опубликованной в газете «Санди экспресс» 30 ноября 1952 г., где Во с сарказмом заявляет: «Мы приветствуем превращение огромных христианских территорий в атеистические полицейские государства. ...Но пусть мистер Иден не думает, что мы приветствуем его гостя»²¹⁷. Неожиданно для автора статья вызвала в обществе горячую поддержку. На этот раз многие католики и христианские деятели были против того, чтобы приветствовать гонителя церкви в христианской стране. Во впервые оказался героем газетных карикатур и стал известен своим протестом за пределами Британии. Несмотря на массовое недовольство, визит Тито прошел благополучно. Во не стал продолжать дебаты и вернулся к работе над своим первым и единственным антиутопическим произведением.

Повесть «Любовь среди руин» («Love among the ruins», 1953) примечательна как единственное произведение Во, которое потерпело полное фиаско у рецензентов и не было опубликовано в Америке (только позднее, в собрании сочинений). Во рисует картину недалекого будущего социалистической Британии, в которой место религии занято психологией, христианские праздники стали пережитками фольклора, а государство предлагает своим гражданам бесплатную эвтаназию. В этом произведении находится место для сатиры на те аспекты современной Во жизни, которые он считал тревожными признаками неумолимо надвигающегося и ненавистного

²¹⁷ Our Guest of Dishonour // Waugh Evelyn. A Little Order: Selected Journalism / Ed. by D. Gallaher. – N.Y.: Little, Brown, 1977. То же, [электронная книга] <https://books.google.ru/books?id=5MLVyl5bQG4C&printsec=frontcover&dq=a+little+order&hl=r u&sa=X&ei=rekhVcn1BMyUsAGs9YH4Aw&ved=0CBwQ6AEwAA#v=onepage&q=a%20little%20order&f=false>

ему «современного века»: новая архитектура, абстрактное искусство, психология, политика и многое другое. Главный герой, Майлс Пластик, является продуктом этого общества: «The State had made him. No clean-living, God-fearing, Victorian gentleman, he; no complete man of the renaissance; no gentil knight nor dutiful pagan nor, even, noble savage. All that succession of past worthies had gone its way, content to play a prelude to Miles. He was the Modern Man»²¹⁸. Это не имевшее успеха произведение стало последним актом протеста Во, который все больше терял интерес к окружающей его действительности и торопился воплотить замысел, представлявшийся ему последним главным делом жизни – завершение трилогии о войне.

Роман «Офицеры и джентльмены» («Officers and Gentlemen», 1955) доводит до конца развенчание иллюзий Гая Краучбека: его возвышенные представления о войне и надежды в службе родине обрести смысл жизни кончаются полным разочарованием в людях и общественных идеалах. В центре сюжета лежит автобиографическая история об участии полка Гая в событиях на Крите. Командир и приятель Гая Томми Блэкхаус получает случайную травму ноги на корабле и не может сойти на землю, т.е. оказывается не в состоянии осуществлять командование своим полком. Майор Фидо Хаунд оказывается откровенным трусом, лишенным всякого воображения и не способным выйти за рамки правил и предписаний даже для спасения своих солдат; на службу в армию он отправлен лишь потому, что не пригоден ни для какой другой работы. Самый сильный удар по иллюзиям главного героя наносит дезертирство Айвора Клэра, офицера, которого Гай считал «цветом нации»: «Ivor Claire, Guy thought, was the fine flower of them all. He was quintessential England, the man Hitler had not taken into account, Guy thought»²¹⁹. Гай создает в воображении образ идеального британца, офицера и джентльмена, игнорируя неоднократные и очевидные для читателя попытки малодушного Айвора спасти собственную жизнь любыми средствами, пусть даже и позорными, что

²¹⁸ Waugh, Evelyn. Love among the ruins: a romance of the near future. L.: Chapman and Hall, 1953. P. 5.

²¹⁹ Waugh, Evelyn. Officers and Gentlemen. Penguin Books, 2001. P. 146-147.

достигает своего апогея в сцене предательства на Крите. Благодаря этому грубому и болезненному уроку Гай, наконец, осознает, что идея доблести британской армии – это пропагандистская фикция, и устои, на которых держится британское общество, чрезвычайно шатки, потому что не имеют под собой никаких религиозных основ. Едва ли не еще большим шоком для него является стремление Томми Блэкхауса и Джулии Ститч умолчать о преступлении Айвора и даже относиться к нему с некоторой иронией: никто не видит в его поступке ничего предосудительного.

Гай дорого платит за полученный урок, но усваивает его глубоко: в обществе, отказавшемся от духовного восприятия действительности и отвернувшемся от истинной веры, нет нравственных установок, которые удержали бы людей от морального падения. Это особенно ясно в военное время, когда каждому приходится делать выбор: остаться верным себе и своим убеждениям или спасти себя любой ценой. Британский героизм и доблесть, не основанные на истинной вере, оказываются фальшивкой, умело используемой политиками и газетами для поддержания морального духа нации. Так, неудачник Триммер, давний знакомый Гая, благодаря своей полнейшей безликости отлично подходит для того, чтобы создать из него героя-легенду. Если интеллигент и аристократ Айвор Клэр позорным образом предаёт моральные устои поколений своих предков, то бывший парикмахер Триммер, благодаря стараниям газетчиков, пропагандирует идею о том, что спасение нации придет не от аристократов – хранителей и одновременно предателей нравственных идеалов, но из простого народа.

Все эти абсурдности жизни искусно переплетены автором и подводят главного героя к осознанию невозможности найти истину где-либо, кроме лона церкви. Роман заканчивается на разрушении иллюзий Гая и не ведет героя дальше, к обретению своего предназначения – это произойдет в завершающей части трилогии.

«Офицеры и джентльмены» не вызвали восторга британской публики, хотя достаточно хорошо продавались в Америке. Второй роман отличает

большая цельность, но и в нем оставлено слишком много незавершенных сюжетных линий и тем, а духовное паломничество главного героя обрывается на разочаровании и так и не приходит к надежде.

Помимо равнодушия к новому роману, Во также пришлось пережить ряд неприятных инцидентов, связанных с прессой, которая, как всегда, не давала писателю покоя. Его процесс против принадлежавших магнату лорду Бивербруку «Санди экспресс» и «Дейли экспресс» завершился публичными извинениями газет и выплатой солидной суммы в качестве моральной компенсации, что как раз вовремя укрепило финансовое положение писателя. К тому же после происшествия с газетчиками, пытавшимися проникнуть в его дом, он выставил Пирс Корт на продажу и искал новое пристанище.

Именно в процессе активных разбирательств с прессой Во начинает писать свой автобиографический роман, повергший публику в изумление откровенностью самокритики писателя, словно бросающего вызов прессе, заявляя, что так саркастично и откровенно об Ивiline Во не может написать никто, кроме него самого.

«Испытание Гилберта Пинфолда» («The Ordeal of Gilbert Pinfold», 1957) привело критиков в замешательство. Для каждого читателя, даже не знающего о галлюцинациях Во в ходе круиза на Цейлон, становится очевидным сходство между главным героем и его автором. Гилберт Пинфолд, писатель-католик средних лет, полностью разделяет с Во не только его вкусы, но и состояние удручающей скуки, захватившей писателя в 50-е годы: «He abhorred plastics, Picasso, sunbathing and jazz – everything in fact that had happened in his own lifetime. The tiny kindling of charity which came to him through his religion sufficed only to temper his disgust and change it to boredom»²²⁰. Во делает очень смелый шаг, особенно если учесть негативный настрой прессы и критиков, и рисует образ самого себя, максимально приближенный к не всегда приятной и лестной реальности. В галлюцинациях Пинфолда его «внутренние голоса» не

²²⁰ Waugh, Evelyn. The Ordeal of Gilbert Pinfold: The Ordeal of Gilbert Pinfold; Tactical Exercise; Love Among the Ruins / Evelyn Waugh. – London: Penguin Books, 1962. P. 14.

используют для своих обвинений и оскорблений никакой другой информации о герое, кроме как из недр его собственной души. Голоса обвинителей вытаскивают наружу и бросают Пинфолду в лицо все те страхи и чувство вины, которое копилось в нем годами, словно бы герой приводит себя на суд к самому себе; и этот автобиографический герой оказывается не таким уж неприятным субъектом, как многим казалось.

После публикации «Пинфолда» Во пришлось сопровождать на море своего давнего друга, католического священника, писателя и переводчика Библии Рональда Нокса, умиравшего от рака. Нокс назначил Во своим литературным душеприказчиком и официальным биографом, и после его смерти в августе 1957 г. Во начал работать над ей самой объемной документальной книгой, биографией Рональда Нокса. Можно сказать, что на основе истории жизни друга Во в очередной раз развивает идею поиска и обретения божественного предназначения, но на этот раз в книге преобладает атмосфера, характерная для всего позднего творчества Во – ощущение скуки и некой разочарованности, печальной меланхолии, какую можно заметить и в трилогии «Меч почета», и в «Гилберте Пинфолде».

После завершения работы над биографией Нокса Во отправляется в очередную поездку по Африке, после которой публикует книгу путевых заметок «Турист в Африке» («A Tourist in Africa», 1960), не вызвавшую особого интереса у читателей. В 1959 г. Во планировал заняться биографией прерафаэлиты Холмана Ханта, однако вместо этого решил отредактировать «Возвращение в Брайдсхед».

Весной 1960 г. Во начинает работу над третьей частью трилогии «Меч почета», которая была закончена через год и опубликована под названием «Безоговорочная капитуляция» («Unconditional Surrender», 1961). Здесь завершается путь утраты иллюзий Гая Краучбека; утративший веру католик возвращается в лоно церкви, свершает свое предназначение. Как обычно, духовное просветление героя происходит благодаря ряду трагических событий и потерь. Умирает отец Гая, идеал верующего человека, который, несмотря на

стремительно наступающий «современный век», не утратил веру. Он становится в определенном смысле святым покровителем для своего заблудшего сына. Гай, в свою очередь, снова сталкивается с полной духовной апатией, выраженной в пустых молитвах, и никакими усилиями воли не способен возродить свою веру. Подобная душевная пустота является отзвуком депрессивного настроения самого автора, и роман предлагает выход: «В сердце «Безоговорочной капитуляции» заложена истина о том, как через смиренные молитвы верующий может победить духовную лень и принять приготовленное для него Богом предназначение»²²¹.

В случае с Гаем предназначение обретает вид единственного по-настоящему бескорыстного поступка, который он совершает в своей жизни, и через этот поступок возвращает себе давно утраченный мир с Богом и с самим собой. Гай соглашается жениться на своей бывшей жене Вирджинии, к которой давно не испытывает никаких чувств, ради ее ребенка, зачатого от бесследно исчезнувшего Триммера. Вирджиния погибает при бомбёжке Лондона; Гай остается единственным опекуном чужого ребенка, заменяя ему отца. На недоуменный вопрос о смысле такого самопожертвования, Гай отвечает, цитируя слова своего покойного отца: «If only one soul was saved, that is full compensation for any amount of “loss of face”»²²².

Несмотря на общую атмосферу разочарований и неудач главного героя, последний роман, как и вся трилогия, оказывается удивительно светлым для творчества Во: Гай, начиная с духовной апатии и разрушительных иллюзий, в итоге приходит к возрождению веры и исполняет свое предназначение. Более того, Во дает герою возможность начать новую жизнь после испытаний войны, а древнему католическому роду – не вымереть: Гай женится второй раз, на этот раз на добропорядочной девушке из католической семьи, своими пристрастиями к сельскому хозяйству напоминающей Лору, и она рождает ему двоих детей. И тот факт, что фамильное поместье достанется сыну Триммера, с

²²¹ Brennan M. Op. cit. P. 125.

²²² Waugh Evelyn. Unconditional Surrender. P. 151.

одной стороны снижает пафос хорошего конца, но с другой – еще раз подчеркивает духовную значимость поступка Гая.

Закончив последний роман трилогии, Во осознает, что это было его последнее крупное художественное произведение. После написания небольшого комического произведения «Бэзил Сил опять на коне» (*Basil Seal Rides Again*), Во концентрируется на написании автобиографии. Как и «Меч почета», она должна была состоять из трех частей, однако Во успевает завершить только одну книгу «Недоучка» («*A Little Learning*», 1964), в которой рассказывает о своем детстве, семье, школьных и университетских годах и заканчивает описанием неудавшейся попытки самоубийства во время преподавания в школе.

Последним испытанием в жизни Во, по поводу которого у него уже не хватило сил негодовать активно, но которое усилило постоянно возрастающее ощущение отчужденности и отстраненности от мира, людей и даже церкви, стало решение о реформах католической литургии, принятое новым папой Римским Иоанном XXIII. Изменения, внесенные его предшественником, также разочаровали Во, но масштаб реформ II Ватиканского собора 1963-1965 гг. казался неприемлемым, рушащим вековые устои. Традиционная латынь, на которой читалась месса, была заменена на более разговорный вариант, увеличилось количество ответных реплик прихожан, что должно было подчеркнуть всеобщее участие в богослужении. Священник, до этого читавший мессу спиной к слушателям, теперь должен был стоять к ним лицом, а значит, спиной к алтарю, что в некотором смысле превращало священнодействие в событие более обыденное. С точки зрения Во, церковь поступала теми принципами, за которые умирали на эшафотах мученики. Изменения во внешней форме проведения литургии для Во были знаком глубинных перемен, которые он с трудом мог вынести, особенно в том подавленном и угрюмом настроении, которое захватило его в 50-е годы и продолжалось в начале 60-ых. В ответ на реформы он публикует краткий обзор своих религиозных взглядов,

«То же самое еще раз, пожалуйста» («The Same Again Please»)²²³, а два года спустя пишет статью в защиту консерватизма и против новой политики католической церкви «Понять консерваторов» («Understanding the Conservatives»)²²⁴. В полемике с Д. Вудрафом²²⁵, в переписке с кардиналом Хинаном²²⁶ Во выражал сомнения, что за реформой стоит Святой Дух, а не дух современности, и напоминал, что ранее в истории католической церкви она принимала жесткие ограничения в поддержку традиции.

Несмотря на попытки найти новые идеи для романа и написать вторую часть автобиографии под названием «A Little Nore», которая так и не была завершена, в 60-ые годы Во осознает, что его литературная карьера закончена. В дневниках и письмах того периода часто говорится о смерти. В январе 1966 г. он пишет Энн Флеминг: «1965 был для меня скорбным годом. Много утрат. Нет работы. Слабое здоровье. Те, кто меня любят, говорят, что я умираю, но это не подтверждается профессиональным мнением. Отец Хьюберт Ван Зеллер прекрасно выразил то, что я ощущаю: “Умереть – это все равно что вырасти. Я не несчастен. Мне просто не очень нравится быть живым”»²²⁷. Таким образом, разочарование и незаинтересованность в жизни, часто приводившие Во к поискам утешения в церкви и религии, находят последнее воплощение в ожидании надвигающейся смерти, носившей характер избавления для уставшего и свершившего свое предназначение писателя.

Ивлин Во умер 10 апреля 1966 г. после посещения пасхальной мессы в приходской церкви.

²²³ Spectator. 23 November 1962.

²²⁴ Commonwealth. 7 August 1964.

²²⁵ Д. Вудраф в мемуарах, цит. по: Pearce Joseph. Literary Converts. P. 345.

²²⁶ A Bitter Trial: Evelyn Waugh and John Carmel Cardinal Heenan On the Liturgical Changes. Ed. by Alcuin Reid. San Francisco: Ignatious Press, 2011.

²²⁷ The Letters of Evelyn Waugh. P. 719.

«Жизнь Рональда Нокса»: двойной портрет героя и автора на фоне эпохи

Из романов Во «Елена» вызывает наибольший дискомфорт у критики; однако биография «Рональд Нокс» еще реже становится предметом специального рассмотрения, потому что несмотря на благожелательные первые рецензии²²⁸, в художественном плане она вряд ли относится к лучшим страницам Во. Сам автор считал ее наиболее ответственной и трудозатратной из своих книг, своим главным трудом («*magnum opus*») и первым признавал, что у читателей книги есть законные поводы для недовольства²²⁹. Свою роль сыграла авторская критика английской католической иерархии, эта сквозная тема книги вызвала осуждение католиков. У биографов и литературоведов сложилась традиция упоминать биографию в общем очерке творчества Во как поздний бестселлер; столь же лаконична католическая критика, расценивающая сегодня книгу как «значительный успех»²³⁰ Во. Рассмотрим эту книгу подробнее.

Рональд Нокс (1888-1957) и Во были знакомы с Оксфорда, имели много общих друзей. Они подружились во время войны, когда Во, работая над «Возвращением в Брайдсхед», попросил священника проверить на неточности в описании католических обрядов главу о смерти лорда Марчмейна. Нокс стал частым гостем в Пирс Корте. Их объединяла общая любовь к языку, к игре слов, а также недовольство и отчужденность от современного мира. Нокс, как и Во, чувствовал себя пережитком давно ушедшей эпохи; как и Во, пришел в католичество в сознательном возрасте, и, как считал Во, остался непонятым и недооцененным в своей церкви.

В письмах Во можно найти свидетельства искреннего восхищения произведениями Нокса, который работал в разных жанрах, писал проповеди,

²²⁸ «Отличная биография: ясная, всегда критичная, никогда не скучная». Evelyn Waugh: *The Critical Heritage*. P. 396-397.

²²⁹ Patey. *Op. cit.* P. 342-344.

²³⁰ Allitt P. *Op. cit.* P. 36; в том же хвалебном духе пишет Джозеф Пирс (Pearce J. *Literary Converts*. P. 256).

философские трактаты, юмористические и сатирические романы, детективы, эпиграммы и стихи. Во написал о Ноксе восторженную статью в «Хорайзон», а тот, в свою очередь, посвятил Во свою книгу «Энтузиазм» («Enthusiasm: A Chapter in the History of Religion with Special Reference to the XVII and XVIII Centuries», 1950), богословское исследование взглядов верующих, утверждавших, что живут по прямым указаниям Святого Духа. В восторге от самого произведения и от оказанной ему чести, Во пишет Ноксу: «Мне прислали «Энтузиазм». Не могу с ним расстаться. Я так горжусь этим посвящением, что готов иметь копию этой книги в каждой комнате»²³¹. Во посылал книги Нокса друзьям и советовал прочитать определенные труды и проповеди священника, когда у тех возникали религиозные вопросы. Однако общественность не разделяла уверенность Во в гениальности друга, который был известен прежде всего как церковный оратор, богослов и писатель-юморист. В авторской установке, лежащей в основе биографии (Рональд Нокс – современный кардинал Ньюмен), сомневался К. Сайкс, знавший Нокса лично и считавший, что тому далеко до роли непризнанного гения. Равнодушие широкой публики к таланту Нокса расстраивало Во, и в биографии он постарался восстановить справедливость, создав в образе Нокса очередную жертву современного мира. Жалуясь на отсутствие интереса публики к Ноксу, Во пишет Энн Флеминг: «Когда люди говорят, что в Англии нет антиклерикализма, я думаю о том, какой огромной популярностью обладал бы Ронни, будь он неверующим»²³².

Издатели еще при жизни Нокса обращались к нему с просьбой написать продолжение его автобиографии «Духовная Энеида» («A Spiritual Aeneid», 1918), но Нокс возложил это поручение на Во, согласившегося стать его литературным душеприказчиком. В последней болезни Нокса Во был рядом с ним, и Нокс даже какое-то время жил в доме писателя в Ком-Флори. После смерти друга Во исполнил его поручение, работая над архивом Нокса,

²³¹ The Letters of Evelyn Waugh. P. 390.

²³² Ibid. P. 531.

встречаясь с его близкими и знакомыми, знакомясь с документами по истории церкви. Два года ушло на создание книги, которая не просто встретила благожелательный прием читателя, но принесла Во хорошее вознаграждение.

В отличие от биографии Кэмпиона, которая в силу исторической дистанции по отношению к объекту биографии читается почти как исторический роман, последняя созданная Во биография целиком опирается на документ и, конечно, на личные воспоминания автора, что, разумеется, сковывает авторскую свободу. Биография недавно скончавшегося друга, действующими лицами которой являются многие общие знакомые героя и автора, требовала от Во такта, который он постарался проявить в соответствии с жанровой нормой²³³, что обернулось известной сухостью изложения. Складу таланта Во был противопоказан панегирик; бремя этических ограничений автор пытался компенсировать как можно более полным изложением своей позиции по религиозным и внутрицерковным делам. С этой точки зрения можно рассматривать биографию Рональда Нокса как подведение итогов в плане религиозных взглядов.

Биография «Жизнь преосвященного Рональда Нокса» (The Life of the Right Reverend Ronald Knox), 1959) состоит из 3 частей, главные темы которых можно условно обозначить как «поиск предназначения», «первый шаг к совершению предназначения» и собственно «совершение предназначения». Таким образом, написанная на 20 лет позже, биография Нокса схожа по структуре с биографией Эдмунда Кэмпиона, в которой путь героя прослеживается от академической карьеры через изгнание и героизм священнослужителя к призванию мученика. И в той, и в другой биографии мученичество становится кульминацией жизни героя, хоть в случае с Ноксом оно происходит не в физическом, но в моральном, эмоциональном плане, в виде отвержения труда, который должен был стать итогом его жизни.

²³³ О соответствии «Рональда Нокса» конвенциям биографического жанра см.: Blayas Alain. Evelyn Waugh, Biographer // Waugh Without End. Pp. 91-102.

Несмотря на схожую структуру, читательское впечатление от двух биографий диаметрально противоположно благодаря изменившемуся авторскому пафосу. Смерть Кэмпiona была не поражением, но триумфом истинной веры; биография Нокса оставляет ощущение тоски и безысходности. Нокс, со всеми его заслугами и талантами, словно знаменует своей смертью конец эпохи, утрату ценностей, ключевых не только для героя, но и для автора. Несмотря на практически полное отсутствие комизма, биография напоминает ранние сатирические романы Во тем, что и здесь наивный и слабый герой обнаруживает себя беззащитным перед натиском толпы, рушащей его жизнь и идеалы, потерянным во враждебной среде. Нокс в биографии представляется такой же жертвой людей и обстоятельств и кажется, вопреки приписываемой ему святости, слабым и неспособным на что-либо реально повлиять. Биография Нокса в полной мере является выражением настроения и отношения к современности самого Ивлиина Во, голос которого слышен на страницах книги гораздо громче, чем он, казалось, сам того хотел.

Путь англиканина к католицизму

В силу свойств жанра биографии в обрисовке ее объекта присутствуют такие же элементы автопортрета автора, какие мы прослеживали в героине романа «Елена». Так же и Нокс оказывается в известной степени отражением своего биографа, что дает нам возможность через изображение героя заглянуть во внутренний мир автора.

Во начинает с углубления в генеалогию Рональда Нокса, мы узнаем богатую религиозную историю семьи героя. Родственным ему по духу оказывается его дед по матери, англиканский миссионер, движимый своим предназначением прочь от покоя семейного очага. Несмотря на свою неприязнь к протестантской вере, особенно обострившуюся в последние годы жизни, Во, насколько можно судить, вполне объективно пишет о карьере этого деда Нокса, Томаса Френча, англиканского епископа, служившего миссионером в Индии, а затем в Восточной Африке. Периодически автор подчеркивает уважение,

которое Френч питал к католикам и тот факт, что «the end of his spiritual life was fed almost entirely from Catholic sources»²³⁴. Англиканскими епископами были и дед Рональда по отцовской линии, Джордж Нокс, и его отец. Можно сказать, что религиозное призвание было у Ронни в крови, как у Ивлина Во – литературное. Однако, в отличие от Во, Нокс в молодости не сопротивлялся призванию, и только в зрелом возрасте стал сознавать, что идет по накатанной дороге англиканства, несовместимой с его совестью.

Во не останавливается подробно на детстве Нокса до его поступления в Итон. Он дает лишь набросок, в котором отдельные штрихи помогают воссоздать эмоциональную атмосферу первых лет жизни героя. Мать Рональда умерла, когда ему было 4 года, оставив шестерых детей. Их отец во второй раз женился на молодой женщине, которая, преобразила жизнь семьи: занялась образованием старших детей, устроила их в лучшие школы, стала приучать их к своим любимым писателям, к детским книгам, о которых они не имели понятия, постепенно завоевала их сердца и привнесла в дом недостающее ему тепло. Тем не менее, Во, ненавистник фрейдизма, отмечает, что некоторые из знакомых Нокса много лет спустя замечали в нем «something of the uncertainty, loneliness and persistent hunger of the heart which springs from a motherless childhood» (32), и сам подчеркивает, что для продуктивного труда Ноксу требовались любовь и поддержка окружающих. Подобная особенность, или слабость, – потребность в любовной атмосфере – контрастирует со складом характера самого Во, который буквально подпитывался конфликтами и распрями. Нокс же с самого начала представляется человеком мягким, часто зависимым от мнения окружающих, что Во делает частью особенной святости, сверхъестественного смирения героя.

Десятилетний Ронни пишет для семейного журнала длинную, запутанную пьесу на латыни, сюжет которой разрастался с каждым новым номером, а в 12 лет сочиняет стихи, используя различные стили и размеры. Страсть к языку и

²³⁴ Здесь и далее цитируется издание: Waugh, Evelyn. *The Life of Right Reverend Ronald Knox / Evelyn Waugh*. – Penguin Books, 2011. P. 9. Номера страниц указываются в тексте в круглых скобках.

овладению различными литературными жанрами начинает проявляться у Нокса уже в детстве, раньше и очевиднее, чем тяга к религиозной карьере. Два этих стремления будут развиваться параллельно и в итоге сплетутся воедино. Во, приводя примеры детских опусов Нокса, обращает внимание на первичность в герое литературного таланта.

Итон предоставил подростку идеальную атмосферу для самораскрытия. Привязанность героя к Итону, даже более крепкую, чем любовь Нокса к Оксфорду, Во объясняет уникальным отношением школы к своим ученикам: «Most candid Englishmen recognize it as a school sui generis [...] which while correcting affectation allows genuine eccentric to go his own way unmolested; which nourishes its rare favourites – among whom Ronald was immediately numbered – in a rich and humane traditional culture which admits no rival» (52). В портрете Нокса в школьные годы уже сквозит определенная противоречивость, причиной которой может быть либо недосказанность, либо апологетические установки автора, который каждую особенность характера героя оправдывает его лучшими побуждениями. Возникает противоречие между прямыми авторскими характеристиками («singularly sweet-tempered, merry, modest, affectionate and open», 45) и тем, что сообщается о герое на основе документов: «his letters home [...] are rather cool in tone and often humorous in intent, alternating a parody of nursery speech with an extravagant pedantry» (62), о его умении держать дистанцию с друзьями. Автор восхищается завидным, редким даром Ронни – располагать к себе самых разных людей и при этом не становиться заложником своей к ним привязанности: «at no stage of his life did he seek friends; they sought him» (61). Так, полагает Во, в герое проявляется желание оградить свою духовную жизнь и отношения с Богом от возможных соперников в виде человеческих привязанностей. Нокс в молодости производит впечатление человека замкнутого, боящегося близости с людьми, стремящегося к одиночеству и одновременно страшящегося его, и, несмотря на все таланты и академические успехи, нерешительного и слабовольного.

Используя в качестве основного источника автобиографию Нокса «Духовная Энеида» («Spiritual Aeneid» 1922), Во сосредоточен прежде всего на религиозной эволюции героя. Сам Нокс считал Рождество 1903 г. рождением его новой веры, хотя вступит он в католическую церковь только в 1917 г. Отказ от церкви дедов и отца был длительным и мучительным процессом. В 1903 г. Нокс прочитал сборник рассказов недавнего выпускника Итона Р.Х. Бенсона (1871–1914) «Невидимый свет» («The Light Invisible», 1903), книгу, по мнению Во, слабую. Бенсон был сыном главы англиканской церкви архиепископа Кентерберийского, и его переход в 1903 г. в католичество стал сенсацией. Мистическая фантастика Бенсона впервые пробудила в Ноксе интерес к комплексу католических идей: «it presented Ronald for the first time with the ideas of the Virgin Mary as a central figure of devotion and of the priesthood as a peculiar state whose function was not primarily administrative, exhortatory or exemplary, but sacramental. The idea came to him in picturesque trappings and (he was not yet sixteen) fired his imagination» (74). Отметим, что Во вновь акцентирует здесь свои идеи о функциях католического священника.

В целом, картины Итона в биографии – это аналог оксфордской Аркадии Чарльза Райдера. Нокс не хотел оставлять сень школы и вступать во взрослую жизнь; его характер и склад ума больше всего подходили для того, чтобы навсегда остаться в эфемерном мире академических успехов и литературных кружков: «Ronald had no desire to grow up. Adolescence, for him, was not a process of liberation or of adventure. Manhood threatened him with tedious duties and grave decisions. His mind had flourished and matured while his heart was still a child's» (88). Причины и последствия этой своеобразной ретардации развития многих выпускников ведущих частных школ Британии уже проанализированы в критике²³⁵, и случай Нокса, таким образом, вовсе не является исключением.

Нерешительность и застенчивость в сочетании с эрудицией и глубиной мышления составляют ту особенность характера Нокса, которую Во в

²³⁵ См., напр.: Cunningham Valentine. British Writers of the Thirties. Oxford: Clarendon Press, 1988. P.118-136.

дальнейшем часто называет святостью, и которая привлекала к нему людей. Хотя бы тот факт, до конца своих дней для большинства знакомых, в том числе для студентов, он оставался «Ронни», говорит с одной стороны о мягкости в хорошем смысле, с другой – о некой мягкотелости, которая затем проявится в неспособности быстро и твердо принимать сложные решения. Даже портрет молодого Нокса, который рисует Во, кажется, принадлежит человеку мягкому до слабохарактерности и осторожному до нерешительности: «At eighteen, and for many years later, Ronald looked less than his age and rather less than his moderate height. He appeared in Oxford as a frail, slightly drooping figure with a prominent nose, a heavy under-lip which his pipe accentuated, an unobtrusive chin, large eyes» (89).

В Оксфорде, где Нокс продолжает образование, он принимает участие во многих дискуссионных клубах и литературных обществах, повсюду являя пример остроумия и красноречия, но по-прежнему остается в более глубоком смысле одиночкой. В Оксфорде развивается и любовь Нокса к языку. Именно в шлифовке стиля речи больше, нежели в формировании мышления, Во видит главную заслугу дискуссионных клубов, которые посещал Нокс в университете. Именно там он начал отрабатывать свое мастерство, которое из устной речи постепенно перешло в письменную: «Ronald never wrote a sentence, however subtle the meaning, in which the reader loses his way and has to turn back to recover the thread of its construction» (108).

В последний год учебы в университете он становится священником англиканской церкви несмотря на то, что его религиозные взгляды Нокса все еще претерпевали изменения и все больше тяготели в сторону католицизма, отдаляясь от протестантских догматов его отца, который, будучи епископом и весьма активным членом англиканской церкви, позже винил себя за то, что не смог удержать своих детей в рамках собственного богословия.

Во не углубляется в причины того, почему Нокс «стал церковником», хотя его академические успехи открывали ему выбор среди множества перспектив. Автор замечает лишь, что Нокс сказал все, что считал нужным, в

своей автобиографии, к которой нечего добавить. Во, однако, добавляет свою оценку известности, приобретенной Ноксом сразу на нескольких поприщах: «he made himself known throughout the country as the leading writer and preacher of the extreme Anglo-Catholic Party; the period in which he brought to its highest polish one of his literary skills» (124). Литература во всех ее разнообразных проявлениях оказывается лишь частью религиозного призвания Нокса. Пусть в предисловии Во утверждает, что стремился создать портрет Нокса в первую очередь как литератора; на деле в биографии эта часть жизни героя предстает как составляющая более широкого религиозного служения.

Однако столь успешный с точки зрения карьеры период начался не с самого приятного для Нокса события. В ожидании, пока освободится место в Оксфорде, Нокс стал домашним учителем брата одного из своих друзей по Итону. Молодой человек, которого Во на протяжении всей книги называет «С.» (как называл его сам Нокс в своей автобиографии), в итоге стал одним из самых близких друзей Нокса и одним из первых, кто принял католичество под его влиянием²³⁶. Однако интерес С. к религии обеспокоил его родителей-нонконформистов, и Нокс был поставлен ими перед выбором: либо не говорить со своим подопечным о религии, либо отказаться от должности, что он в итоге и сделал. Крайнюю болезненность этого инцидента для Нокса Во объясняет ранимостью гения: «This more than normal tenderness was the inseparable companion of his genius» (127). Как будет видно в дальнейшем, эта почти детская ранимость сыграет свою роль, когда Нокс столкнется с непониманием в католической церкви. Хотя позиция Во такова, что церковь должна была знать, с кем имеет дело, и бережно хранить талант Нокса, автор подобными эпизодами готовит описание будущего психологического развития героя, подчеркивая его уязвимость для критики.

²³⁶ Это был Гарольд Макмиллан (Harold Macmillan, 1894–1986; с 1984 г. 1-й граф Стоктонский), британский политик-консерватор, 65-й премьер-министр Великобритании с 1957 по 1963 г. Об этом эпизоде рассказал в мемуарах «Winds of Change, 1914-1939». L.: Macmillan, 1966.

Самое очевидное противоречие в жизни Нокса этих лет – между его давно и явно прокатолическими взглядами и занимаемой должностью капеллана англиканской церкви. Во пишет об уверенности Нокса в истинности католицизма: «He, who suspended judgment in so many less important matters and in practical affairs often shrank painfully from a decision [...] never for a moment doubted that Catholicism, was, and must be, the historical Faith of Christendom» (128). Подобная уверенность была присуща и самому Во с самого момента его обращения и до конца жизни. Однако при такой убежденности Нокс нес служение в другой церкви, по его мнению, заблуждавшейся. В бытность англиканским пастором он воспринимал себя как «двойного агента», реально служащего истине, то есть католичеству.

Таким образом, Нокс этого этапа – одновременно конформист, априори принимающий государственную и семейную церковь, и католический миссионер в ее рядах. Его служение в англиканской церкви в биографии предстает как самопожертвование ради заблуждающихся людей, насильно удерживаемых государством в неистинной церкви. Церковь нуждается в возвращении к корням, и, кажется, именно с этой целью, с целью «романизировать» отколовшуюся от истинной церкви ветвь христианства, Нокс оставался служить в ней. В таком случае в его образе прослеживается очередная параллель с Эдмундом Кэмпием. Фактически, обе эти биографии имеют дело с конфликтом между истинной и гонимой (в случае с Ноксом – непопулярной) церковью и церковью заблуждающейся, но имеющей власть и престиж. Две эти истории разделяет промежуток в три столетия, но в центре повествования человек, священник, ученый и мученик, выступающий за истинную веру посреди господствующего лжеучения. Конечно же, стоит отметить, что подобное сходство весьма условно и имеет отношение лишь к первой части биографии Рональда Нокса; затем сюжетная линия меняет направление и помещает героя в конфликтные отношения с его собственными единоверцами, что расширяет и усложняет тематику, заданную еще в «Кэмпие». Словно бы 20 лет, разделяющих написание двух биографий,

углубили восприятие ситуации самим Ивлином Во и раскрыли ту сторону действительности, которая еще не была заметной для него в начале его религиозного пути.

Также, несмотря на явное желание Во придать образу Нокса ореол трагизма, в нем нет героического начала, которое есть в образе Кэмпiona. Как ни интерпретируй характер Нокса, он не герой, в нем не хватает решительности и стойкости, необходимой для героических поступков. Интересно в этой ситуации то, как, за неимением реальных подтверждений героизма Нокса, автор манипулирует деталями, акцентируя одно и опуская другое, как вплетает в по видимости объективное повествование свои личные оценки не только Нокса, но и окружающей его среды, церкви, общества и политики. Таким образом, по мере развития сюжета автор, якобы из повествования удалившийся, начинает все более активно проявляться в тексте. Возможно, что такое незапланированное присутствие рассказывает об Ивiline Во больше, чем его статьи, эссе и письма, в которых он намеренно конструировал определенный образ самого себя, необходимый для поддержания продуманного общественного имиджа. Критики почувствовали даже некоторую неловкость от такого необычно открытого для Во проецирования себя на своего героя. Энгус Уилсон выразил это так: «Это портрет, по настроению абсолютно созвучный «Вооруженным людям» и «Офицерам и джентльменам»²³⁷.

Также важен тот факт, что Нокса и Во объединяло общее уныние по поводу направления развития английского общества. Нокс, как и Во, чувствовал себя пережитком уходящей эпохи, на смену которой приходил век активной секуляризации, развития массовой культуры и деградации демократии. Все это было чуждо и Ноксу, и его биографу настолько, что вгоняло обоих в состояние тоски и отчужденности. Во словно заново проживает в истории покойного друга путь разочарований, подчеркивая те моменты, в восприятии которых он был с Ноксом солидарен.

²³⁷ Evelyn Waugh: Critical Heritage. P. 408.

Отношение Нокса к вере было и оставалось строго ортодоксальным: «He never saw it [Faith], as did many of the contemporaries with whom he now took issue, as an agglomeration of history and fable, of hints and shadows of Truth, of vestigial philosophic notions and dark superstitions from which anyone could pick at will whatever he found agreeable, and discard the rest. He was for some years uncertain where he could find the authority which guarded and administered the Faith, but he always recognized it as a single, indivisible whole (128).

Во также отмечает консервативное отношение Нокса к порядку службы в католической церкви. Описывая привязанность Нокса к привычной ему литургии, Во фактически перечисляет те нововведения в церкви, которые доставляли беспокойство ему самому и делали посещение богослужений больше обязанностью, чем отрадой: «He saw the relaxation of the eucharistic fast and the irruption of the laity into the liturgy; he saw ecclesiastical architects turn their backs on the Mediterranean and follow the stark, proletarian fashions of the north. [...] But his vexation was merely part of the general conservatism of his tastes. It had nothing to do with his religion, which was founded on biblical scholarship, theological orthodoxy and mental prayer» (132). Реформы, перечисленные Во в этой цитате, несут оттенок заигрывания с современностью; эти реформы отражали укоренявшуюся в обществе идею того, что церковь должна служить людям, а не люди – церкви. В демократическом мире и церковь должна подстраиваться под людей, а не наоборот. Это определенно шло вразрез со взглядами Во и Нокса на то, что, во-первых, католицизм всегда был и остается истинной ветвью христианства и не должен претерпевать изменений. Во-вторых, вера должна приниматься как единое целое, полностью, а не частями, и потому не должна подстраиваться под меняющиеся вкусы и взгляды общества.

Однако реформы внутри католической церкви можно считать лишь незначительным неудобством по сравнению с веянием, которое как Нокс, так и Во, как впрочем и все ортодоксальные богословы, считали главной опасностью современного христианства. Речь идет о «модернизме» (терминология Во; традиционно – «христианский либерализм»), богословском направлении,

которое зародилось в XIX в. и оставалось актуальным для христианских мыслителей на протяжении XX столетия²³⁸. Многие идеи богословского модернизма продолжают менять лицо протестантизма на Западе и в XXI в. Он разделил протестантских богословов на либералов и фундаменталистов. Суть его заключается в идее о том, что религиозный опыт как таковой субъективен и основывается на эмоциональных переживаниях человека (отсюда еще одна дефиниция направления – «субъективизм»). Из исходного тезиса следует, что невозможно существование такого богословия, которое было бы истинным для всех людей во все времена, то есть истина является относительной. Христианство тогда становится лишь системой нравственных правил и установок (столь же относительных) и мало чем отличается от светского гуманизма, который Во считал первым врагом веры, потому что гуманизм допускает возможность существования доброго начала в человеке без Бога.

Ивлин Во еще в биографии Эдмунда Кэмпиона прослеживал развитие этих пагубных для христианства идей от эпохи Реформации, которая высвободила разум людей из-под власти церкви для самостоятельного (а значит, потенциально субъективного) восприятия Библии и в итоге с течением времени привела к крайности богословского субъективизма. «Ересь» модернизма мало затронула католическую церковь благодаря жестким мерам по ее осуждению и искоренению, принятым папой Пием IX еще в середине XIX в. Однако многие англиканские богословы были заражены ею. «Англиканский» период жизни Рональда Нокса был отмечен полемикой с молодыми богословами, распространявшими идеи модернизма: «In 1911 his close association with Anglican theologians of different schools convinced him that the prime danger to his Church was not Protestantism but Modernism. He foresaw that in

²³⁸ Попытка инкорпорировать в христианство достижения естественных наук, в основном со стороны протестантских теологов. «Отцом христианского либерализма» считается Ф. Шлейермахер; его попытку установить новые основания для теологии подхватили А. фон Харнак, Пауль Тиллих и др. Католичество намного меньше подвержено подобным веяниям. См.: Machen J. Gresham. *Christianity and Liberalism*. (1923). New Edition / Foreword by Carl E. Trueman. – Cambridge: Eerdmans Publishing? 2009. Критический анализ основных идей и направлений христианского либерализма см. на сайте Всемирного библейского общества <https://bible.org/article/liberalism>.

a short time the Anglican hierarchy would allow all the disputed ritualistic practices which congregations wanted. He feared that their tolerance would be extended to doctrinal aberrations» (134).

Важно понять, что модернизм не просто разрушает идею Абсолюта как такового, ключевую для христианства, но и действует более тонко, утверждая, что принимать истину нужно не разумом, но «сердцем», то есть чувствами. Таким образом, вера становится уже не верой в Бога и отношениями с Ним на Его условиях, но эмоциональным откликом, субъективным чувственным переживанием, не имеющим ничего общего с доверием объективной непреложной истине, и безусловным принятием последствий такого доверия. Истинная вера, в понимании ортодоксальных католиков (как и любой нелиберальной христианской конфессии), основана не на субъективном опыте, не на эмоциональном всплеске как ответе на какое-либо духовное переживание или событие, но на полном и безоговорочном принятии истины во всей ее полноте, даже если это не приводит к постоянным и сильным чувствам. Именно к такой вере стремился сам Ивлин Во, которому любая духовная дисциплина стоила усилий и чье изначальное решение обратиться в католичество было связано в первую очередь с доводами разума. Очень схоже Во изображает в биографии религиозную жизнь Рональда Нокса.

Прокатолически настроенный Нокс всячески отодвигал решение о переходе в католическую церковь. Как пишет Во, «His acute logical mind, which would have seemed to lead him in only that one direction, was delighted to exercise itself in ingenious justifications of his position. The happiness of his Oxford friendships seemed to lack nothing for completeness» (156). Во замечает, что главным препятствием могла быть сентиментальная привязанность к кругу друзей, отношения с которыми должны были неминуемо измениться, решишь Нокс на официальную смену религии. Самыми сильными из дружеских связей были отношения с ранее упомянутым С. и еще одним студентом, Гаем Лоуренсом, дружбу с которым Во называет «сильнейшей привязанностью молодых лет Рональда» («the strongest human affection of Ronald's early

manhood», 152). Кроме того, надо принять во внимание популярность Нокса как проповедника и лектора в англиканской церкви. Именно в эти годы он достигает пика своей мирской славы. Для решения о переходе в католическую церковь ему требовался внешний толчок, и таким толчком стала Первая мировая война, заставившая многих людей его поколения переосмыслить свои ценности.

Повествование о военном времени выделено Во в отдельную часть биографии. Это переломный момент в судьбе героя. Именно в этот период Нокс ощущает кризис веры и в итоге решается на смену конфессии; это же время характеризуется наибольшими эмоциональными потрясениями, и потому эта часть биографии, хоть и небольшая по объему, на наш взгляд, является самой захватывающей и напряженной, словно что-то в событиях жизни Нокса, до того безмятежной и размеренной, затронуло воображение автора.

Рональд Нокс в католической церкви

Вторая часть биографии под названием «Сдерживая Армагеддон» («Keeping an Armageddon») искусно переплетает атмосферу кризиса политической жизни Англии с описанием сомнений и переживаний Рональда Нокса. Первая мировая война, захватившая сердца молодых англичан патриотической волной и в итоге обернувшаяся для Англии чудовищной катастрофой, для Нокса и многих его современников стала духовным потрясением, заставившим переосмыслить свою веру.

Кроткий Нокс не обладал типом героизма, который необходим для войны; героизм для него в первую очередь заключался в самопожертвовании, для чего участие в военных действиях было вовсе не обязательным: «Gallantry he considered an attractive physical quality, like good looks; something very remotely connected with the Christian virtue of fortitude. [...] The acts of heroism which he admired were acts of self-sacrifice» (162).

В том, как молодые люди его поколения ринулись на войну, оставляя учебу и работу, Нокс видел прежде всего нарушение порядка вещей: «Here was

everyone going down before his Schools, leaving his chosen calling for entirely unsuitable profession of arms» (162). Подобное скептическое отношение к решениям своих друзей, студентов и коллег, оставить университеты и школы ради военной службы совсем не похоже на то, с каким рвением сам Во, в отличие от Нокса, человек безрассудно-смелый, пытался попасть в армию в 1939 г., не похоже и на отношение Гая Краучбека к войне. Описание Нокса в 1914 г. больше напоминает Во конца Второй мировой войны, уже осознавшего, что, выражаясь словами самого Нокса, «a man's first duty is to his plans» (162), а если более точно, то первая обязанность человека – быть верным своему предназначению, в его случае – оставаться священником и заботиться о душах людей во время политической катастрофы. В отказе Нокса участвовать в военных действиях Ивлин Во 1950-ых годов видит верность своему призванию, а также раннюю мудрость своего героя.

Основной причиной Нокса не идти на войну была убежденность в том, что священник не должен подвергать себя риску оказаться убийцей и почувствовать жажду крови, с чем неизбежно соприкасается солдат. Подобный совет Нокс дал Гаю Лоуренсу, но тот ушел на фронт. Некоторые друзья-священники пытались попасть на фронт в качестве солдатских капелланов, однако Нокс отдавал свою дань войне, каждый день проводя по 6 часов в молитве за свою страну, солдат, церкви, раненых, пленных. Оксфорд опустел. Нокс тоже покинул город для того, чтобы заменить одного из ушедших на фронт друзей в должности учителя в школе Шрусбери, как поступали многие университетские преподаватели, замещавшие учителей призывного возраста.

Двое самых близких для Нокса людей, С. и Гай Лоуренс, уходят на фронт и там обнаруживают себя отрезанными от церкви. У них больше не было возможности, как в Оксфорде, прятаться за прокатолическим крылом протестантизма, теперь такие нюансы религиозных позиций уже не имели значения. Война ускорила те решения, которые в мирное время заняли бы много лет. В итоге и С., и Гай сообщили Ноксу о своем намерении перейти в католическую церковь. Внезапность их решений отрезвила Нокса. Хотя он

полагал, что обладает особой миссией внутри англиканской церкви, перед ним встал вопрос о том, честно ли, правильно ли ассоциировать себя с той религией, которую, не идя против совести, не можешь посоветовать человеку, находящемуся на грани жизни и смерти.

С этого момента начинаются мучительные размышления Нокса. Во приводит отрывки из дневниковых записей, в которых Нокс взвешивает аргументы за и против того, чтобы перейти в католичество, и особо отмечает те из них, в которых речь идет о личных отношениях, о мнении окружающих: «You'll no longer feel you ought to be edifying your friends more: you'll no longer be able to work among the kind people you like. Your fellow-priests won't be married: but they'll be much more vulgar» (175-176).

Через два года колебаний Нокс оказался на пороге утраты веры вообще. Он перестал принимать приглашения проповедовать и свел свою религиозную деятельность до минимума. Один из друзей Нокса, англиканский священник Морис Чайлд, призывал его принять решение, каким бы оно ни было, как можно скорее: «He realized, better than Ronald, that he was in danger of total loss of faith» (198). В поисках совета Нокс обратился к их общему с Во знакомому, католическому священнику отцу Сирилу Мартиндейлу, и изъявил желание перейти в лоно католической церкви, однако отец Мартиндейл ответил, что нежелание оставаться в англиканской церкви еще не является причиной для перехода в католичество. Нокс осознал, что теперь уже точно не сможет оставаться в англиканской церкви. Теперь он должен выбирать между агностицизмом и католицизмом.

Во утверждает, что никакие другие причины, кроме убежденности в божественном авторитете католической церкви не привлекали Нокса к ней. Он занимал привилегированное положение в Высокой церкви, был одной из ее надежд. Большинство же католиков, в том числе священников и епископов, были людьми не его круга, не его уровня образования, не его вкусов: «He had grown up to believe with the Anglican friends that, except for a few illustrious

converts, the Roman clergy were a rough and rather tricky lot. He now sought to identify himself with them completely, eschewing all religious dandyism» (226).

Осознавая, что положение его становится критическим, Нокс решает посетить аббатство Фарнборо, о чем Во пишет: «His purpose at Farnborough was not to pray for guidance in choosing between two forms of Christianity, but to pray for the gift of Christian Faith» (200). Именно после посещения аббатства в 1917 г. Нокс принимает католичество, о чем Во сообщает, цитируя записи из дневника одного из аббатов Фарнборо: «19th Mr Knox has made up his mind to become a Catholic. Fr Abbot is going to receive him in a day or two. 22nd Mr Knox was received into the Church by Fr Abbot after the Conventual Mass» (201).

Нежелание Во входить в психологию обращения сказывается в том, что он не воспользовался ни одной из красочных подробностей, с которыми описывает этот период Нокс в «Духовной Энеиде» (что именно он читал в эти дни; как с ним случилось единственное в жизни эмоциональное «озарение», в его опыте момент, самый близкий к мистическому переживанию; как поздравляли его монахи после обряда)²³⁹. Во предпочитает косвенное свидетельство, оставаясь верным своим принципам в изображении действия благодати.

Вопреки опасениям Нокса, знакомые и друзья отнеслись к его обращению спокойно: «All were uniformly kind. No one imputed caprice or impetuosity, all attributed the highest motives to him» (202). Его окружение было давно готово и даже ожидало этого. Отсутствие негативной реакции со стороны друзей и коллег снижает то ощущение трагизма, которое на протяжении многих страниц нагнеталось автором. Нокс, наконец, освобождает свою совесть и встает на путь истинного служения Богу.

Следующая третья часть биографии «Скрытый источник» («Hidden Stream»), самая большая по объему, посвящена служению Нокса в католической церкви, его литературной деятельности и тому, как он, вопреки непониманию и равнодушию окружающих его единоверцев, пытался

²³⁹ Knox Ronald. A Spiritual Aeneid. N.Y.: Sheed and Ward, 1958. Pp. 193-194.

совершить свое предназначение. В этой части, показывающей Нокса как мученика, Во наиболее очевидно вплетает свои собственные оценки и рассуждения в текст, который только кажется беспристрастным. Автор переходит к описанию того этапа жизни Нокса (и параллельно всей Англии), свидетелем которого был сам и который часто приводил его к депрессии. Настроения автора и героя, таким образом, звучат в унисон, и многие отрывки, содержащие оценочные суждения по поводу состояния культуры, общества, церкви и эпохи в целом, можно безошибочно приписать не Ноксу (т.к. мы не видим подтверждения подобных точек зрения в его собственных писаниях), но самому автору. Впрочем, на основании их дружбы можно предположить, что мнения Нокса и Во нередко совпадали.

С переходом Нокса в католическую церковь начинается новый этап его духовной жизни, которая во многом совпадает с отношением к вере самого автора. Обращение Нокса напоминает возвращение домой усталого путника, которому давно надоела дорога и который ищет пристанища. Несмотря на предшествовавшие годы сомнений, с принятием твердого решения он словно бы освободился от всех своих мучительных мыслей и вошел в новую колею: «He was exhilarated by little of the proselytizing zeal commonly attributed to converts. He had found what he sought, interior peace» (209). Если раньше атмосфера захваченной войной Англии совпадала с состоянием души героя, то теперь они противоположны, что подчеркивает контраст между внешним смятением общества и внутренним спокойствием Нокса: «In the dark and hungry winter of 1917, when there was no good news from any front, he worked calmly» (210).

Еще в предисловии Во предупреждает читателей, что знал Нокса в первую очередь как литератора, никогда не был у него на исповеди, а сам Нокс не говорил о своей духовной жизни («he was very reticent about his spiritual life», 214). Во конструирует ее, пользуясь письмами Нокса и свидетельствами других людей, выбирая, естественно, наиболее эмоциональные моменты, когда в начале своего пути католика Нокс ощущал присутствие Бога: «he then

experienced an exultation in the Divine Presence and a nearness to God analogous to breathing and to a physical perception of the flutter of wings» (214). Подобные яркие впечатления, однако, быстро уходят, и духовная жизнь Нокса на протяжении последующих лет, насыщенных служением и работой для Бога и церкви, стала сухой: «very often dry and laborious» (215). «Consolations», эмоциональные переживания Бога, воспринимаемые католиками как утешения во время трудных этапов жизни, были даны Ноксу во время его обращения, но затем он должен был полагаться целиком и полностью на свои убеждения, а не на эмоции. Во считает это доказательством истинной веры, возникшей не из порыва чувств, а из отклика разума, и также доказательством силы веры Нокса, который способен был оставаться верным без каких-либо эмоциональных утешений: «Mystical writers agree that it is a common, if not universal, sign of advance in the spiritual life when ‘consolations’ are withdrawn, and the soul is left without any sensible delights often for very long periods» (215).

В изложении Во, гибель на фронте Гая Лоуренса в 1918 г. становится для Нокса частью испытания, заключающегося в ощущении полного душевного одиночества и безраздельной посвященности одному Богу, что было необходимо для свершения Ноксом его предназначения, каким бы оно ни оказалось: «Lawrence’s death completed the annihilation of all the human happiness Ronald had found for himself. He was now a stranger in the world, but in his new found spiritual strength he was able to accept the wreck of his human affections with a submission which surprised him» (217).

В интерпретации Во одиночество было для Нокса необходимой жертвой для того, чтобы посвятить себя полностью и без остатка служению Богу. Каждый новый этап отчуждения от окружающих предстает как новый шаг к свершению предназначения. Получается, что человеческие любовь и почет, достававшиеся Ноксу в англиканской церкви, были отвлечением от главного дела его жизни, а в церкви католической Нокс постепенно остается один на один со своим призванием. Одиночество преподносится автором как жертва героя на пути к своему предназначению, и потому носит оттенок трагизма,

признаки мученичества: «He was being prepared for his new vocation by the severance of every early association, and he was strengthened to accept God's will for him» (218).

После известия о смерти Гая мрачное внутреннее состояние героя снова контрастирует с атмосферой ликования Англии, одержавшей на войне победу: «While the crowds were singing and drinking and embracing in the streets, Ronald set alone in his quiet room in the Oratory. 'There is a rumour here that they have signed an armistice,' he wrote wryly to a boy at Shrewsbury» (218). Между душевным состоянием Нокса и общества всегда подчеркивается диссонанс, и его отделение от людей кажется намного более глубоким и непоправимым, чем просто расхождение во взглядах. Он словно бы вечно промахивается мимо того настроения, которое преобладает в обществе, и оттого представляется еще более отчужденным, идущим своим собственным путем в одиночку не только в церкви, но и в мире в целом.

Отдельным аспектом новой жизни Нокса, который Во сделал трибуной для выражения собственных мыслей, стали его отношения с руководителями католической церкви, под началом которых он должен был теперь служить и работать, от которых зависело помочь или помешать ему раскрыть свой потенциал священника, проповедника и писателя. Во, на раннем этапе своей религиозной жизни и писательской карьеры переживший негативный опыт в отношениях с католическим руководством и прессой, воспринял биографию Нокса как возможность отомстить за те давние обиды, поэтому некоторые ситуации из жизни героя можно назвать художественно преувеличенными, а отдельные портреты – близкими к отрицательным персонажам сатирических романов Во.

Одним из таких персонажей становится глава католической церкви Англии, архиепископ Вестминстерский кардинал Борн, который принял Нокса в церковь и на протяжении многих лет руководил его служением. Описание Борна у Во граничит с личным оскорблением и было воспринято как неприемлемое в католических кругах. Во, такой мягкий по отношению к Ноксу,

в образе Борна дает волю сарказму: «Devout, industrious, well-instructed, the Cardinal was quite devoid of anything which would have passed for scholarship, taste of humour in Ronald's Anglican circle. He had no felicity of expression in speech or writing. His upbringing had been peculiarly narrow [...] He knew no life except that of religious institutions; he had no acquaintance that was not professional and official. Moreover, he combined a genuine personal humility with an exceedingly lofty conception of the dignity of his position and with an absolute confidence in all his opinions (which he believed to have been revealed to him in prayer)» (211-212).

Помимо несимпатичных портретов отдельных священнослужителей, Во рисует и общую картину состояния католической церкви. Его отношение к ней видно в описании отношения к церкви самого Нокса. В отличие от официальной церкви Англии, которая разделяла со страной славу всех ее побед и была частью государственного аппарата, католическая церковь в восприятии Во не должна была иметь ничего общего с политикой, и единственной ее целью было хранить и провозглашать истину, являясь, таким образом, носителем не государственного, но божественного авторитета. Переход в католическую церковь не предвещал никаких земных благ, ни славы, ни положения; более того, в случае с Ноксом, как и с Во, он шел вразрез с их эстетическими вкусами: «He became a Catholic in violation of all his tastes and human sympathies, in obedience to his reason and in submission to what he recognized as the will of God. He asked from the Church only priestly orders and the right to do her bidding, but in many ways he knew less than the average well informed Protestant layman of her physical life» (225). Церковь для Нокса становится единственным путем достижения Бога, единственным положением, в котором его служение Ему будет принято и законно. То, как церковь была устроена, как управляема, имело для него второстепенное значение как нечто внешнее, не имеющее особого отношения к внутренней сути церкви как носителя Божьего авторитета. Смирясь перед различиями во вкусах и взглядах, которые разделяли его со многими единоверцами, Нокс не стремился выделяться, но, учитывая свои знания и умения, хотел принести максимум пользы.

Однако у кардинала Борна были свои планы на столь неординарного новообращенного. Мечтой архиепископа было преобразовать католический колледж Сент-Эдмундз, в котором он сам когда-то учился, в учебное заведение, по уровню образования не уступающее Итону, и именно туда был направлен Нокс, сначала для знакомства с обычаями католической церкви сроком на два года. Однако затем этот срок растянулся до семи с половиной лет, в течение которых Нокс работал в колледже преподавателем. Целью этого назначения было не только улучшить качество преподавания в школе, но и привлечь внимание общественности, разрекламировать новый проект кардинала.

Во время работы в Сент-Эдмундз Нокс фактически вел двойную жизнь: за пределами школы его знали как блестящего проповедника и оратора, а в школе он вынужден был преподавать детям, что было неизмеримо ниже его квалификации. Его присутствие способствует росту известности колледжа: «He was needed for the new campaign of publicity. ... The authorities were solicitous that Ronald should spread the fame of the College by inviting there at other times some of his more influential acquaintances» (236). Это мелкое политиканство церкви автор явно осуждает.

Помимо столь серьезных обвинений в адрес руководителей церкви, Во выносит и более мелкие, но показательные и тесно связанные с его собственными отношениями с церковью. Он упоминает эпизод, в котором Нокс играл роль диктора шуточного выпуска новостей на радио Би-би-си и объявлял различные нелепые новости; в итоге Нокс получил выговор в виде обличительной статьи в газете «Тэблет», той самой, что подняла скандал вокруг романа Во «Черная напасть». Автор, как видно, прекрасно помнит об атаках Олдмедоу, что следует из его характеристики газеты: «*The Tablet* had sunk to an ignominious place in the last twelve years of the reign of cardinal Bourne. [...] In 1923 it fell to Cardinal Bourne to appoint a successor. He chose a man of meager attainments and deplorable manners, under whom the paper became petty in its interests and low in tone» (318). И хотя Во не называет имени, в описываемом грубияне нетрудно узнать Эрнеста Олдмедоу.

Через семь лет стало очевидно, что надеждам кардинала Борна на популярность колледжа Сент-Эдмундз никогда не сбыться, тем не менее, он не торопился предлагать Ноксу другую должность. Попытки вмешательства друзей были неудачными. Кардинал Борн желал продержат его там до окончания этого педагогического эксперимента, на что Нокс в одном из писем мрачно заметил: «If I am to stay here till the ‘experiment’ succeeds, I fancy I shall be here for the rest of my lifetime or his» (261). Только Ф. Уркхарту удалось воздействовать на кардинала. В 1926 г. католический капеллан Оксфорда ушел на пенсию, и Рональд Нокс, с облегчением покинув Сэнт-Эдмундз, принял эту должность.

Следующие 13 лет жизни Нокса, проведенных в Оксфорде в должности капеллана, выделены Во в отдельную главу. Миссия Нокса в Оксфорде состояла в том, чтобы наставлять и защищать от заблуждений студентов-католиков; таких в университете было чуть больше сотни. Это был единственный период жизни, когда у Нокса был свой дом, который он держал всегда открытым для посетителей. В это же время наиболее ярко проявились способности Нокса к апологетике, потому что самым опасным для студентов-католиков, как он понял, были не соблазны англиканской церкви, но обилие антихристианских идей, которые в «джазовые двадцатые» заполнили публицистику, радио, дискуссионные клубы и в целом умы молодежи. Во описывает хорошо знакомые ему 30-ые годы как время политического безумия, когда Ноксу удалось остаться в стороне от ожесточенных споров вокруг социализма, пацифизма и коммунизма: «He kept clear of politics and that, in the mood of the time – a debilitating rancor that sprang from private fear rather than from any generous indignation – was a positive achievement requiring notable sagacity, patience and courtesy» (296). Главным в описании 1930-х гг. для Во становится то, что политика разделяла людей. Автор «Елены», разоблачивший в романе универсальные механизмы власти, в очередной раз высказывает в биографии недоверие к политике и идеологии, только описываемые здесь политические поветрия менялись на его глазах, на его памяти. Однако стратегия авторского

отношения к злободневной социально-политической повестке дня остается той же, что в романе «Елена». Поток постоянно сменяющих друг друга идей и течений представляется бессмысленной суетой, попыткой исправить то, чему помочь может только истинная вера, от которой политика отошла на непреодолимо далекое расстояние: «One year there was a rowdy sort of pacifism, next, a romantic attachment to the Abyssinian monarchy; next, fiery allegiance to the Communists and anarchists in Spain. Each access of emotion provoked its antithetical counterpart. The small Catholic body in that small community was in continual danger of breaking into personal enmities. [...] No one was more sharply aware than he [Knox] of the social and national dangers of the time. He measured them by other standards than the politicians, and saw no hope in the remedies presented» (297).

Рональд Нокс, только в истинной вере увидевший реальное лекарство от болезней общества, стал для Во примером правильной реакции на захватившее Англию безумие. Со скепсисом и ощущением скуки, свойственными его настроению в 1950-ые годы, он описывает явления, некогда представлявшиеся разрушительными, но оказавшиеся всего лишь переходом к чему-то более страшному.

Теперь Нокс сильно расходился во взглядах с англиканскими богословами, но не по тем доктринам, которые разделяют две конфессии, а по идеям, грозившим разрушить внутри церкви саму суть христианства: «their abandonment of the creeds and the gospels and their compromise with the contemporary ethic» (302). Христианский либерализм набирал силу, и к тридцатым годам стал проникать в мировоззрение простых верующих. Субъективизм и общая тенденция к толерантности привели к тому, что мнение каждого по любому вопросу, политическому или религиозному, стало считаться важным и требующим уважения. Когда понятие истины размывается и становится относительным, любое мнение может претендовать на истинность. Таким образом, католическая церковь, как и христианство в целом, теряет монополию на истину и авторитет; сама культура утрачивает

упорядоченность и обращается в хаос из противоречащих друг другу и одинаково малозначительных мнений.

Вступая в полемику с христианскими либералами, Нокс не только постарался вернуть читателям способность видеть противоречия в рассуждениях публицистов, отделять истину от лжи, но и дал определение современной мысли: «He sifts out the agnostics, the atheists and the cranks, the vaguely ethical and the vaguely immoral. There is no consistent ethos. This, he concludes, is modern thought outside the Catholic Church; not the most acute thought, but what the newspapers find most purchasable» (306).

Несмотря на постоянную занятость, активную литературную деятельность, общение со студентами и преподавателями, к концу своего пребывания в должности капеллана Нокс начал ощущать неудовлетворенность своим положением. Его состояние Во определяет как скуку, и Нокс продолжает служение только в силу долга («driven by duty rather than by joy», 310). Нокс снова слишком долго задержался не на своем месте, все больше отдаляясь от литературы. Во замечает, что все, написанное Ноксом в Оксфорде, было ниже его таланта, и обходит молчанием его детективы и романы межвоенного периода. Самую выдающуюся книгу Нокса 30-ых годов, «Barchester Pilgrimage», сатиру на нравы XX в., Во комментирует следующим образом: «As the sole product in his forty-eighth year of a man of spectacular early promise, it gave some plausibility to the ever-ready criticism that the Church of Rome had not fostered his genius. Nothing Ronald wrote was ever ill done, but for twenty years, from 1918 to 1938, in the period when most writers are at their finest and most fecund, his literary work was subdued in tone and modest in scope, as though he were giving it minor importance» (315). Художественная продукция Нокса не освещается в биографии, поскольку она представляет не слишком лестный для героя образец растрачивания таланта, которому предстояло великое свершение – новый перевод Библии.

Рональд Нокс – переводчик Библии

В концепции Во свершением Нокса стал выполненный им в одиночку новый полный перевод Библии на английский язык. Чем ближе автор подходит к описанию свершения, тем больше он сам проявляется в тексте.

В тридцатые годы Ронни Нокс постепенно врос в Оксфорд, стал своего рода местной достопримечательностью, не существующей в отрыве от университета. Для того, чтобы вырваться из этой колеи, ему вновь был необходим внешний импульс. В роли освободителя и в некоторой степени музы для Нокса неожиданно, учитывая его отношение к женщинам, выступила леди Дафна Эктон²⁴⁰. По рождению англиканка, выйдя замуж за католика лорда Эктона, она захотела быть принятой в католическую церковь. Ноксу предложили стать ее наставником, и постепенно их знакомство переросло в дружбу, которой он не испытывал со времен смерти Гая Лоуренса. Леди Эктон оказала явно положительное влияние на его служение в области литературы: «Lady Acton was the first person (so far as can be ascertained) to whom he confided his yearning for privacy and his ambition to write something of permanent value. She was certainly the first person to give him full-hearted and practical encouragement» (328).

Леди Эктон предложила ему должность частного капеллана в ее поместье Олденхэм, где у него было бы достаточно времени, чтобы заняться литературой. Однако этот план осуществился лишь спустя два года, когда Нокс окончательно покинул Оксфорд. Тем не менее, общение с леди Эктон отогнало от него гнетущую скуку и дало вдохновение с новыми силами взяться за литературу. Тогда же он впервые упомянул о своем намерении сделать новый перевод Библии.

²⁴⁰ Дафна Эктон, урожд. Стратт (1911-2003) – в середине века видная фигура в католических кругах; с Во познакомилась в конце 1930-х гг. через редактора «Тэблет» Дэвида Вудрафа, женатого на сестре ее мужа. Работая над биографией, Во счел необходимым воспользоваться ее помощью и в 1958 г. побывал у Эктонов в Южной Родезии, куда они переехали после войны.

В последние годы работы в Оксфорде произошло событие, преподносимое автором как предзнаменование ждущих Нокса впереди разочарований. Его попросили отредактировать один из католических молитвенников, перевод которого с латыни был сделан давно и настолько плохо, что, по мнению Во, отдельные отрывки было практически невозможно понять. Нокс согласился и отредактировал сборник, руководствуясь своим чувством стиля. Однако практически все епископы отказались использовать новый отредактированный сборник, считая изменения, внесенные Ноксом, слишком радикальными.

Во подробно останавливается на этом эпизоде, приводит цитаты из писем Нокса и епископов, приводит примеры перевода Нокса, несравненно более адекватного и качественного, чем ранние версии, словом, показывает несправедливое отношение церкви к труду Нокса, для которого он как нельзя лучше подготовлен и который был поручен ему самой же церковью. Закостенелая в своих традициях церковь не смогла оценить талант Нокса по достоинству, и только поддержка леди Эктон помогла ему не впасть в депрессию. Возможную причину негативного восприятия отредактированного Ноксом сборника Во видит в том, что другие служители с непониманием и некоторой долей зависти относились к тому уникальному положению, которое Нокс занял в католической церкви, словно бы всегда ставя барьер между собой и другими священниками. Одной из таких «причуд», в глазах большинства, было желание Нокса покинуть привилегированную должность капеллана Оксфорда и поселиться в поместье богатого лорда. Высказанные по этому поводу в адрес Нокса подозрения в снобизме составляют дополнительную параллель между героем и автором биографии.

Прощанием Нокса с Оксфордом стал роман «Let Dons Delight» (1939), посвященный леди Эктон. Это, по мнению Во, последнее и лучшее из светских произведений Нокса, основной целью которого было показать кризис университетского образования («that when the Universities attempt to be centres of

a general education which excluded theology they found themselves not knowing what they were to teach, to whom and why», 345).

С 1939 г. Нокс, живя у Эктонов, занимается исключительно литературой, точнее, выполняет полученное от кардинала Хинсли задание на новый перевод Библии, которое он принял, не раздумывая²⁴¹. Ему было очень важно, чтобы католики полюбили поэзию Библии, чтобы ее больше читали. Этот труд отвечал глубинным стремлениям, которые Нокс ощущал в душе уже давно, но не знал, как именно проявить их в контексте своей веры и положения. Наконец это стало для него ясным, и перспектива показалась действительно блестящей. Как еще лучше можно послужить церкви литературным даром, как не новым переводом Священного Писания, в котором так нуждались католики Англии?

Катастрофа начала войны потрясла его гораздо меньше, чем 20 лет назад. Военные годы он провел под надежной опекой леди Эктон. Война стала для Нокса очередным доказательством того, что цивилизация движется в неправильном направлении. В описание состояния героя военных лет Во добавляет свое собственное ощущение разочарования, пришедшее к нему гораздо позже: «No bombs fell near him. It was rather for him, as for all the elderly, a time of cumulative strain and frustration, of scarcities and restrictions, meager rations, black-out; of lack of information, growing resentment of the ugly tones of official propaganda and growing foreboding of a world where the springs of civilization seemed to be fast running dry» (371-372). Подобное описание близко по настроению к трилогии «Меч почета» и выражает отношение к войне не только Рональда Нокса, едва ли заинтересованного в военных действиях в разгар своей работы над переводом, но и Во 1950-ых годов, давно пережившего

²⁴¹ П. Оллит дает широкий контекст для истории появления этого перевода. Используя английский перевод с Вульгаты семинарии Дуэ («Библия Дуэ») был выполнен в 1582-1610 г. В издании Уильяма Фулка (1589) она оказала свое влияние на развитие английского языка в XVII в. Идея обновить Библию Дуэ восходит к 1855 г.; новый перевод должен был выполнить Джон Генри Ньюмен. Однако Ньюмену стало известно, что над переводом уже работает архиепископ Балтиморский Фрэнсис Кенрик (чья работа осталась незавершенной), и, чтобы избежать возможных разногласий, Ньюмен отказался от мысли о переводе. То есть Нокс почти сто лет спустя идет по стопам Ньюмена. Allitt P. Op. cit. P. 232.

ажитожаж вокруг политических авантюр и смотрящего в прошлое не столько с ностальгией, сколько, как и на все остальное, со скукой.

Во обращает внимание читателя на то, в какой мрачной атмосфере, не приносящей никакого утешения, Ноксу пришлось работать над невероятно сложным, почти не выполнимым для одного человека заданием, ставшим трудом всей его жизни: «Ronald worked alone through the War and into the chilly peace with no help at all and very little encouragement» (375). Впрочем, едва ли он согласился бы принять какую-либо помощь в своем труде. Как замечает Во, перевод Библии, всей, а не только Нового Завета, как требовала того церковь, воспринимался им как призвание и должен был быть совершен в одиночку: «From the first, with or without official recognition, he was determined to make his own translation of the whole bible. He had heard a vocation which would take no denial. Diffident about so much else, on this one question he was completely confident in his powers and judgment» (375).

На этом этапе рассуждений автора мы можем заметить определенное противоречие, появившееся, скорее всего, из-за стремления подогнать жизнеописание Нокса под концепцию предназначения, исполненного и отвергнутого людьми. Это предназначение – перевод Библии, потребовавший от героя самопожертвования. Но Во не может совсем игнорировать противоречащие его концепции факты. Задание поручено Ноксу католической церковью, ожидавшей от него определенных результатов, а именно перевода, который был бы достаточно узнаваем и приемлем для большинства прихожан. Нокс же хотел создать совершенно новый текст, авторизованный, носящий отпечаток его таланта и его стиля. Это очевидное недопонимание между Ноксом и церковными руководителями в итоге привело к конфликту, однако Во заметно сгущает краски. Рональд Нокс у него предстает непризнанным гением, непонятым среди своих единоверцев, которые в силу отсутствия должного образования или вкуса не смогли оценить его труд. Трагизм, постепенно нагнетавшийся на протяжении всего повествования и в этом эпизоде, завершающем биографию, достигший своего апогея, можно назвать

авторских пафосом, привнесенным в реальную ситуацию. В конце биографии Нокс назван мучеником, однако эта роль кажется навязанной ему искусственно.

Во подробно останавливается на том, как с 1943 г., после смерти кардинала Хинсли, Нокс работал при прямой обструкции епископов. В 1944 г. ему было отказано в разрешении печатать готовый Новый Завет, хотя первое издание распространялось только по подписке²⁴². Епископы сочли перевод недопустимо субъективным.

Интересна приводимая в биографии оценка перевода отцом Сирилом Мартиндейлом, общим знакомым Нокса и Во, о котором ранее говорится, что он был непревзойденным переводчиком с латыни. Во цитирует воспоминания отца Мартиндейла о разговоре с Ноксом, когда тот еще только собирался приступить к работе. Мартиндейл обрадовался кандидатуре Нокса и дал несколько советов, на что Нокс резко ответил, что уже имеет в голове план. Едва ли можно назвать такой подход смиренным желанием служить церкви. Интересно, что Во, приводя данную цитату из отца Мартиндейла, в которой Нокс далек от святости, никак не комментирует ее. Он также не приводит ни одной цитаты из перевода, по которой можно было бы судить о его достоинствах или недостатках. Почему, если он декларирует литературный гений Нокса?

Во обходит все эти вопросы молчанием, потому что если отрицательные отзывы епископов автор может объяснить тем, что никто из них не был знатоком Библии, то есть не имел права судить о качестве текста, то резко негативный отзыв отца Мартиндейла можно только замолчать. А главное, сам Во был невысокого мнения о переводе Нокса. Свидетельствует К. Сайкс: «Остается фактом, что хотя Во восхищался ясностью перевода Нокса, он в целом не был от него в восторге. Он был шокирован не меньше любого недоброжелательного критика тем, как Рональд по-филистерски изъясил из

²⁴² Allitt P. Ibid.

своего перевода всю поэзию. Он был шокирован тем, в какой мере Рональд оказался обывателем»²⁴³.

Однако в биографии Во представляет этот эпизод из жизни Нокса не просто звеном его карьеры, но ее пиком. Поясняя, почему он так подробно на этом останавливается, Во называет несколько причин. Во-первых, именно в этой конфликтной ситуации проявляется, по мнению Во, невероятная учтивость Нокса по отношению к своим оппонентам, которую он часто называет святостью. И на этот счет Сайкс замечает, что Во прекрасно знал о реальной реакции Нокса на восприятие его перевода: «Ивлину было прекрасно известно, что критика его версии Библии пробуждала в Рональде неожиданное и несколько шокирующее тщеславие»²⁴⁴. Тем не менее, Во продолжает подчеркивать смирение Нокса, выразившееся в его терпеливом отношении к недоброжелателям. Во-вторых, Во подробно описывает реакцию епископов на перевод Нокса для того, чтобы можно было увидеть, как церковь подвела его. И наконец, причина, являющаяся наиболее показательной: «It illustrates the ethos of the Church in which he was working. In 1915-17 when he was canvassing the advice of his Anglican friends and relations about his change of obedience, they all warned him that whatever the historic grandeurs of the Church of Rome, he would find himself in twentieth-century England associating with men who were notoriously deficient in taste and manners» (387).

После этого эпизода Во быстро доводит изложение до смерти героя. История перевода Библии оставляет самое яркое впечатление после прочтения биографии и кажется финальным аккордом, явно минорным, жизни Рональда Нокса.

Несмотря на столь подробное описание жизни Нокса, биография представляет возможность заглянуть во внутренний мир автора больше, нежели Рональда Нокса. События жизни Нокса часто являются лишь поводом для высказывания автором своего собственного мнения о политике, современной

²⁴³ Sykes. P. 399.

²⁴⁴ Ibid. P. 398.

культуре, католической церкви и об отдельных личностях. Отсюда вытекает определенная двойственность повествования: многие оценки и суждения словно повисают в воздухе без каких-либо доказательств их принадлежности Ноксу. Некоторая двусмысленность текста ощущается также из-за предпосылок, на которых Во основывает многие суждения, но которые не находят своего подтверждения фактами из жизни героя. Можно сказать, что биографическая и художественная составляющая книги переплелись настолько тесно, что часто сложно понять, действительно ли Во описывает события жизни Нокса, его переживания и рассуждения, или же незаметно, возможно даже для самого себя, вплетает в повествование свои собственные идеи, или расходящиеся с реальностью, или просто не принадлежавшие Ноксу.

Основной идеей, на которую Во словно бы нанизывает факты из жизни Нокса, является идея предназначения. Трагическое одиночество становится залогом истинности его призвания. Несоответствие этой высокой роли и реального положения и характера Нокса вызывает у читателя ощущение того, что автор либо слишком идеализирует героя, либо слишком драматизирует и сгущает краски, описывая его неудачи. Таким образом, биография Нокса становится для Во очередным переосмыслением идей предназначения, мученичества и святости, а также поводом для рассуждений о меняющейся этике современного мира, и потому, вписываясь в контекст его позднего творчества, предоставляет возможность взглянуть на истинное отношение ее автора ко многим аспектам религии, политики и культуры Англии XX века.

Заключение

Проведенное исследование приводит нас к следующим выводам.

Принятый Во в возрасте 27 лет католицизм был его индивидуальной формой ответа на неприемлемые для писателя тенденции «современного века», сознательно избранной мировоззренческой базой для художественного творчества. Принятие писателем католичества было логическим решением, выходом из противоречий, раздиравших как его личность, так и окружающее его общество. Обладая критическим мышлением и остротой восприятия, Во видел шаткое положение Англии XX в., бросившейся от одной идеологической моды к другой. Критически оценивая состояние современного общества, Во обнаруживал в себе самом те же тенденции к саморазрушению и деградации, которые наблюдал вокруг. Отношение к порокам и моральному разложению как к объекту насмешек и сатиры, отличающее его первый роман, рано сменилось в этом блестящем представителе «золотой молодежи» 1920-х гг. на поиск более основательного и продуктивного мировоззрения, способного не только вписать творящийся в умах и жизнях людей хаос в четкую систему координат, но и дать духовный стержень для самого Во.

Католичество, таким образом, стало решением, системой мышления, не только снабдившей его определенной картиной мира, всему давшей упорядоченную оценку, но и самому ему давшей возможность и силы контролировать свой темперамент и направить литературный талант в продуктивное русло.

Мы констатировали невозможность восстановления личного отношения Во к Богу. Его вера была результатом чисто интеллектуального, сугубо рационального выбора жизненной позиции и он всегда считал безэмоциональное отношение к вере единственно правильным. Он целиком принял догматы католической церкви, видя в ней единственную истинную ветвь христианства, хранящую дух первой апостольской церкви. Эта связь с традицией была для англичанина-Во сильным аргументом в пользу Римской католической церкви. В частной жизни его вера выражалась, во-первых, в

соблюдении ритуалов и практик католической церкви, что, вступая в противоречие с его природной предрасположенностью, требовало от Во постоянного волевого усилия и самодисциплины. Во-вторых, Во как частное лицо был активен в церковных кругах; постепенно ограничивал собратями по вере столь широкий в молодости круг знакомых и корреспондентов. Он жертвовал отдельным церковным институтам гонорары от своих произведений, убеждал друзей принять католическую веру. В среде английских католиков Во занимал по внутрицерковным делам крайние консервативные позиции, в штывы принимал любые санкционированные церковью в попытке идти в ногу со временем изменения в порядке богослужения.

В литературно-общественной деятельности отношения Во с католической церковью обрисовываются еще менее гармонично. Ранние романы новообращенного сатирика подвергались суровой критике на страницах католических изданий, что вынуждало Во защищаться и оставляло горький осадок. Даже публикация прокатолических произведений не избавила католических иерархов от некоторой подозрительности по отношению к писателю. Главным же фактором разочарования в католической церкви стала ее соглашательская политика в ответ на преследования католиков в странах Европы и Америки накануне и в ходе Второй мировой войны, те гонения, которым Во был свидетелем в Мексике, Югославии и оказался не в силах помешать. Безоговорочно и бесповоротно приняв католическую доктрину Бога как Абсолюта и найдя в ней точку интеллектуальной опоры, Во, однако, не мог молчать о том, что считал ошибками и слабостями католической церкви XX в., хотя в целом видел в ней единственного подлинного носителя и хранительницу цивилизации Запада. Биографический аспект отношений Во-католика с церковью стал необходимым элементом при анализе его творчества.

Проведенный в работе анализ трех открыто католических произведений Во, подтверждая эволюцию его отношения к церкви от энтузиазма в середине 1930-х гг. до скептической усталости к исходу 1950-х гг., позволил глубже

увидеть реальное функционирование религиозных понятий и концепций в художественном мире Во.

Во-первых, по сравнению с критикой, чаще всего просто констатирующей неприятие писателем современности в качестве отправной точки творчества Во, мы показали на материалах биографии «Эдмунд Кэмптон» и романа «Елена» социально-историческую концепцию Во, которая покоится на учении католицизма.

Ключевыми для мировоззрения Во являются понятия цивилизации и варварства, или порядка и хаоса, как двух вечно противоборствующих сторон, повсеместно существующих в любом обществе, в любой личности. Цивилизация для Во вовсе не является воплощенной в культуре современного Запада, стремящегося забыть свои христианские корни. Цивилизацией для него становится католическая вера, хранящая, как Рим внутри своих стен, как августиновский Град Божий, осмысленность и порядок. Конфликт цивилизации и варварства определяет отношение Во к ненавистному ему «современному веку», все характерные черты которого (коммунистические идеи, массовая культура, политическая пропаганда, толерантность, психология, прогресс, концепция «обыкновенного человека») рассматривались им как признаки варварства, отказа от Бога и поиска других, заведомо ложных богов. Новой религией современности Во считал светский гуманизм, который, ставя во главу угла человека и его потребности, по сути своей разрушителен для богоцентричного христианства. Он также был противником либерального христианства как попытки подрыва чистоты христианского учения изнутри.

Светский гуманизм становится результатом процесса, запущенного во время Реформации, когда личное восприятие Бога человеком было поставлено выше общественного, то есть церковного, а Англия отказалась от религии предков, создав англиканскую церковь. Господствующая конфессия рассматривается Во неизменно как лжерелигия, как еретическая церковь, чьи интересы настолько смешались с политическими интересами государства и либеральными тенденциями в современной культуре и философии, что о ее

истинности не может идти и речи. Англиканская церковь и протестантизм в целом представляется суррогатом истинной веры, не способным различить истину и ложь, дать людям реальное утешение. На таком понимании основывается и отношение Во к Реформации как к ключевому повороту в истории Англии.

В биографии «Эдмунд Кэмптон» отпадение Англии от католического мира в пору Реформации рисуется как начало деградации английского общества. Под воздействием жизненного опыта, особенно приобретенного во время участия писателя во Второй мировой войне, его концепция истории развивается, и в романе «Елена» мы обнаруживаем идею о том, что цивилизация должна выйти за пределы своих стен, осветить светом истины тьму варварства. Римская католическая церковь как хранитель цивилизации должна не просто оберегать истину, как это предполагалось Во в 30-ые годы, но распространять ее; не просто защищаться, но завоевывать. Однако в 1950-е гг. Во наступает полное разочарование в попытках каким-либо образом повлиять на состояние мирового сообщества и католической церкви, и церковь в его творчестве так никогда в полной мере и не встает на активную позицию, всегда лишь защищаясь и пытаясь устоять среди окружающего хаоса варварства. Это разочарование пронизывает книгу, отразившую усталость писателя от безнадежной борьбы – биографию «Рональд Нокс».

Во-вторых, мы показали, как католичество Во определяет тематику, сюжетостроение и характерологию его апологетических биографий и единственного исторического романа. Во всех трех разобранных произведениях обнаруживается общая схема духовного становления героя. Первый ее этап – развернутое описание жизни героя до принятия католичества как потребности в истине, как поиска истины. Второй этап – собственно выстраданное обращение, всегда остающееся за рамками повествования, названное, но не изображаемое. Автор последовательно отказывается описывать ключевой момент в жизни героев, потому что все они, как и он сам, приходят к вере чисто рациональным путем, а истина католичества настолько самоочевидна, по мнению Во, что не

нуждается в описании. Повествовательно момент принятия католической веры сливается со всегда недалеко отстоящим от него моментом открытия героем своего предназначения. Третий этап – исполнение персонажем этого предназначения, свершение конкретного дела, акт наивысшего служения Богу.

Все персонажи рассмотренных произведений – признанные католической церковью святые разных рангов; общее между ними – малая известность. Эта малая известность привлекательна для автора, поскольку, с одной стороны, оставляет простор для работы воображения (в «Кэмпione» и «Елене»), с другой стороны, позволяет ему поставить вопрос о том, что есть святость и обязательно ли она сопровождается внешними проявлениями героизма. Вывод, который можно сделать – святость для Во состоит не столько в активном проявлении каких-либо добродетелей и соблюдении заповедей, сколько в покорности Богу, в готовности выполнить все, что Он потребует от человека. Святость – это согласие человека на призыв Бога к совершению его предназначения. Героизм же святого состоит в преодолении жизненных препятствий, какого бы масштаба они ни оказались, на пути реализации предназначения. Его святым не чужды минуты человеческой слабости, и отличаются они от обыкновенных людей не силой характера или какими-то особыми достоинствами, а только одним – осознанием своего предназначения в этом мире и исполнением его, то есть полным единением с Богом в акте исполнения Его воли.

Апологетические произведения Во являются единственными в его творчестве примерами создания образов безусловно положительных героев, к которым автор испытывает полную симпатию. Однако и в этих произведениях художественно наиболее яркими остаются образы, выполненные в сатирической манере Во. Обращает на себя внимание, что по сравнению с романами, где сложнее выделить конкретные объекты сатирического негодования, в этих произведениях острие сатиры обращено против носителей мирской власти (Елизавета в «Эдмунде Кэмпione», Константин и Фавста в «Елене») или власти церковной (кардинал Борн в «Рональде Ноксе»).

Обращение к открыто религиозной тематике заставляет Во четче определить мирскую власть, государственно-политические сферы как главного конкурента и врага католицизма.

В-третьих, анализ выявил те аспекты проблематики произведений, которые имели особую важность для писателя в творческом плане. Для Во-католика и Во-сатирика крайне важным был вопрос примирения этих двух сторон его личности. Почти с самого момента обращения Во начинает воспринимать свое творчество не просто как способ зарабатывать на жизнь или возможность самореализации, но как арену для служения Богу, такую же, как и миссионерское или священническое призвание. Изначально сконцентрированный в своей вере на рациональной стороне, а также на внешних проявлениях веры, Во и в творчестве, и в жизни делает упор на действия, на поступки, являющиеся выражением внутренних убеждений. Литературная деятельность начинает восприниматься им как призвание, совершая которое, он исполняет свое предназначение, обретает смысл существования, возможный, однако, только в контексте истинной веры. Подобным же пониманием он наделяет и своих персонажей, которые неизменно после обращения к вере переходят в своей религиозной жизни к совершению того или иного поступка, являющегося кульминацией их духовного развития; поэтому обнаруживается особая близость автору фигуры католического священника и литератора Рональда Нокса, который так же, как Во, нуждался в католическом обосновании своего права на занятия литературой.

Нам осталось подвести краткий итог анализа разобранных в работе произведений в перспективе эволюции Во-писателя.

В биографии мученика Эдмунда Кэмпiona автор впервые находит свой угол зрения на постановку религиозных вопросов в художественном произведении. В центр он ставит конфликт истинной веры и политических амбиций, а психологизм повествованию придает изображение внутренней стороны католицизма, а именно духовной истории человека, пришедшего к

вере и в ней нашедшего смысл существования. Биография полностью отражает уровень литературного мастерства, уже накопленного Во в жанре романа, самим построением и характерологией смыкаясь с жанром исторического романа. В этом смысле «Эдмунд Кэмптон» готовит автора к созданию «Елены». В «Эдмунде Кэмптоне» оформляется господствующая в послевоенном творчестве Во идея трехчастного жизненного пути святого как дороги к свершению предназначения.

Наиболее полное выражение идея божественного предназначения нашла в романе «Елена», в котором мы видим и наиболее творческое воплощение ключевых аспектов религиозного мировоззрения Во. Автор изображает историю поиска истинной веры главной героиней, реализующей понятие святости как основной христианской добродетели, на фоне целого ряда ложных религиозных и идеологических систем, что дает ему возможность создать широкую, выполненную в иронических и сатирических тонах панораму заката Римской империи. Момент обращения героини к вере характерным образом не описывается и не анализируется, но представляется как совершившийся факт и воспринимается как промежуточный этап на пути к божественному предназначению. Религиозные чувства и духовные переживания героини также не подвергаются осмыслению и практически не описываются, потому что они, как и само обращение, являются следствием действия божественной благодати и неподвластны психологическому анализу. Помимо того, отсутствие подобных описаний мы объяснили тем, что автор, сам рационально подходивший к религии, испытывал трудности при обращении к повседневной жизни и переживаниям верующего. Повествование в «Елене» демонстрирует тонкий художественный баланс всех уровней текста, мастерство нюансов, едва ли не более тонких, чем это было обычно для манеры Во. Роман является уникальным для автора по следующим параметрам: единственный раз он ставит в центр женский персонаж, в первый и последний раз на протяжении творческого пути создает исторический роман, использует фантастику и легенду в системе художественных средств. В целом подвиг Св. Елены

получает в романе психологизированное, теологически обоснованное авторское осмысление.

В биографии Рональда Нокса Во вновь пытается раскрыть идею совершения божественного предназначения, отчасти навязывая ее герою, который в реальной жизни плохо подходил на роль мученика. Тем не менее, в отличие от романа «Елена», самого светлого в творчестве Во, обе биографии отмечены мрачной тенью мученичества, легкой на судьбы обоих героев. И если Эдмунд Кэмптон претерпевал мученичество от англикан в буквальном смысле, то в случае с Ноксом автор обращает внимание не столько на конфликт между церковью истинной (католической) и ложной (англиканской), сколько на конфликт внутри самой католической церкви. Мученичество Нокса проявляется в том, что он остается непонятым и непринятым среди своих же единоверцев. В этом плане «Рональд Нокс» является последовательной критикой английской католической церкви не с точки зрения доктрины, но с точки зрения ее социальной базы, отношения к таланту вообще, закостенелости и неразумности руководства церкви. И в «Кэмптоне», и в «Рональде Ноксе» страдания героя являются залогом того, что он на правильном пути, показателем истинности веры. Без страдания и лишений ни святость, ни совершение предназначения невозможны. Важнейшей частью проблематики биографии Нокса становятся – поскольку Во видит призвание героя в литературе – вопросы творчества и литературного труда; автор высказывается по ним с такой искренностью и горечью, что становится очевидно его проецирование на Нокса собственных писательских проблем последнего этапа творчества.

Таким образом, мы выявили индивидуальные особенности религиозных взглядов Ивлина Во, которые формировались под влиянием множества внешних и внутренних факторов жизни писателя и не менялись после 1945 г. Мы убедились, что самые дорогие для автора произведения, те, в которых он наиболее прямо воплощал католическую проблематику, встречали холодный прием и непонимание у современников, представителей «современного века»,

предпочитавших комические романы писателя и не готовых воспринять католическую проповедь Во. Она не была услышана даже в «Возвращении в Брайдсхед», самом популярном романе писателя. Между тем именно христианская основа мировоззрения сделала возможной создание тех его произведений, где христианская проблематика прямо не затрагивается, но, вынесенная из непосредственного художественного мира романов, обеспечивает оригинальность и глубину видения писателем современности. Внимание к апологетическим произведениям Во позволяет четче выделить и глубже понять такие ключевые аспекты его индивидуального католицизма, как проблему противостояния цивилизации и варварства, концепции призвания и божественного предназначения, святости и мученичества.

Библиография

I. Источники

1. Waugh, Evelyn. Edmund Campion: Jesuit and Martyr / Evelyn Waugh. – London: Penguin Books, 2011.
2. Waugh, Evelyn. Helena / Evelyn Waugh. – London: Penguin Books, 1979.
3. Waugh, Evelyn. The Life of Right Reverend Ronald Knox / Evelyn Waugh. – London: Penguin Books, 2011.
4. Waugh, Evelyn. Rossetti: His Life and His Works / Evelyn Waugh. – London: Penguin Books, 2011.
5. Waugh, Evelyn. Decline and Fall / Evelyn Waugh. – London: Penguin Books, 1976.
6. Waugh, Evelyn. Vile Bodies / Evelyn Waugh. – London: Penguin Books, 1996.
7. Waugh, Evelyn. Labels, a Mediterranean Journal / Evelyn Waugh. – London: Duckworth, 1975.
8. Waugh, Evelyn. Remote People / Evelyn Waugh. – London: Penguin Books, 2002.
9. Waugh, Evelyn. Black Mischief / Evelyn Waugh. – London: Penguin Books, 2000.
10. Waugh, Evelyn. A Handful of Dust / Evelyn Waugh. – London: Chapman and Hall, 1975.
11. Waugh, Evelyn. Mr Loveday's Little Outing and Other Early Stories / Evelyn Waugh. – London: Penguin Books, 2011.
12. Waugh, Evelyn. Waugh in Abyssinia / Evelyn Waugh. – London: Penguin Books, 2011.
13. Waugh, Evelyn. Scoop / Evelyn Waugh. – London: Chapman and Hall, 1964.
14. Waugh, Evelyn. Robbery under Law, the Mexican object lesson / Evelyn Waugh. – London: Penguin Books, 2011.

15. Waugh, Evelyn. *Put Out More Flags* / Evelyn Waugh. – London: Penguin Books, 1977.
16. Waugh, Evelyn. *Brideshead Revisited* / Evelyn Waugh. – London: Chapman and Hall, 1960.
17. Waugh, Evelyn. *Scott-King's Modern Europe* / Evelyn Waugh. – London: Chapman & Hall, 1947.
18. Waugh, Evelyn. *The Loved One: An Anglo-American Tragedy* / Evelyn Waugh. – London: Penguin Books, 1965.
19. Waugh, Evelyn. *Men at Arms* / Evelyn Waugh. – London: Penguin Books, 1978.
20. Waugh, Evelyn. *Love Among the Ruins: a romance of the near future* / Evelyn Waugh. – London: Chapman and Hall, 1953.
21. Waugh, Evelyn. *Officers and Gentlemen* / Evelyn Waugh. – London: Penguin Books, 2001.
22. Waugh, Evelyn. *The Ordeal of Gilbert Pinfold; Tactical Exercise; Love Among the Ruins* / Evelyn Waugh. – London: Penguin Books, 1962.
23. Waugh, Evelyn. *Unconditional Surrender* / Evelyn Waugh. – London: Penguin Books, 1971.
24. Waugh, Evelyn. *Basil Seal Rides Again* / Evelyn Waugh. – London: Chapman and Hall, 1963.
25. Waugh, Evelyn. *A Little Learning* / Evelyn Waugh. – London: Penguin Books, 2010.
26. Waugh, Evelyn. *Prose. Memoirs. Essays* / Evelyn Waugh. – Moscow: Progress Publishers, 1980.
27. *The Diaries of Evelyn Waugh* / Ed. by Michael Davy. – London: Phoenix, 2009.
28. *The Letters of Evelyn Waugh* / Ed. by Mark Amory. – London: Phoenix, 2009.
29. *The Essays, Articles and Reviews of Evelyn Waugh* / Ed. by Donat Gallagher. – London: Methuen, 1983.
30. *Evelyn Waugh: The Critical Heritage* / Ed. by Martin Stannard. – London: Routledge, 1984.

31. *A Little Order : A Selection from His Journalism* / Ed. by Donat Gallagher. – New York: Little, Brown, 1980.
32. *The Letters of Nancy Mitford and Evelyn Waugh* / Ed. by Charlotte Mosley. – Boston: Houghton Mifflin, 1997.
33. *A Bitter Trial: Evelyn Waugh and John Carmel Cardinal Heenan on the Liturgical Changes* / Evelyn Waugh, John Carmel Cardinal Heenan / Ed. by Alcuin Reid. – San Francisco: Ignatius Press, 2011.
34. Во И. Елена / Ивлин Во. – М.: АСТ: Астрель, 2010.
35. Во, И. Упадок и разрушение / Ивлин Во. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009.
36. Во, И. Мерзкая плоть / Ивлин Во. – М.: АСТ: Астрель, 2011.
37. Во, И. Черная напасть / Ивлин Во. – М.: АСТ: Астрель, 2010.
38. Во, И. Пригоршня праха / Ивлин Во. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009.
39. Во, И. Возвращение в Брайдсхед / Ивлин Во. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009.
40. Во, И. Вооруженные люди / Ивлин Во. – М.: АСТ: Астрель, 2011.
41. Во, И. Испытание Гилберта Пинфолда / Ивлин Во. – М.: АСТ: Астрель, 2011.
42. Во, И. Офицеры и джентльмены / Ивлин Во. – М.: АСТ, 2010.
43. Во, И. Безоговорочная капитуляция / Ивлин Во. – М.: АСТ: Астрель, 2011.
44. Во, И. Пригоршня праха. Незабвенная / Ивлин Во. – М.: АСТ МОСКВА, 2010.
45. Во, И. Чувствую себя глубоко подавленным и несчастным. Из дневников. 1911–1965 / Ивлин Во. – М.: Текст, 2013.
46. Библия, Русский Синодальный Перевод. – М.: Российское Библейское Общество, 2010.
47. Bible, New International Version. – Grand Rapids: Zondervan, 2008.

II. Литература справочно-энциклопедического характера, теория литературы

48. Ауэрбах, Э. Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе / Э. Ауэрбах. – М.: Прогресс, 1976.
49. Бахтин, М.М. Проблемы поэтики Достоевского. 3-е изд. / М.М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1972.
50. Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики. / М.М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1975.
51. Бахтин М.М. Эпос и роман. / М.М. Бахтин. – Санкт-Петербург: Азбука, 2000.
52. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979.
53. Виноградов, В.В. О языке художественной прозы. Избранные труды. / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1980.
54. Выготский, М.С. Психология искусства. / М.С. Выготский. – М.: Лабиринт, 1997.
55. Днепров, В.Д. Черты романа XX века / В.Д. Днепров. – М. Л.: Советский писатель, 1965.
56. Ефремова, Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3 томах. Т. 2. / Т. Ф. Ефремова. – М.: АСТ: Астрель: Харвест, 2006.
57. Женетт, Ж. Фигуры. В 2 т. / Ж. Женетт. – М.: изд.-во им. Сабашниковых, 1998.
58. Лихачев, Д.С. Внутренний мир художественного произведения / Д.С. Лихачев // Вопросы литературы. – 1968, № 8. – С. 74-87.
59. Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек. Текст / Ю.М. Лотман. – Семиосфера – История. М.: Языки русской культуры, 1996.
60. Лотман, Ю.М. Об искусстве. / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство, 1998.
61. Мелетинский Е.М. Введение в историческую поэтику эпоса и романа / Е.М. Мелетинский. – М.: Наука, 1986.
62. Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха / В.Я. Пропп. – СПб.: Алетейя, 1997.

- 63.Томашевский, Б. В. Теория литературы. Поэтика / Б. В. Томашевский. – М.: Аспект-Пресс, 1999.
- 64.Успенский, Б.А. Поэтика композиции / Б.А. Успенский // Семиотика искусства. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – С. 9-218.
- 65.Уэллек Р., Уоррен О. Теория литературы / Р. Уэллек, О. Уоррен. – М.: Прогресс, 1978.
- 66.Хализев, В. Е. Теория литературы / В. Е. Хализев. – М.: Высшая школа, 2007.
- 67.Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. – М.: Языки славянской культуры, 2003.
- 68.Современная западная философия. Энциклопедический словарь / О. Хеффе, В. С. Малахов. – М.: Культурная революция, 2009.
- 69.Христианство. Энциклопедический словарь. В 3-х томах. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1995.
- 70.Approaches to the Novel. Materials for a Poetics / Ed. by Robert Scholes. – San Francisco: Chandler, 1966.
- 71.The Routledge Dictionary of Literary Terms / Ed. by Peter Childs, Roger Fowler. – London & New York: Routledge, 2006.
- 72.Oxford Companion to English Literature / Ed. by Margaret Drabble. – Oxford University Press, 2000.
- 73.Boulton, Marjorie. The Anatomy of the Novel / Marjorie Boulton. – London: Routledge & K. Paul, 1975.
- 74.Eagleton, Terry. Literary Theory: An Introduction / Terry Eagleton. – Oxford: Blackwell Publishing, 1996.
- 75.A Dictionary of Biblical Allusions in English Literature. – New York: Holt, Rinehart and Winston, Inc., 1965.
- 76.Evelyn Waugh // Dictionary of Literary Biography. Vol. 15: British novelists, 1930-1959. – Farmington Hills: Gale, 1983. – P. 570-586.

**III. Литература по истории церкви,
по проблеме связи религии с литературой**

77. Античность и Библия в литературном процессе XX века / Татаринова Л.Н., Чумаков С.Н., Гончаров Ю.В., Татаринов А.В. – Краснодар: Крайбибколлектор, 2001.
78. Августин Блаженный. Исповедь / Августин Блаженный. – М.: Даръ, 2007.
79. Аринин Е.И. Философия религии. Принципы сущностного анализа. Монография / Е.И. Аринин. – Архангельск: Изд-во Поморского гос. ун-та, 1998.
80. Бибихин В.В. Философия и религия / В.В. Бибихин // Вопросы философии. – 1992, №7. – С. 34-44.
81. Васильева М.О. Религия и вера в творчестве Андрея Платонова. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / М.О. Васильева. – М.: 1997.
82. Гонсалес, Хусто Л. История Христианства: от основания церкви до эпохи Реформации / Хусто Л. Гонсалес. – С-Пб.: Библия для всех, 2009.
83. Гонсалес, Хусто Л. История Христианства: от эпохи Реформации до нашего времени. – СПб.: Библия для всех, 2002.
84. Гуревич, А.Я. Категории средневековой культуры / А.Я. Гуревич. – М.: Искусство, 1972.
85. Доусон, К.Г. Религия и культура / К.Г. Доусон. – СПб.: Алетейя, 2000.
86. Коупер, Кристофер. Сумерки Запада (Главы из книги) / Кристофер Коупер // Иностранная литература. – 2000, №5. – С. 251-261.
87. Малер, А.М. Константин Великий / А.М. Малер. – М.: Вече, 2011.
88. Мень, А. В поисках подлинного Христа. Евангельские мотивы в западной литературе / А. Мень // Иностранная литература, 1991, №3. С. 237-247.
89. Религия и литература // Религия в истории и культуре. – М.: Юнити, 2000. С. 471-477.
90. Розмозер, Г. Ситуация христианства в эпоху «постмодерна» глазами христианского публициста / Г. Розмозер // Вопросы философии. – 1991, № 6. – С. 75- 86.

91. Страда, В. Христианство и плюрализм / В. Страда // Христианство и культура сегодня. – М.: Путь, 1995. – С. 5-12.
92. Татарина, Л.Н. Инверсия новозаветных текстов в европейской литературе XX века / Л.Н. Татарина. – Краснодар, 2000.
93. Татарина, Л.Н. Христианский подтекст в литературе Европы и США первой половины XX века / Л.Н. Татарина. – Краснодар, 1998.
94. Татарин, А.В. Библейский сюжет и его становление в литературном процессе (Средние века и Возрождение). Учебное пособие / А.В. Татарин. – Краснодар, 2000.
95. Тиллих, Пауль. Систематическое богословие / Пауль Тиллих. – СПб.: Алетейя, 1998.
96. Четина, Е.М. Евангельские образы, сюжеты, мотивы в художественной культуре. Проблемы интерпретации / Е.М. Четина. – М.: Флинта-Наука, 1998.
97. Элиаде, М. Священное и мирское / М. Элиаде. – М.: Издательство Московского университета, 1984.
98. Allitt Patrick. Catholic Converts: British and American Intellectuals Turn to Rome. – Ithaca: Cornell University Press, 2000.
99. Belloc, Hilaire. How the Reformation Happened / Hilaire Belloc. – New York: McBride, 1930.
100. Benson R.H. The Holy Blissful Martyr Saint Thomas of Canterbury. – L.: MacDonald and Evans, 1908.
101. Calvert, Alexander S.J. The Catholic Literary Revival / Alexander S.J. Calvert. – New York: Kennikat Press, 1935.
102. Coulson, J. Religion and Imagination / J. Coulson. // Images of Belief in Literature. – Durham: Hatfeld College, 1984. – P. 7 -23.
103. Corbishley, Thomas. Ronald Knox the Priest / Thomas Corbishley. – London: Sheed and Ward, 1964.
104. Crow Mariam E. Aiming at Heaven, Getting the Earth: the English Catholic Novel Today. – Plymouth: Lexington Books, 2007.

105. Daiches, D. Religion, Poetry, and the "Dilemma" of the Modern Writer / D. Daiches // *Literary Essays*. – New York: Philosophical Library Publishers, 1957. – Pp. 206 - 225.
106. Digeser, Elizabeth DePalma. The Making of a Christian Empire: Lactantius and Rome / Elizabeth DePalma Digeser. – Ithaca: Cornell University Press, 2000.
107. Dures Alan. English Catholicism 1558-1642: Continuity and Change. – Longman, 1983.
108. Eliot T.S. Religion and Literature / T.S. Eliot. // *Selected Essays*. – London, Boston: 1986. – Pp. 338-401.
109. Eliot T.S. The Idea of a Christian Society / T.S. Eliot. – London: Faber and Faber, 1982.
110. Froom, Leroy. The Prophetic Faith of Our Fathers / Leroy Froom // Vol.1. Early Church Exposition. – Washington, D.C.: Review and Herald, 1950.
111. Gasquet, Abbot. A Short History of the Catholic Church in England. / Abbot Gasquet. – London: Catholic Truth Society, 1903.
112. Gorbunov, A.N., Minney, Penelope. Through Each Others' Eyes: Religion and Literature / A.N. Gorbunov, Penelope Minney. – Moscow: Rudomino, 1999.
113. Griffiths, Richard. The Pen and the Cross: Catholicism and English literature, 1850-2000 / Richard Griffiths. – London, New York: Continuum International Publishing Group, 2010.
114. Harbus, Antonia. Helena of Britain in Medieval Legend / Antonia Harbus. – Cambridge: D.S. Brewer, 2002.
115. Harris, Alana. Faith in the Family: a Lived Religious History of English Catholicism, 1945-82 / Alana Harris. – Manchester: Manchester University Press, 2013.
116. Heimann, Mary. Catholic Devotion in Victorian England / Mary Heimann. – Oxford: Oxford University Press, 1995.
117. Hitchcock, James. History of the Catholic Church. From Apostolic Age to Millennium / James Hitchcock. – San Francisco: Ignatius Press, 2012.

118. Hodgetts, Michael, McClelland, V.A. From without the Flaminian Gate : 150 years of Roman Catholicism in England and Wales 1850-2000 / Michael Hodgetts, V.A. McClelland. – Edinburgh: Darton Longman and Todd, 1999.
119. Holmes, Derek J., Bickers, Bernard. Short History of the Catholic Church / Derek J. Holmes, Bernard Bickers. – London: Continuum, 2004. (revised edition of 1983).
120. Hornsby-Smith, Michael P. Roman Catholic Beliefs in England : Customary Catholicism and Transformations of Religious Authority / Michael P. Hornsby-Smith. – Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
121. The Impact of the English Reformation / Ed. by P. Marshall. – L.-N.Y.: Arnold-St.Martin's Press, 1997.
122. Jasper, David. Study of Literature and Religion / David Jasper. – Minneapolis: Fortress press, 1989.
123. Johnson, Paul. A History of Christianity / Paul Johnson. – New York: Simon and Schuster, 1976.
124. Kellogg Jean. The Vital Tradition, the Catholic novel in a period of convergence. – Chicago: Loyola University Press, 1970.
125. Knox, Ronald Arbuthnott. Enthusiasm; A Chapter in the History of Religion, with Special Reference to the XVII and XVIII Centuries / Ronald Arbuthnott Knox. – Oxford: Oxford University Press, 1950.
126. Knox, Ronald A. In Soft Garments: Classic Catholic Apologetics / Ronald A. Knox. – San Francisco: Ignatius Press, 2010.
127. Knox, Ronald A. A Retreat for Lay People: Spiritual Guidance for Christian Living / Ronald A. Knox. – San Francisco: Ignatius Press, 2011.
128. Knox, Ronald Arbuthnott. A Spiritual Aeneid / Ronald Arbuthnott Knox. – London: Sheed and Ward, 1958.
129. Knox Ronald A. The Belief of Catholics / Ronald A. Knox. – Colorado Springs: Image Books, 1958.
130. Küng Hans, Father. The Catholic Church: A short history / Father Hans Küng. – London: UK Hachette, 2011.

131. Lewis, C.S. *Mere Christianity* / C.S. Lewis. – Oxford: Blackstone, 2000.
132. Lothian, James R. *The Making and Unmaking of the English Catholic Intellectual Community, 1910-1950* / James. R. Lothian. – University of Notre Dame Press, 2009.
133. Marshall Peter. *Reformation England 1480-1642*. – L.: Bloomsbury, 2003.
134. Machen J. Gresham. *Christianity and Liberalism*. (1923). New Edition / Foreword by Carl E. Trueman. – Cambridge: Eerdmans Publishing, 2009.
135. Mathew, David. *Catholicism in England: the portrait of a minority: its culture and tradition* / David Mathew. – London: Eyre & Spottiswoode, 1955.
136. *The Oxford Companion to Christian Thought* / Ed. by Adrian Hastings. – Oxford University Press, 2000.
137. Pelikan, Jaroslav. *The Christian Tradition*. In 5 vols. / Jaroslav Pelikan. – Chicago: University of Chicago Press, 1971-1989.
138. Rooney, David M. *The Wine of Certitude: A Literary Biography of Ronald Knox* / David M. Rooney. – San Francisco: Ignatius Press, 2009.
139. Schoenl, William J. *The Intellectual Crisis in English Catholicism : liberal Catholics, modernists, and the Vatican in the late nineteenth and early twentieth centuries* / William J. Schoenl. – New York: Garland Publishers, 1982.
140. Sims, John Alfred. *Missionaries to the Skeptics. Christian Apologists for the Twentieth Century: C.S. Lewis, E.J. Carnell, and Reinhold Niebuhr* / John Alfred Sims. – Macon, GA: Mercer University Press, 1995.
141. Shelley Bruce L. *Church History in Plain Language* / Bruce L. Shelley. – Nashville: Thomas Nelson Inc., 2013.
142. Simpson, Richard. *Edmund Campion: A Biography* / Richard Simpson. – London: Williams and Norgate, 1867. То же, [электронная книга] http://books.google.ru/books/about/Edmund_Campion.html?id=6SsZFUkyc7UC&redir_esc=y (дата обращения: 13.06.2013).
143. Sonnenfeld Albert. *Crossroads: Essays on Catholic Novelists*. – University of Michigan: French Literature Publications, Summa. 1982.

144. Speaight, Robert. *Ronald Knox the Writer* / Robert Speaight. – London: Sheed and Ward, 1966.
145. Stow, Walter Herbert. *Anglo-Catholicism: What It Is Not and What It Is* / Walter Herbert Stow. – London: Church Literature Association, 1932.
146. Strachey, Lytton. *Elizabeth and Essex: A Tragic History* / Giles Lytton Strachey. – London: Tauris Parke Paperbacks, 2012.
147. Tastard, Terry. *Ronald Knox and English Catholicism* / Terry Tastard. – Leominster: Gracewing, 2009.
148. Tanner, Norman. *New Short History of the Catholic Church* / Norman Tanner. – London, New York: Continuum, 2011.
149. Thiessen, H. C. *Introductory Lectures in Systematic Theology* / H.C. Thiessen. – Grand Rapids, MI: WM. B. Eerdmans Publishing Company, 1974.
150. Walsh, Milton T. *Second Friends: C. S. Lewis and Ronald Knox in Conversation* / Milton T. Walsh. – San Francisco: Ignatius Press, 2008.
151. Walsh, Milton. *Ronald Knox as Apologist: Wit, Laughter, and the Popish Creed* / Milton Wash. – San Francisco: Ignatius Press, 2007.
152. Woodman Th. *The Faithful Fictions: the Catholic Novel in British Literature*. – Milton Keynes: Open University Press, 1991.

IV. Литература по истории английского романа

153. Аллен, Уолтер. *Традиция и мечта. Критический обзор английской и американской прозы с 20-х гг. до сегодняшнего дня* / Уолтер Аллен. – М.: Прогресс, 1970.
154. *Английская литература, 1945-80* / Отв. ред. А.П. Саруханян. – М.: Наука, 1987.
155. Ванчура, З. *Двадцать лет английского романа. (1945-1964)* / З. Ванчура. – М.: Высшая школа, 1968.
156. Жантиева, Д.Г. *Английский роман XX века. 1918-1945* / Д.Г. Жантиева. – М.: Наука, 1965.

157. Зарубежная литература XX в. Т. 1, 2. Учебник для академического бакалавриата. / В.М.Толмачев, И.В.Кабанова и др. – М.: Изд-во Юрайт, 2014. Т.1. С. 412-430; Т. 2. С. 175-230. Серия Бакалавр. Академический курс.
158. Зарубежная литература XX века / Под ред. Л.Г. Андреева. – М.: Высшая школа, 2003.
159. Ивашева, В.В. Английская литература. XX век / В.В. Ивашева. – М.: Просвещение, 1967.
160. Ивашева, В.В. Новые тенденции в английской прозе 60-х годов / В.В. Ивашева. – Вопр. лит. – 1967, №3. – С. 177-194.
161. Ивашева, В.В. Литература Великобритании XX в.: учеб. для филол. спец. вузов / В.В. Ивашева. – М.: Высш. шк., 1984.
162. Кабанова И.В. Английская проза 1930-х гг. / И.В. Кабанова. – Саратов: изд-во Сарат. ун-та, 2012.
163. Михальская Н.П. Пути развития английского романа 1920-1930-х годов / Н.П. Михальская. – М.: Высшая школа, 1966.
164. Толмачев, В.М. Т.С. Элиот / В.М. Толмачев // Вестник Православного Свято-Тихоновского государственного университета. – 2011. III-1 (23). – С. 7-64.
165. Ушакова, О.М. Т. С. Элиот и европейская культурная традиция / О.М. Ушакова. – Тюмень: изд-во Тюменск. гос. ун-та, 2005.
166. Филюшкина, С.Н. Современный английский роман (Формы раскрытия авторского сознания и проблемы повествовательной техники) / С.Н. Филюшкина. – Воронеж: изд-во Воронежск. ун-та, 1988.
167. Allen, Walter. The English Novel. A Short Critical History / Walter Allen. – London: Harmondsworth, Penguin, 1978.
168. Bergonzi, Bernard. The Situation of the Novel / Bernard Bergonzi. – London: Macmillan, 1970.
169. Bradbury, Malcolm. The Modern British Novel / Malcolm Bradbury. – London: Secker and Warburg, 1993.

170. Caserio, Robert L. The Cambridge Companion to the Twentieth-Century English Novel / Robert L. Caserio. – Cambridge University Press, 2009.
171. Cunningham, Valentine. British Writers of the Thirties / Valentine Cunningham. – Oxford University Press, 1988.
172. Hynes, Samuel. The Auden Generation. Literature and Politics in England in the 1930s / Samuel Hynes. – New York: Faber & Faber, 1977.
173. Isaacs, J. An Assessment of Twentieth-Century Literature. London: Secker & Warburg, 1951.
174. Johnstone, Richard. The Will to Believe. Novelists of the Nineteen-thirties / Richard Johnstone. – Oxford University Press, 1982.
175. Karl F.R. A Reader's Guide to the Contemporary English Novel / F.R. Karl. – New York: Farrar, Straus & Giroux, 1962.
176. Stevenson, Randall. A Reader's Guide to the Twentieth-Century Novel in Britain / Randall Stevenson. – Lexington: University Press of Kentucky, 1993.
177. The Twentieth-Century Mind. History, Ideas and Literature in Britain / Ed. by C.B.Cox and A.E.Dyson. – Vol. 2. – 1918-1945. OUP, 1972.
178. The Cambridge History of Twentieth-Century English Literature / Ed. by Laura Marcus and Peter Nicholls. – Cambridge University Press, 2004.
179. Watt Ian. The Rise of the Novel: Studies in Defoe, Richardson and Fielding. – Berkeley: University of California Press, 1957.

V. Литература по творчеству Ивлина Во

180. Ивлин Во. Библиографический указатель. Сост. Е.Ю. Гениева. – М.: Книга, 1981.
181. Анджапаридзе, Г.А. К вопросу о традиции английского просветительского романа в современном английском романе: на примере творчества Эв. Во / Г.А.Анджапаридзе // Тезисы докладов конференции по проблемам литературы Просвещения. – М.: МГУ, 1971. - С.97-100.

182. Анджапаридзе, Г.А. Ранние романы Эвелина Во / Г.А. Анджапаридзе // Филол. Науки. Науч. докл. высш. шк.. –1971. №1. – С. 14-25.
183. Анджапаридзе, Г.А. Эвелин Во: сатирик или развлекатель? / Г.А.Анджапаридзе // Вопр. лит. 1971. – №10. – С.213-218.
184. Анджапаридзе, Г.А. Сатирические романы Эвелина Во: автореф. дис. канд. филолог. наук / Г.А.Анджапаридзе. –М.: МГУ, 1973.
185. Анджапаридзе Г.А. Предисловие / Г.А.Анджапаридзе. // Во И. Избранное. – Кишинев: Лумина, 1978. – С. 5-18.
186. Анджапаридзе, Г.А. Трилогия Э. Во «Почетный меч» / Г.А.Анджапаридзе. // Проблемы английской литературы XIX и XX вв. / Под ред. В.В. Ивашевой. – М., 1974. – С. 138-177.
187. Анджапаридзе Г.А. Ивлин Во, сатирик и лирик / Г.А.Анджапаридзе // Waugh Evelyn. Prose. Memoirs. Essays. Сб. на англ. яз. / Сост. Г.А.Анджапаридзе. – М.: Прогресс, 1980. – С.5-29.
188. Анджапаридзе, Г.А. Ивлин Во / Г.А.Анджапаридзе //Английская литература: 1945-1980. Отв. ред. А.П. Саруханян. –М.: Наука, 1987.
189. Анджапаридзе Г.А. Почему сегодня стоит прочесть Ивлину Во [Рец. на: Во И. Собрание сочинений. В 5 т. – М.: Эхо, 1996] / Г.А.Анджапаридзе // Книжное обозрение. – 1996. 14 мая. – С.6.
190. Анджапаридзе Г.А. Предисловие / Г.А. Анджапаридзе // Во И. Мерзкая плоть: Возвращение в Брайдсхед: Незабвенная: Рассказы. Сост. и авт. предисл. Г. Анджапаридзе. – М.: Прогресс, 1974. – С. 5-18.
191. Балашов П.С. Писатели-реалисты XX в. на Западе / П.С. Балашов. – Наука, 1984.
192. Белов С.Б. Бойня номер "X" / С. Б. Белов. – М.: Сов. писатель, 1991.
193. Бердникова И.В. Идеино-философская основа и культурно-художественные контексты ранних романов Ивлины Во : Автореф. канд. дисс.: – Омск: Омский гос. пед. ун-т, 2006.
194. Бердникова И. В «Символ веры» Ивлины Во / И.В. Бердникова // Тезисы докладов Международной научно-практической конференции

- «Христианские сюжеты и образы в русской, украинской и мировой литератур»). – Житомир, 1993. – С. 75-76.
195. Бердникова И. В. Слово и символ в философском романе Ивлина Во / И.В. Бердникова // Вопросы исследования и преподавания иностранных языков: Сб. науч. тр. – Вып. 1. /– Омск: Омск. ун-т, 1995. – С. 96-102.
196. Бердникова И. В, Акаева Э. В. Роль символов в раскрытии идейно-художественной направленности романа И Во «Пригоршня праха» / И.В. Бердникова // Функциональные особенности романо-германских языков и методы их преподавания: Межвузовский тематический сборник. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 1997. – С. 79-83.
197. Бердникова И В., Киприянова И. Е. Бестиарий Ивлина Во // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков: Межвузовский тематический сборник. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2002. – С. 123-131.
198. Бердникова И. В. Освальд Шпенглер и философия культуры ранних романов И. Во // Гуманитарное знание. Серия «Преемственность». Ежегодник: Сборник научных трудов. Вып. 6.– Омск: Изд-во ОмГПУ, 2002. – С. 133-140.
199. Бердникова И. В. Современность и модернизм Ивлина Во // Вопросы лингвистики и лингводидактики: Концепт, культура, компетенция: Межвузовский тематический сборник научных трудов. Вып. 4. 2004. – Омск: Омск. гос. ун-т. – С. 132-141.
200. Бердникова И В. Цивилизованные варвары Ивлина Во // Филологический сборник Лингвистика Литературоведение. Фольклористика. Сборник научных статей. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2005. – С. 162-172.
201. Воскресенская Е.Г. Интертекстуальные включения в произведениях И.Во : Автореф. канд. дисс.: 10.02.04. – Барнаул. гос. пед. ун-т, 2004.
202. Елистратова А.А. Свобода циничного зубоскальства. // Иностран. лит. – 1958, №5. – С. 258-260.

203. Елистратова А.А. Современная английская литература / А.А. Елистратова. // История английской литературы. Т. 3. – М.: изд-во АН СССР, 1958. – С. 687-723.
204. Елистратова А.А. Неприятная правда об одной «приятной прогулке» / А.А. Елистратова. // Иностран. лит. – 1961, №4. – С. 194-197.
205. Елистратова А.А. «Англо-американская трагедия» Эвелина Во / А.А. Елистратова. // Иностран. лит. – 1969, №2. – С. 191-194.
206. Ивашева В.В. Ивлин Во и его сатирическая традиция в наши дни / В.В.Ивашева // Что сохраняет время? Литература Великобритании 1945-1977. – М.: Сов.писатель, 1979. – С. 89-105.
207. Ивашева В.В. Новые черты реализма на Западе / В.В.Ивашева. – М.: Сов. писатель, 1986.
208. Кабанова И.В. «Эдмунд Кэмптон» Ивлина Во / И.В.Кабанова. // Филология. – Саратов, 1996. – С. 94-97.
209. Кабанова И.В. Женский идеал Ивлина Во в романе «Елена» / И.В.Кабанова. // О женщине, женщинах и прочем. Сборник, посв. юбилею проф. Е.Н.Строгановой. – Тверь, ТГУ. 2007. – С. 124-134.
210. Левидова И. Укрощение абсурда / И. Л. Левидова // Вопросы литературы. – 1970, № 8. – С. 121-140.
211. Мантыева Б. А. Отрицание в понятийной и языковой картине мира в личностном и художественном дискурсе : (на материале произведений Б. Рассела "Почему я не христианин", "Почему я рационалист", "Я атеист или агностик?", В. Вулф "Миссис Дэллоуэй", И. Во "Возвращение в Брайдсхед") : Автореф. канд. дисс. 10.02.04. – Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 2006.
212. Сазонова Т.П. Парадокс в творчестве Ивлина Во: романы 20-30-х годов : Автореф. канд. дисс. – Моск. гос. пед. ун-т, 1997.
213. Татарникова Л.Р. Ценностно-смысловая трансформация христианских мотивов в произведениях Ивлина Во, Джона Фаулза и Курта Воннегута : Автореф. канд. дисс. – Чита, 2006.

214. Шишкин А.П. Современный английский роман: Проблема войны и мира / А. П. Шишкин. – М.: Высш. шк., 1983.
215. Evelyn Waugh and His World / Ed. by David Pryce-Jones. – New York: Little Brown and Co, 1973.
216. “A Handful of Mischief”: New Essays on Evelyn Waugh / Ed. by Donat Gallaher, Ann Pasternak Slater and John Howard Wilson. – Madison, NJ: Fairleigh Dickinson UP, 2011.
217. Waugh Without End: New Trends in Evelyn Waugh Studies / Ed. by Carlos Villar Flor, Robert Murray Davis. – Bern: Peter Lang AG, 2005.
218. Beaty, Frederick L. The Ironic World of Evelyn Waugh: A Study of Eight Novels / Frederick L. Beaty. – DeKalb: Northern Illinois University Press, 1994.
219. Blayac Alain. Evelyn Waugh, Biographer // Waugh Without End: New Trends in Evelyn Waugh Studies / Ed. Carlos Villar Flor, R.M. Davis. – Bern: Peter Lang, 2005. – Pp. 91-102.
220. Bradbury, Malcolm. Evelyn Waugh / Malcolm Bradbury. – Edinburgh: Oliver and Boyd, 1964.
221. Brennan, Michael G. Evelyn Waugh: Fictions, Faith and Family / Michael. G. Brennan. – L.-New Delhi- N.Y.- Sydney: Bloomsbury, 2013.
222. Byrne, Paula. Mad World : Evelyn Waugh and the Secrets of *Brideshead* / Paula Byrne. – New York: Harper, 2010.
223. Burdett Paul S. Evelyn Waugh: The Novelist’s War Service // World War II Magazine. 12 June 2006. [электронный ресурс]: <http://www.historynet.com/evelyn-waugh-the-novelists-world-war-ii-service.htm> (дата доступа: 10.03.2014).
224. Carens J.F. The Satiric Art of Evelyn Waugh / J.F. Carens. – University of Washington Press, 1966.
225. Carpenter, Humphrey. The Brideshead Generation : Evelyn Waugh and His Friends / Humphrey Carpenter. – Boston: Houghton Mifflin, 1990.
226. Crabbe, Katharyn W. Evelyn Waugh / Katharyn W. Crabbe. – New York: Continuum, 1988.

227. Cook, William J. *Masks, Modes, and Morals: the Art of Evelyn Waugh* / William J. Cook. – Madison: Fairleigh Dickinson University Press, 1971.
228. Cooper, Diana. *The Light of the Common Day* / Diana Cooper. – London: Rupert Hart-Davis, 1959.
229. Corr, Patricia. *Evelyn Waugh: A Handful of Dust* / Patricia Corr. – London: Gill and Macmillan, 1973.
230. Gallaher Donat. Evelyn Waugh's *Edmund Campion* and "Lady Southwell's Letter" // *Connotations*. – 2010, № 11. – P. 80-107.
231. Garnett, R.R. *From Grimes to Brideshead : The early novels of Evelyn Waugh* / R.R. Garnett. – Lewisburg: Toronto: Assoc. univ. presses, 1990.
232. Gorra, Michael. *Through Comedy toward Catholicism : A reading of Evelyn Waugh's early novels* / Michael Gorra // *Contemporary lit.* Madison: The University of Wisconsin Press. – Vol. 29. – № 2. – 1988. – P. 201-220.
233. Davis, R.M. *Evelyn Waugh: checklist of primary and secondary material* / R. M. Davis. – Albany: Whitston Publishing Company, 1973.
234. Davis, R.M. *The Rhetoric of Mexican Travel: Greene and Waugh* / R.M. Davis // *Renascence* – № 38. – Spring 1986.
235. Davis, R. M. *Brideshead Revisited: the Past Redeemed.* / R. M. Davis. – Woodbridge: Twayne Publishers, 1990.
236. Davis, R. M. *Evelyn Waugh and the forms of his time* / R. M. Davis. – Washington, D.C.: Catholic University of America Press, 1989.
237. Davis, R. M. *Evelyn Waugh, writer* / R. M. Davis. – Pilgrim Books, 1981.
238. Davis, R. M. *Mischief in the Sun: The Making and Unmaking of *The Loved One** / R. M. Davis. – Albany: Whitston Publishing Company, 1999.
239. Decost, Marcel. *The World's Anachronism: The Timelessness of the Secular in Evelyn Waugh's *Helena** / Marcel Decost // "A Handful of Mischief": *New Essays on Evelyn Waugh.* – Madison: Fairleigh Dickinson University Press, 2011. – P. 160-171.
240. DeVitis, A.A. *Roman Holiday: The Catholic Novels of Evelyn Waugh* / A.A. DeVitis. – New York: AMS Press, 1971.

241. Donaldson, Frances Lonsdale, Lady. Evelyn Waugh; portrait of a country neighbor / Lady Frances Lonsdale Donaldson. – London: Weidenfeld & Nicolson, 1967.
242. Doyle, Paul A. A reader's companion to the novels and short stories of Evelyn Waugh: an annotated glossary of the narratives, a who's who among the characters, a gazetteer of the principal places, a description of the important proper names, and an explanation of abbreviations used in the stories / Paul A. Doyle. – Norman, Okla.: Pilgrim Books, 1988.
243. Doyle P.A. Evelyn Waugh. A Critical Essay / P.A. Doyle. – New York: William B. Eerdmans, 1969.
244. Guillamet, Eulalia Carceller. Religion and Reconciliation in *Helena* / Eulalia Carceller Guillamet // Waugh Without End: New Trends in Evelyn Waugh Studies / Ed. Carlos Villar Flor, R.M. Davis. – Bern: Peter Lang, 2005. – Pp. 211-224.
245. Hastings, Selina. Evelyn Waugh / Selina Hastings. – New York: Vintage, 2002.
246. Heath, Jeffrey M. The Picturesque Prison : Evelyn Waugh and His Writing / Jeffrey M. Heath. – Kingston: McGill-Queen's University Press, 1982.
247. Ivancova L. Cultural and Moral Heritage of Catholicism in *Brideshead Revisited* // European Scientific Journal. – Vol.10. – № 11. – 2014. P. 27-37.
248. Ker, Ian. The Catholic Revival in English Literature, 1845-1961: Newman, Hopkins, Belloc, Chesterton, Greene, Waugh / Ian Ker. – University of Notre Dame Press, 2004.
249. Lane, Calvin Warren. Evelyn Waugh / Calvin Warren Lane. – Woodbridge: Twayne Publishers, 1981.
250. Littlewood, I. The Writings of Evelyn Waugh / I. Littlewood. – Oxford: Blackwell, 1983.
251. Lodge, David. Evelyn Waugh / David Lodge. – New York: Columbia University Press, 1971.
252. Lodge, David. Evelyn Waugh / David Lodge // Six Modern British Novelists / Ed. by George Stade. – New York, London: Columbia University Press, 1974. P. 43-61.

253. Lowe, Keith Delroy. *Evelyn Waugh: Man Against History* / Keith Delroy Lowe. – Stanford University, 1968.
254. Macauley Rose. *The Best and the Worst: II – Evelyn Waugh* // *Horizon*. – Dec.1946, № 14.84. — P. 360-376.
255. Mahon W. J. “A Later Development”: *Evelyn Waugh and Conversion* / W.J. Mahon // “A Handful of Mischief”: *New Essays on Evelyn Waugh*. – Madison: Fairleigh Dickinson University Press, 2011. P. 62-73.
256. McCartney, George. *Evelyn Waugh and the Modernist Tradition* / George McCartney. – Piscataway, NJ: Transaction Publishers, 2004.
257. Mitford, Mosley Diana. *A Life of Contrasts* / Mosley Diana Mitford. –London: Hamish Hamilton, 1970.
258. Morriss, M.; Dooley, D.J. *Evelyn Waugh, a reference guide* / M. Morriss, D.J. Dooley. – Boston: Hall, 1984.
259. Myers, William. *Evelyn Waugh and the Problem of Evil* / William Myers. – London: Faber and Faber, 1991.
260. McDonnell, Jacqueline . *Waugh on women* / Jacqueline McDonnell. – London: St. Martin's Press, 1985.
261. McDonnell, Jacqueline. *Evelyn Waugh*. / Jacqueline McDonnell. – London: St. Martin's Press, 1988.
262. Mooneyham, Laura. *The Triple Conversion of Brideshead Revisited* / Laura Mooneyham // *Journal of Renaissance*. – Vol. 45 (4). – 1993. – P. 225-237.
263. Oanca, Monica. *Rediscovering Evelyn Waugh’s Helena: An Orthodox Approach* // *Text si Discurs Religios* [электронный ресурс] <http://www.cntdr.ro/sites/default/files/c2012/c2012a34.pdf> (дата обращения: 12.08.2013).
264. Pasternak Slater, Ann. *Evelyn Waugh* / Ann Pasternak Slater. – Devon: Northcote House Pub Ltd, 2011.
265. Patey, Douglas Lane. *The Life of Evelyn Waugh: A Critical Biography* / Douglas Lane Patey. – Oxford: Blackwell, 2001.
266. Pearce, Joseph. *Evelyn Waugh: from Ultramodern to Ultramontane* // *Lay Witness*. – 2001, № 5 (May). То же, [электронный ресурс]

<http://www.catholiceducation.org/en/culture/literature/evelyn-waugh-ultramodern-to-ultramontane.html>

(дата обращения: 10.12.2013).

267. Pearce, Joseph. *Literary Converts: Spiritual Inspiration in an Age of Unbelief* / Joseph Pearce. – San Francisco: Ignatius Press, 2006.
268. Philips, Gene D. *Evelyn Waugh's Officers, Gentlemen, and Rogues*. – Chicago: Nelson-Hall, 1975.
269. Potter, Martin. *British and Catholic? : National and Religious Identity in the Work of David Jones, Evelyn Waugh and Muriel Spark* / Martin Potter. – Oxford: Peter Lang, 2013.
270. Prescott, Orwell. *Books of the Times*. Rev. of: *Edmund Campion* by Evelyn Waugh. *Black Mischief* by Evelyn Waugh / Orwell Prescott // *New York Times*. – 1946, June 19.
271. Pryce-Jones, David. *Evelyn Waugh and His World* / David Pryce-Jones. – London: Weidenfeld and Nicolson, 1973.
272. Quennell, Peter. *Evelyn Waugh* / Peter Quennell // *Casanova in London and Other Essays*. – London: Littlehampton Book, 1970.
273. Sheed, Walter. *Evelyn Waugh: No Snob Like a Snubbed Snob* / Walter Sheed // *The Good Word and Other Words. A Collection of Essays*. – New York: E. P. Dutton, 1978. P.53-65.
274. Schweizer Bernard. *Evelyn Waugh* // *The Encyclopedia of Twentieth-Century Fiction*. /Ed. by Brian W Shaffer. – Blackwell Publishing, 2011. P. 376-379.
275. Stannard, Martin. *Evelyn Waugh: The Early Years, 1903-1939* / Martin Stannard. – New York: W.W.Norton, 1987.
276. Stannard, Martin. *Evelyn Waugh: The Later Years, 1939-1966* / Martin Stannard. – New York: W.W.Norton, 1994.
277. Stopp, Frederick John. *Evelyn Waugh: Portrait of an Artist* / Frederick John Stopp. – London: Chapman and Hall, 1958.
278. Sykes, Christopher. *Evelyn Waugh: A Biography* / Christopher Sykes. – London: Collins, 1975.

279. Waugh, Alexander. *Fathers and sons: The Autobiography of a Family* / Alexander Waugh. – New York: Nan Talese, 2007.
280. Waugh, Peter. My life as a Waugh. Interview with Peter Barkham // *The Guardian*. 26 November 2011. [электронный ресурс] <http://www.theguardian.com/lifeandstyle/2011/nov/26/peter-waugh-alec-wagh-evelyn-waugh> (дата обращения: 18.01.2014).
281. Wilson, John H. *Evelyn Waugh: A Literary Biography, 1903-1924* / John H. Wilson. – Madison, NJ: Fairleigh Dickinson UP, 1996.
282. Wilson, John H. *Evelyn Waugh: A Literary Biography, 1924-1966* / John H. Wilson. – Madison, NJ: Fairleigh Dickinson UP, 2001.
283. Wirth, Anette. *The Loss of Traditional Values and Continuance of Faith in Evelyn Waugh's Novels: A Handful of Dust, Brideshead Revisited, and Sword of Honour* / Anette Wirth. – Oxford: Peter Lang, 1990.
284. Wykes, David. *Evelyn Waugh: A Literary Life* / David Wykes. – London: St. Martin's Press, 1999.
285. Evelyn Waugh Newsletter and Studies [Электронный ресурс] <http://leicester.contentdm.oclc.org/cdm/ref/collection/> (дата обращения: 15.02.2014).
286. Evelyn Waugh Society. [Электронный ресурс] <http://evelynwaughociety.org/> (дата обращения: 17.07.2014).